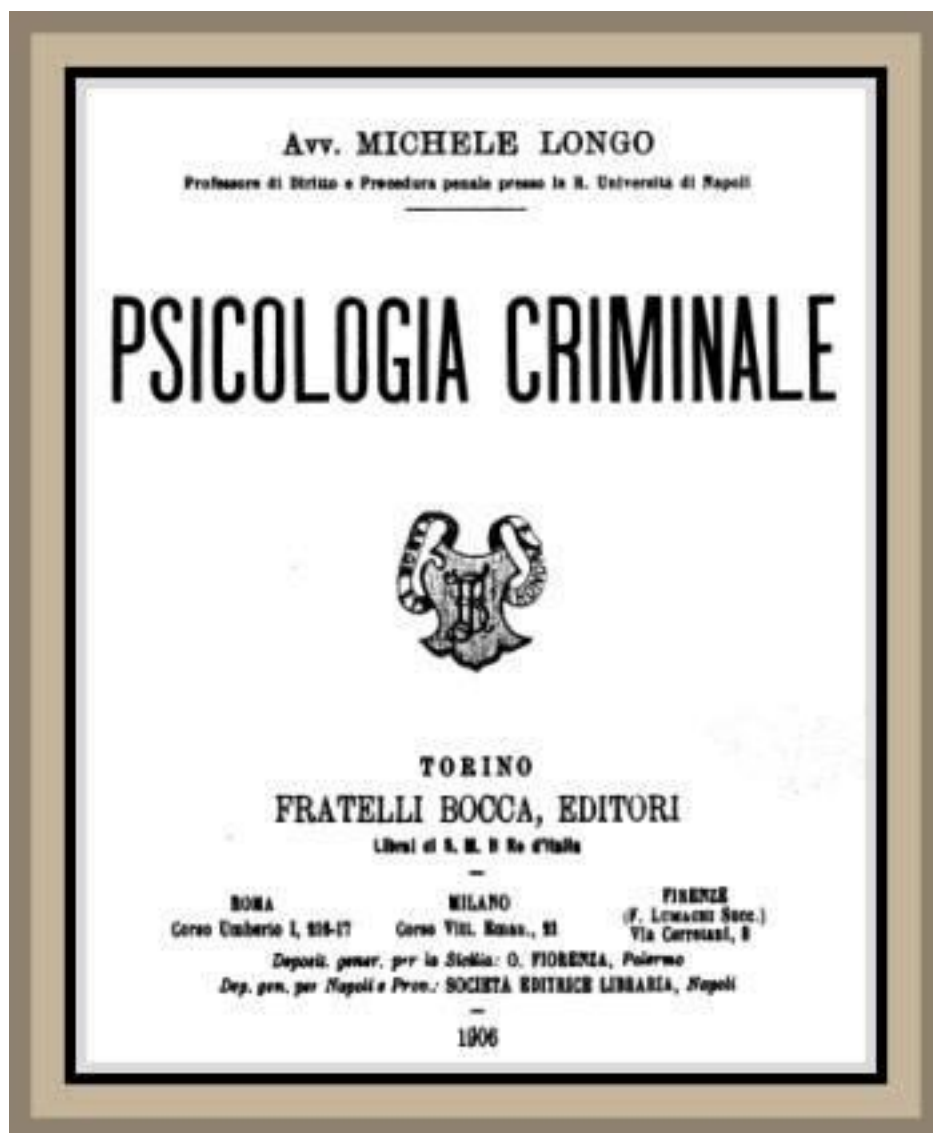

Криминальная психология

Микеле Лонго

The Project Gutenberg eBook of Criminal Psychology.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Криминальная психология

Автор: Мишель Лонго

Дата выхода: 27 сентября 2014 [eBook #46981].

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Итальянский

Авторские права: Электронный текст подготовлен Джованни Фини и командой Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, любезно предоставленных проектом Google Books Library (<http://books.google.com>).

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ "КРИМИНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ" ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГА

Электронная книга Project Gutenberg "Криминальная психология", автор Микеле Лонго

Примечания: Изображения оригинальных страниц доступны через библиотечный проект Google Books. См. <http://www.google.com/books?id=M-YVAAAAAYAAJ>

ПРИМЕЧАНИЯ ТРАНСКРИПТОРА:

-Исправлены очевидные опечатки и пунктуационные ошибки.

-Обложка была создана транскриптором; изображение помещено в общественное достояние.

ПУБЛИКАЦИИ ТОГО ЖЕ АВТОРА

Причина преступности	"	3-
Гражданская ответственность после оправдательного приговора по уголовному делу	"	1-
Современные условия досудебного периода в итальянском уголовном праве и необходимые реформы	"	2-
Трактат об итальянском уголовном кодексе - часть I. О преступлениях и наказаниях в целом	"	6-
Косвенный уголовный процесс - Книга вторая	"	3-
Преднамеренное убийство - Книга вторая	"	5-
Остальные оскорбления по римскому праву	"	1-
Макбет - исследование уголовной психологии	"	1-
Шиллер-Ибсен - изучение уголовной психологии	"	2-
Криминальное сознание - психолого-правовое исследование	"	3-

Адвокат МИШЕЛЬ ЛОНГО

Профессор права и уголовного процесса в Королевском университете Неаполя

КРИМИНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ТУРИН

БРАТЯ БОККА, ИЗДАТЕЛИ

Книготорговцы Его Величества Короля Италии

РИМ
Corso Umberto I, 216-17

МИЛАН
Корсо Витт. Эман., 21

ФЛОРЕНЦИЯ
(F. Lumachi Succ.)
Виа Черретани, 8

Депозит. род. для Сицилии: О. FIORENZA. Палермо
Деп. по Неаполю и провинции: SOCIETÀ EDITRICE LIBRARIA, Неаполь

1906

Литературная собственность

№ 10217-Стаб. Наконечник. Торинезе, виа Ормеа, 3.

СВЯТОЙ ПАМЯТИ

АДВОКАТА

РАФФАЭЛЕ ДЖУЗО

1906.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель, случайно знакомый с моими предыдущими публикациями, сразу же увидит, пролистав эту книгу, что в ней я стремился систематизировать разрозненные понятия криминальной психологии, придав им органическую форму.

Убежденный после долгих и упорных размышлений, что каждая отрасль знания должна быть вновь соединена с научным единым познанием, наиболее точный и возвышенный синтез которого содержится в монизме, я считал, что не могу обманывать себя, решая субъективную проблему преступности с помощью теорий, которые черпают из динамического процесса всех явлений природы, от неорганических до органических и от них до человека. Таким образом, задача судьи освобождается от всего того, что надумали старые метафизические ошибки, традиционные социальные проблемы; и таким образом, право наказывать является частью эволюционного прогресса, к которому стремятся приблизиться все дисциплины, как в теории, так и на практике.

Кроме того, эта книга содержит только общую или фундаментальную часть криминальной психологии. Для более наглядного раскрытия заложенных в ней понятий необходимо, чтобы за этой книгой последовали еще две работы: трактат "Этнологическая криминальная психология", имеющий целью изучение действия сил среды на генезис и развитие преступности, и трактат "Специальная криминальная психология", в котором рассматривается субъективное преступное событие для каждой категории фактов.

Надеюсь, что прием, на который я рассчитываю в отношении этих моих исследований, послужит мне в будущем утешением в новых и более достойных начинаниях".

Лучера, 9 декабря 1905 г.

М. Лонго.

ВВЕДЕНИЕ

1. Научное содержание криминальной психологии.-2. Процесс различения любого явления; естественное формирование мысли.-3. Как возникает психическое событие карательной правовой данности.-4. Генезис социальной санкции; понятие умысла на эволюционных этапах правосознания народов.-5. Исторический обзор психофизиологического изучения преступника.-6. Современные авторы различных дисциплин о преступнике.-7. Интегративный этап криминальной психологии.-8. Динамическая криминальная теория как основа психологических исследований преступника; научные прецеденты Романьози и Карминьяни.

1.- Криминальная психология - это отдельная отрасль общей психологии и науки о праве наказывать. Общая психология изучает законы мышления или законы естественного формирования сознания; наука о наказании занимается правовым генезисом преступлений и законодательными нормами по их предупреждению и пресечению. Окончательное совпадение принципов, регулирующих производство и эволюцию психических явлений, с принципами, присущими феномену преступности, порождает криминальную психологию, научное содержание которой заключается в комплексе законов, управляющих психическим формированием феномена преступности, рассматриваемого в двойном аспекте - эволюционного процесса и процесса распада. Рассмотрение предмета даст объяснение тому, что мы сейчас излагаем. 1.- Как возникла криминальная психология и каковы ее границы?

2.- Любое прогрессирующее явление, в том числе и мысль, - это всего лишь различие, наложенное на предыдущие, менее отчетливые явления. Начиная с естественного формирования Солнечной системы и заканчивая высшими проявлениями человеческого интеллекта, принцип является постоянным и реализуется в повышении точности и согласованности с большей интеграцией производимого эффекта. Наука может быть понята как определенное знание в противоположность неопределенному знанию вульгарного мира, но ее существенный характер прогресса заключается в увеличении точности; поэтому, согласно Спенсеру, если наука была, как это несомненно, постепенным развитием неопределенного знания вульгарного мира на протяжении веков, то необходимо, чтобы

постепенное завоевание большой точности, которая отличает ее сегодня, было главной чертой ее эволюции.

Истину, которая является целью разума, мы сначала воспринимаем путано, как существование вещей; затем, постепенно, мы узнаем ее определенной в отношениях пространства и времени, а потом подчиняем ее силе рефлексии и уточняем ее, выделяя, в многочисленных связях деятельности научной мысли. Не следует думать, что различие прерывает непрерывность процессов становления, ибо этому противостоит закон постоянства любого вида энергии; не следует думать, что единство явления препятствует его распаду на первоэлементы. Так, по мнению Ардиго, "мысль, действительно, одновременно и множественна, и едина, ибо и она, мысль, есть природа, то есть естественное образование, как и все другие вещи. Она множественна, как совокупность атомов организма, функцией которого она является. Она едина, как закон, по которому сами атомы не могут избежать действия одного на другой. Мысль - это образование, то есть эффект, определяемый, по закону различия, в какой-то точке вселенной силой, живущей в целом, как и все остальное. Противоречие между этими двумя понятиями, единством и множественностью, есть не что иное, как следствие ложной идеи, окончательно отброшенной позитивной наукой; идеи метафизической субстанции, подчиненной явлениям мысли и материи"[1].

3.- Психическое событие карательной правовой данности возникает благодаря выделению и организации антиэгоистических общественных идеалов перед лицом индивидуальных эгоистических тенденций. Если допустить отношения между единомышленниками, то первое возникновение естественной причины права происходит в утверждении *высокомерия* сильного по отношению к слабому, то есть в выражении эгоистического таланта в противовес антиэгоистическому разуму, социальной идеальности или справедливости. Последствия цивилизации и ментальная привычка адаптации к ним рождают идею конституированной *власти*, которая устраняет или предотвращает акты индивидуального высокомерия, сначала с помощью спонтанной санкции общественного мнения, обычаев, религиозных чувств; затем с помощью превентивных и репрессивных правовых санкций.

Поскольку социальная жизнь протекает параллельно с созданием идеи справедливости и поскольку она является неотъемлемым условием сохранения организма коллективной совокупности, мы вместе с Ардиго заключаем, что справедливость - это специфическая сила общества; она является его специфической силой, как, например, *сродство* является специфической силой химических веществ, *жизни* организмов, *психики* животных.

По мере того как требования социальной идеальности сочетались с применением индивидуальной силы, психический элемент преступления становился все более отчетливым; поскольку, по мере того как идея справедливости превращалась в силу репрессии, объективная данность опасности и ущерба антиюридического деяния отделялась от субъективной данности состояния совести, противоречащего общепринятому способу чувствовать, думать и желать, и заключалась необходимость *социальной санкции* в виде применения наказания. Отсюда понятие *умысла*, значение которого на этапах эволюции правосознания народов многообразно и неопределенно. Миттермайер[1] и Николини[2] возводят его к обману и притворству, либо ко всякому искусству и уловкам скрывать от других свои намерения в поступках, сохраняющих видимость противоречащих им. Буччеллато, сказав, что *dolus* первоначально означает *приманку* (*δέλ-εαρ*), а в переводе - любое средство *завлечения*, чтобы ввести других в заблуждение, заключает, что *dolus* противопоставляется *vis*, открытому насилию; дуализм, который также встречается в древнегерманском праве.[3]

Наконец, умысел, или субъективный элемент преступления, постепенно соединился с намерением и волей нарушить нравственный и правовой порядок, с сознанием нарушения обязанности уважения к ближним, с добровольностью вредного действия и с другими психическими факторами, которые использовались для обоснования теорий, направленных на лучшее установление оснований вменяемости человека.

Под влиянием метафизических и априорных представлений о явлениях психики и неверной интерпретации социальных фактов преступление стало восприниматься как *юридический объект*, а преступник - как существо, находящееся вне влияния окружающей среды и динамичных природных законов, которым подчиняются все явления.

Параллельно с дифференцированным историко-правовым процессом субъективного элемента преступности вызревало изучение того же объективного, но в другой области, с использованием экспериментального и индуктивного метода, не отходя от наблюдения за реальной действительностью вещей. Поэтому не абстрактные предположения, не беспричинные и произвольные гипотезы, подкрепленные лишь логической необходимостью системы, а аналитические исследования, аналоговые сравнения, сопоставления пациентов и беспристрастные размышления были теми средствами, с помощью которых ученые-позитивисты обращались к решению феномена преступности, изучая личность преступника, его физические и моральные качества, а также те причины окружающей среды, которые могли повлиять на пробуждение и усиление его дурных наклонностей.

Наибольшее внимание древние уделяли внешним соматическим, тератологическим или атипичным признакам, особенно физиогномике, а также комплексу дегенеративных физических признаков, указывающих на ненормальные моральные качества.

Среди первых - Аристотель и Гален, среди римлян - Цицерон, не говоря уже о более мелких. Гиппократ оставил ценные размышления о действии внешнего мира на наши наклонности, не говоря уже о значении, которое следует придавать неправильным органическим формам. Это были глубокие наблюдения, которые перешли из области науки в область искусства и нашли отражение в гениальных концепциях великих поэтов. Гомеровский Терсит, а затем, из того же ряда, разбойник Автолик, дед Улисса по материнской линии; привычные и жестокие мародеры Ахилл, Менелай; а у трагиков - отцеубийца Эдип, Улисс, изображенный в "Филоктете" Софокла, неистовый Геракл Еврипида, Аякс Софокла и, наконец, Орест, типичный импульсивный преступник, так мастерски изображенный Эсхилом (в "*Коафорах*" и "*Евменидах*"), Софоклом (в "*Электре*"), Еврипида (в "*Электре*" и "*Оресте*"), показывают нам, как искусство предвосхищает открытия науки и как, непосредственно постигая видение реальности, оно меньше отдаляется от путей истины, с которых нас так часто сбивает искомую помощь искусственной логики.

6.- Однако детализация и углубление психофизических знаний преступника были отнесены к новому времени. И вот множество имен, в трудах которых разбросан весь научный материал, который послужит основой для приложений в нашей дисциплине: Г. В. Порта, Лаватер, Галль, Лавернь, Гаспер, Морель, Лукас, Ферри, Уилсон, Никольсон, Томпсон, Деспин и др.

Сегодня уже никто и никогда не узнает о высочайшей заслуге Ч. Ломброзо. Ломброзо, который, систематически собрав антропологические данные о преступнике, значительно облегчает задачу психолога, стремящегося построить науку о психике преступника на прочном фундаменте, применяя позитивные теории, наиболее широко признанные авторитетными авторами по общей психологии.

7.- Но даже если признать, что научный материал, во многом экспериментальный, для создания криминально-психологических теорий уже подготовлен, отдельной отрасли все равно не хватает собственного содержания. Многие путают криминальную психологию с антропологией, криминальной социологией или психиатрией. Крафт-Эбинг, например, в своем магическом трактате "*Судебная психопатология*" не ограничивает психологическое исследование обсуждением свободы или несвободы преступных действий, а также фундаментальных принципов вменяемости: все остальное - материал патологии или невропатологии. Не иначе обстоит дело и у других авторов, включая Ломброзо, Вергилия и Марро; есть ценные изолированные понятия; не хватает порядка, координации и единства в системе. Возможно, - и мы увидим, - после работ Тарде, Росси и Сигеле в области коллективной криминальной психологии начинает появляться органичное научное направление: но о, как желательно, чтобы исследования еще продвинулись, прежде чем мы сможем сказать, что мы провели определенные границы разделения между нашей дисциплиной и ей подобными. В целом, этот недостаток проистекает из преувеличенного значения, придаваемого патологическому фактору или стороне преступления в ущерб психическим факторам: что не должно удивлять, если учесть, что те, кто чаще всего предлагает задачу обследования преступника, являются не психологами по профессии, а психиатрами: то, чего много в одной области, не хватает в другой.

8. этап, достигнутый криминальной психологией до нас, является лишь *описательным*: понятия есть, науки нет.

Общая психология, однако, настолько продвинулась вперед, что позволяет нам использовать ее просветление для координации, оплодотворения и объединения драгоценного материала, разбросанного вокруг основных проблем преступной психики.

Теория, которую мы отстаиваем уже много лет и которая носит название *теории криминальной динамики*, обозначает крайний предел примирения между истинами, общепринятыми психологией нормального человека, и представлениями об аномалиях, как соматических, так и психических, характерных для преступника. Человек - это энергия или комплекс энергий в действии: независимо от того, работает ли он нормально или отклоняется от функционирования обычного человека, он никогда не освободится от власти динамических законов, которые в конечном счете связаны с законом причинности. Поэтому понимание генезиса, вариаций, колебаний, антагонизма психофизических энергий обычного человека, умение уловить их подъем и спад, последовательные трансформации, внезапное возникновение и медленное накопление и наслоение в рефлекторных актах и в темных глубинах бессознательного - достаточная подготовка для того, чтобы проникнуть в неизведанные глубины души преступника и сделать очевидными законы, по которым она управляется. Если мы добавим к *сànonè*, полученному из психологии, помощь психиатрии, антропологии и криминальной социологии, задача станет менее трудной и более вероятной для успеха.

По правде говоря, в Италии уже не первый раз интуитивно понимают динамический генезис преступности: Романьози был предтечей.

Он понимал, что "существует непогрешимая и постоянная связь между мотивами, которые присутствуют в понимании, и детерминациями человеческой воли; и эти детерминации всегда относительно и пропорциональны виду и энергии самих мотивов"[4]. И в другом месте: "Если бы в подавляющих идеях не содержалась естественная энергия, действующая на человеческую чувствительность и волю; если бы согласие этих способностей не изменялось в соответствии и пропорционально силам вышеупомянутых идей, как можно

было бы объяснить и утверждать, я не говорю, что они обладают способностью сдерживать или замедлять другие предыдущие импульсы, но что они даже не обладают способностью производить какой бы то ни было эффект?"[5]. Карминьяни также утверждает, что сила души, необходимая для преступления, может уменьшаться только под действием посторонних сил, которые ее угнетают; и, кроме того, что сила человеческой души, как и все другие силы, действующие в природе, подвержена аномалиям, абберациям и событиям, производимым другими силами, которые, почти эпизодически по отношению к основной, прививаются к ней, модифицируют ее и иногда изменяют ее природу.[6]

Содержательные идеи нового направления были хорошо усвоены: но пока философия не отказалась от априорного метода, а биология, физиология и психология не уложились в общую унитарную эволюционную систему, отсутствовали средства для проверки на отдельных фактах или в многообразных состояниях сознания преступника не отличия, по Карминьяни, силы человеческой души от всех других сил, действующих в природе.

Криминальная психология, наконец, не только предлагает анализировать и оценивать феномен преступности в его субъективном содержании, но и пытается решить пенитенциарную или репрессивную проблему в тех весьма скромных рамках, которые на нее наложены; противопоставить опасному психическому функционированию преступника какое-то доступное нам средство, не нарушающее требований справедливости, *специфической силы общества*.

ГЛАВА I.

Психические функции преступника.

1. Научное понятие слова *функция*.-2. Психофизическое функционирование, свойственное преступнику.-3. Ненормальность оного: общий закон равновесия, нарушаемый преступлением.-4. Понятие психического равновесия - единственный критерий различия между нормальным человеком и делинквентом.-5. Этический эквивалент психического дисбаланса; его отражение на субъективной и объективной данности преступления.-6. В чем состоят психические функции преступника в их внутреннем и внешнем аспектах.

1. Деяния нашей жизни - это множество следствий, связанных с взаимными причинами. Если эти причины нам известны, мы используем их для квалификации поступка, отличая его от всех других, имеющих с ним сходство. Например, мы говорим, что кто-то подвергся *операции*, чтобы обозначить, что совершенный над ним акт является результатом действия разумной причины, которую мы относим к личности хирурга. Более того, мы склонны, вынужденные по необходимости, обращаться к работе техника для создания какой-либо машины, для лечения болезни, для защиты в споре; и это потому, что мы предполагаем, что эти люди наиболее *подходят* для удовлетворения нашего желания. Соединив первый факт опыта со вторым, мы приходим к выводу, что квалификация, по которой мы различаем особенность действий и причину выбора лиц, наиболее способных их совершить, интегрирована в привычное суждение о том, что данные причины с наибольшей *вероятностью* приведут к данным последствиям. Аналогичное наблюдение мы делаем, размышляя о том, почему мы различаем наши органы чувств. Мы утверждаем, что глаз

обладает свойством видеть, а ухо - свойством слышать, поскольку нам известно, что эти органы обладают качествами, подходящими для упомянутых эффектов; что в них можно найти способность воспринимать цвета, улавливать звуки.

Идея способностей, возможностей и возможностей, подразумеваемая в вышеприведенных суждениях, выражается в общих чертах словом "*функция*". В физиологии мы говорим о функциях тканей, органов, аппаратов; о функциях питания, размножения, взаимоотношений, чтобы обозначить явления, изолированные или комплексные, выполняемые организмом для сохранения индивида и вида. Социология имеет дело с социальными функциями, психология - с функциями разума. В каждом случае слово "функция" сопровождается смыслом процессов, которые более легко располагают к выполнению определенных результатов.

Вундт хорошо замечает, что всякий раз, когда, как в случае сложно-структурного аппарата нервной системы, мы не имеем сознания действительного состава молекулярных модификаций, в которых состоит упражнение, нам остается только это общее выражение *функциональных диспозиций*, которое всегда может быть воспринято в хорошем смысле: Таким образом, вопреки теории стойких материальных следов, это выражение предполагает последовательное действие, которое сначала длительно, а затем постепенно снова исчезает вследствие прекращения или недостатка упражнения, последовательное действие, которое состоит не в продолжении длительности функции, а в легкости, с которой она снова появляется .[7]

И там же добавляется, что если из физической области перенести этот способ рассмотрения в психическую, то только сознательные представления должны будут быть признаны реальными представлениями; а представления, исчезнув из сознания, оставят после себя *психические диспозиции*, неизвестного вида, при их возобновлении. Единственное различие, которое отделяет физическую область от психической, состоит в следующем: на физической стороне нам позволено надеяться, что мы постепенно придем к более глубокому познанию природы этих постоянных изменений, которые мы кратко обозначаем термином диспозиция; тогда как на психической стороне эта надежда всегда запрещена для нас, потому что пределы познания обозначают в то же время пределы нашего внутреннего опыта .[8]

2. Если функция зависит от упражнения и имеет своим выразителем более совершенную диспозицию, мы обязаны верить, что она связана с адаптацией и органическим отбором. Антагонизм между законом *изменчивости*, форм и характеров, и законом *наследственности*, который поддерживает или сохраняет вид среди индивидуумов; а также выживание и преобладание более подходящих индивидуумов и лучше установленных способностей, заставляет нас верить, что функция, будь то физическая или психическая, является эквивалентом энергии, которая более соответствует внешней или внутренней среде, и более однородной для нашего состояния спецификации.

Приступая, таким образом, к изучению психики преступника, мы прежде всего сочтем целесообразным составить общее представление о нем, предполагая *априори*, без ущерба для последующих доказательств, что преступник, занимая социальное и моральное место в дифференцированной шкале человека, должен также, при осуществлении своей энергии, представлять вполне специфическую для него функцию, которую мы должны принять во

внимание уже сейчас. Склонность к преступлению, именно потому, что она такова, должна заставить нас предположить, что индивид, подверженный ей, обладает особенностью преодолевать препятствия, стоящие на пути психики, чтобы выбрать наиболее легкий путь к внешнему действию.

Функция появляется, когда способность переходит из чисто *потенциального* состояния в *актуальное*; поэтому она, отмечая степень эволюции индивидов, делает очевидными их отпечатки и дает нам средства для характеристики их действий.

Для человека, рассматривающего последствия преступлений, очевидна мысль о том, что в данном случае речь идет о чем-то ненормальном, о психическом функционировании, не подчиняющемся логическим, этическим и социальным нормам, характерным для остальных граждан. Тот, кто захочет обратиться к критерию здравого смысла, услышит в ответ, что в своих действиях он не соблюдает закон *равновесия* и что, нарушая порядок, он показывает свою непригодность к гражданской жизни. Ответ, столь простой и спонтанный, предполагает принцип, согласно которому *жизнь существ, к какой бы категории они ни относились, представляет собой упорядоченную последовательность действий, управляемых законом равновесия, и что, как только этот закон нарушается, существа либо исчезают, либо выживают, с постоянным трудом приспосабливаясь к окружающей среде.*

Спенсер писал: "Всеобщее сосуществование антагонистических сил, которое порождает универсальность ритма и разложение всех сил на разнонаправленные, также делает необходимым конечное равновесие. Каждое движение, подвергаясь сопротивлению, постоянно претерпевает вычитания, которые заканчиваются прекращением движения. Таким образом, когда посреди ритмических изменений, составляющих органическую жизнь, возмущающая сила производит избыточные изменения в одном направлении, она постепенно уменьшается и, наконец, нейтрализуется антагонистическими силами, которые производят компенсаторные изменения в противоположном направлении и восстанавливают, после более или менее повторяющихся колебаний, среднее состояние. Этот процесс врачи называют *посреднической силой природы*"[9]. Психическое равновесие предполагает наличие нескольких антагонистических сил или систем сил. Это не инерция, а результат противоположных движений, которые компенсируют свои толчки для устранения любого изменения. Подобно чувству, называемому *чувством равновесия*, благодаря которому тело сохраняет свое положение и ориентацию, акты нашей психической жизни находятся в равновесии, когда их центр тяжести не смещается из обычной сферы действий; они отмечают линию восхождения и нисхождения *прямым* или *прямолинейным* движением; они не отклоняются от норм поведения, которое делает человека неотъемлемой частью социального целого, а социальное целое гармонизирует близкие или отдаленные концы нашего существования. Преступность, отрицая равновесие, является элементом, который должен быть устранен; это не только отдельный процесс, который находит свое место в многообразном ряду последствий закона изменчивости, но это эпифеномен или наложенный продукт, который отрывается от гармонии целого и, более того, подрывает его основы, внося дезинтегрирующие силы, противоречащие эволюционной природе цивилизованного человека.

4.- Ненормальность преступника говорит нам о существовании типа нормального человека. Поэтому мы не хотим преувеличивать значение различия, которое просто соотносится с целями социальной жизни и защитной потребностью каждого. Когда мы говорим о

нормальном или ненормальном типе человека, мы имеем в виду понятия, отражающие конкретные условия; когда эти условия меняются, любое понятие теряет свою научную ценность.

Понятие психического равновесия - единственный критерий, позволяющий отличить нормального человека от правонарушителя.

Сознание, индивидуальное "я", было бы немыслимо в последовательных состояниях времени, если бы оно не опиралось на стабильную и неизменную основу, которая проявляется в физиономии каждого акта и служит для того, чтобы заключить наши действия в компактный и аналогичный организм, хотя и претерпевающий различные трансформации. Что есть для индивида, то есть и для коллективного человека; что есть для вида, то есть и для рода. Через абстракцию мы формируем представление о типе, символе дифференцированного и постоянного способа бытия. Наблюдение за существованием и нормами поведения индивидов, составляющих огромное социальное большинство, приводит нас к индукции правил функционирования и общего поведения, отсюда абстрактное представление о типе нормального человека. Вариации, которым подвержен тип, аналогичны экологическим, социальным, историческим или этническим условиям. Короче говоря, понятие типа не отступает от того, что присуще любому другому понятию нашего разума и что выражается в описанном выше принципе: *мысль - это лишь необходимый продукт относительности наших психических функций*.

При антагонизме разнонаправленных сил центр тяжести всего процесса всегда неподвижен; при отклонении движения действие и реакция соответствуют компенсаторным колебаниям. Точно так же неустойчивость и стабильность психического равновесия зависит в ряду колебаний от большего или меньшего использования *тормозящей* силы или силы сопротивления и ареста. Это будет убедительно продемонстрировано позже.

5.- Этический эквивалент психического дисбаланса отвечает на *беспорядок*, вызванный волевыми усилиями и действиями, которые не соответствуют среднему уровню социального существования в гармонии с индивидуальным или коллективным благополучием; преступление само по себе нарушает этот средний порядок, и это потому, что с ним смещается общий центр тяжести нашей деятельности; соглашение между индивидом и его товарищами расшатывается или отрицается. Одной из черт так называемого аморального поведения, замечает Спенсер, является чрезмерность, в то время как мораль характеризуется умеренностью. Чрезмерность подразумевает отклонение действий от среднего; умеренность, напротив, предполагает сохранение среднего пути; отсюда следует, что действия последнего вида могут быть более легко определены, чем действия первого. Очевидно, что поведение, которое не сдерживается, колеблется между большими и неисчислимыми колебаниями; этим оно отличается от поведения умеренного, колебания которого, естественно, находятся в узких пределах. А, находясь между узкими пределами, оно обязательно вносит относительные определения движений .[10]

Правила поведения учат нас, что существуют определенные намерения, на которые мы должны направлять наши действия; и что существуют способы или манеры, которые следует выбирать для достижения этих намерений. Наша деятельность, проявляясь, сопровождается в последовательных актах осознанием, спонтанным, имманентным или отраженным, отношений, предначертанных или систематизированных в силу нашего предвидения или привычки. Преступление, причиняя частный и общественный вред, вступает в противоречие с целями сосуществования, содействия благополучию ближних; и опять же в противоречие с тем, как или каким образом должна выражаться активность в действиях. Таким образом,

дисбаланс проецируется из субъективного в объективный мир; он вызывает тревогу, поскольку подрывает безопасность благополучия других людей и угрожает лишить существование наиболее благоприятных для него условий. Пока дисбаланс остается в субъективном состоянии, нет причин для тревоги; есть первые акты экстернализации, которые даже не требуют пресечения: поскольку они могут служить безразличным или преступным целям, в случае сомнений долг заставляет отложить принятие какого-либо решения. Но как только неопределенные акты подготовки переходят в акты исполнения, как только социальная опасность возрастает, закон предусматривает пресечение угрозы, потому что никто не имеет права нарушать тот порядок или равновесие жизни, который является основой и необходимым условием существования. Если мы продолжим размышлять, то увидим, почему некоторые действия, хотя и ограниченные с точки зрения простой возможности причинения вреда, наказываются законом; например, покушение в некоторых преступлениях, подлог в действиях, которые должны нести отпечаток общественной веры. Равновесие, присущее правонарушению, будучи внешне объективным, всегда сохраняет внутренний характер субъективности: не будучи причиной поступков, наносящих *материальный* или *реальный* ущерб ближним, оно субъективно вызывает в них изменение самочувствия, выразителем которого является тревога или страх перед нарушением социальной структуры и взаимной обязанностью помощи и уважения между членами совокупности. Понятие равновесия, этического или социального дисбаланса, субъективного или объективного, всегда должно пониматься сравнительно с потребностями поведения или общего благосостояния людей, входящих в состав общества; отсюда обязанность распределительной справедливости, то есть вдохновленная обязательством защищать право каждого в пропорции к необходимости поддерживать связи частей с целым. Обычаи, нравы, законы - это множество разграничительных терминов человеческих действий; это вехи, отмечающие прогрессивные этапы человека на пути цивилизации. Но они же являются и плотинами против потоков, грозящих унести несчастные жертвы. То, что изменяет постоянно повторяющиеся явления природы, никогда не может быть благом для человека; и преступность является тому примером.

6.- Итак, мы говорим, что преступные психические функции, рассматриваемые в их внутреннем аспекте, являются эквивалентом способностей, плохо приспособленных к использованию тормозной силы и к состоянию равновесия; рассматриваемые в их внешнем аспекте, они являются причинами нарушения того социального порядка, который является специфической силой индивидуального благополучия в соответствии с коллективным благополучием.

ГЛАВА II.

Криминальные психические элементы.

1. Закон *преемственности* в психофизических явлениях; закон *соотношения* между бытием и средой.-2. Закон преемственности и среды в отношении к преступлению.-3. Причины, по которым аномальное психофизическое функционирование преступника ускользает от экспериментального анализа; правила, относящиеся к доказательству физического генезиса преступления.-4. Психофизические элементы преступления и внутреннее состояние равновесия.-5. Состояние психического равновесия; сила и движение; мотив, причина и действие.-6. Что понимается под импульсом; два

фундаментальных принципа монистической психологии. -7. Психофизика и ее значение в явлениях бредового неравновесия.

Все воспринимаемые нами явления сопровождаются существенным характером взаимной координации или непрерывности. Различие, которое мы делаем между одним и другим явлением, между одним и другим способом существования, между психической и физической жизнью, служит только для нашего познания, которое, ввиду *относительности* своей природы, не могло бы познать истину вещей, если бы не исходило из индивидуальных представлений. Этот высший закон человеческого познания, называемый законом *преемственности*, до сих пор господствует в генезисе и эволюционном ряду психофизических явлений. Психическая и телесная жизнь - две стороны единого интегративного процесса с восходящими степенями все большего различия и сложности: от чисто автоматических актов, от простых рефлекторных действий до возвышенных концепций мысли есть не что иное, как непрерывный прогресс по бесконечно малым степеням.

Поэтому тот, кто берется за изучение какого-либо психического явления, не должен останавливаться на его крайних формах; он должен уметь понять его генезис и оценить его постепенное развитие от первобытных элементов до высочайших проявлений интеллекта.

Второй закон, который также является основой органической эволюции, - это закон корреляции между бытием и окружающей средой; этот закон выражается, по мнению Спенсера, обратным утверждением, что жизнь - это *соответствие*.

2.- Преступление в равной степени подчиняется закону *непрерывности* и *окружающей среды*. Непрерывность более тесно связана с субъективным элементом, то есть с состоянием сознания, которое является синтезом всех внутренних коэффициентов, способствующих тому, что преступная энергия получает внешнее воздействие в виде антиюридического действия. Следует отметить, что, поскольку преступление является аномальным действием по сравнению со среднестатистическим поведением, закон преемственности в соотношении психических явлений преступника также должен претерпевать некоторые изменения в генезисе и развитии, чтобы отличаться для тех, кто анализирует информативные элементы, от того, что происходит у нормального человека. Разница в генезисе аналогична природе криминальной энергии и физическим факторам, порождающим ее первую степень проявления. Разница в развитии связана, прежде всего, с действием мотивов, которыми определяется криминальная энергия.

3.- У нас нет точного знания о физических факторах преступления; аномальное психофизическое функционирование преступника ускользает от прямого анализа с помощью опыта.

Это происходит по трем причинам: а) потому что мы не можем воспроизвести явление преступления по своему вкусу; б) потому что в момент, когда это явление проявляется, рефлексивная работа ученого не может иметь места; в) потому что, поскольку производство преступления подвержено влиянию окружающей среды, оно соотносится со случайными и мимолетными обстоятельствами, в которых оно сопровождается. Отсюда вытекают следующие правила, о которых необходимо помнить в отношении доказательства физического генезиса преступления 1^аТак как на преступнике не допускается применение *апостериорного* метода, то есть такого метода, который от констатации постоянных органических свойств восходит путем предположений к констатации того, что в момент преступления произошло, то в конечном счете нам дано узнать о физическом генезисе преступления лишь представления, которые вообще вероятны; 2^аИндуктивная уверенность,

в этом отношении не превышающая значения гипотезы, является причиной того, что при утверждении обвинения и назначении наказания остается предел для произвола судьи, который знает, с помощью критериев личного опыта, как интегрировать репрессивное предписание закона с относительностью вины преступника.

4.- Психофизические элементы преступления разрешаются во многих эквивалентах интимной природы, наследственной или приобретенной, делинквентна, в сочетании со стимулами, внешними или внутренними, эффективными для приведения в движение преступной энергии. Изучение этих элементов учит нас: а) что преступление, рассматриваемое как юридический объект, представляет собой совокупность различных факторов, анализ которых должен предшествовать репрессивной санкции; б) что преступление, рассматриваемое как результат отдельных психофизических коэффициентов, нуждается в доказательствах, которые объединяют в логическом синтезе то, что необходимо для вынесения приговора мировым судьей. Таким образом, для изучения юридической стороны, как и психофизической стороны преступления, нам необходимо фундаментальное понятие, являющееся отправной точкой понятия фактов: понятие, пусть логически простое, но одинаково объективно пригодное для фиксации идеи нормальности и ненормальности в моральной сфере. Существование преступной энергии предполагает функционирование, отличающееся от нормальной природы человека, то есть от средней правильности поведения в соответствии с неизбежными нормами социального или правового порядка.

Эта непохожесть является следствием внутреннего состояния *дисбаланса* или нарушения гармонии состояний сознания и контраста с внешним миром, сложившимся в жизни отношений с себе подобными. Адаптация, через интимную наследственную склонность и приобретенные качества, вносит в ритм состояний сознания операцию регулярности, которую мы называем *равновесием*, согласно которой *репрезентативные, эмоциональные и волевые* психические факты происходят с интегративными связями последовательности и одновременности, то есть с постоянным законом соответствия степени и сущности импульсов, которые придают первоначальное движение действию. Такое состояние равновесия, сохраняющееся в последовательных внешних актах, трансформируется во множество других состояний, которые, получая свое название от сферы действия, в которой они появляются, являются столь же многочисленными точками опоры индивидуальной или коллективной жизни и соответствуют дифференцированным превентивным или репрессивным санкциям. Итак, мы имеем первую форму правового состояния равновесия в порядке семьи; затем в различных типах общества, созданных законом или навязанных необходимостью обеспечить и гарантировать средства для выражения наших потребностей; наконец, в более широкой и универсальной, которая от идеи нации, человечества приходит к понятию абсолютной справедливости.

Это состояния равновесия, основой которого всегда является гармония способностей и действий, функций и законов: от индивида до коллективного человека - процесс уникальный, чтобы гарантировать ритм сознательного функционирования, не потерпеть неудачу в намерении прогрессивного совершенствования, обеспечивающего собственное благополучие вместе с благополучием других.

5.- Состояние неравновесия имеет противоположную природу по отношению к исследуемому. Отсюда понятие *аномального* состояния, то есть противоречащего нормальному функционированию человека.

Мы уже говорили, что психическое состояние равновесия является наследственным и приобретенным: основное функционирование, на которое оно опирается, заложено

природой, поскольку неизбежным психологическим правилом является то, что любой внутренний эмоциональный или волевой акт имеет свой спонтанный генез в индивидуальном органическом процессе. -Как только в состояниях сознания нарушается ритм, действие какого-либо стимула не сопровождается ответной реакцией; способность, пусть даже преходящая, к интегративному процессу отсутствует; токи функциональной энергии нарушаются; импульсивные тенденции преодолевают реактивное действие тормозящих способностей; действенность импульса уже не предполагает сопротивления; границы зрительного поля сознания исчезают, и притупление интеллекта сменяется вспышкой страсти. Описанный здесь феномен, ограниченный строго фактом преступления, требует от нас, прежде всего, изучения мотивов или импульсов внутреннего и внешнего действия преступной энергии.

Недоразумение, которое обычно хотят вызвать в динамике между идеей силы и идеей движения, принимая первую за абстрактную потенцию, а вторую - за нечто, не присущее материи, но являющееся ее случайной модальностью, обнаруживается точно так же между идеей мотива или импульса и идеей действия. Человек путает мотив с причиной, не понимая, что первое есть в действительности то, что второе, в абстракции или в логических отношениях, с идеей эффекта.

Теперь проницательному наблюдателю покажется, что мотив или импульс, динамически, смешивается с действием; это его сущность и конкретная реальность.

Психическая энергия, функционирует ли она нормально или ненормально, всегда находится в активности: как только происходит действие какого-либо импульса, предыдущее состояние сознания претерпевает изменение; таким образом, начинается эффект, который проходит через степени разворачивания, соответствующие интенсивности импульса, и либо исчерпывает себя, поскольку задерживается, во внутренней области, либо перетекает во внешний мир и завершается в аналогичном акте поведения. Внешний акт эквивалентен внутреннему, что объясняет причинное движение импульса, непрерывность психофизической энергии от начального момента чувства или идеи до завершения действия, и, наконец, почему физическая вменяемость наших поступков связана с аналогичной моральной вменяемостью.

То, что мы называем импульсом, есть всего лишь толчок, первое движение, которое, попадая в поле зрения сознания, либо влияет на создание нового состояния, либо, по тождеству природы, воспроизводит прежние состояния, перешедшие в область бессознательного или дремавшие так, что уже не вызывали никакого интереса. Каким бы простым ни казалось это утверждение, в нем заключена фундаментальная проблема жизни. Что, собственно, есть жизнь, если не двойное внутреннее движение композиции и разложения, одновременно общее и непрерывное, согласно де Бленвилю, или, согласно Спенсеру, координация действий? Ни внутреннее движение, ни координация действий не могут быть проверены без химического и физического феномена ассимиляции и трансформации энергии стимула, без органа чувств, способного передавать центрам динамические изменения.

Лучшим определением жизни, в усвоенном здесь смысле, является определение, предложенное Г. Х. Льюсом, а именно, что это ряд определенных и последовательных изменений, как в структуре, так и в составе, которые происходят внутри индивида, не разрушая его индивидуальности. -Монистическая психология, рассматривая естественную концепцию психической жизни как сумму жизненных явлений, которые, как и все другие, связаны с определенным материальным субстратом, называемым *психоплазмой* (Геккель), связывает явления души с *законом субстанции*, то есть с двойным принципом сохранения

материи и энергии; и при этом делает вывод, что за усвоением преобразованной энергии, стимула, следует функция клеток через раздражительность, чувствительность и движение. Я полностью принимаю доктрину Геккеля, которая выражается следующим образом: неврологическая проблема сознания является лишь частным случаем космологической проблемы, охватывающей все остальные, - проблемы субстанции. Если бы мы поняли сущность материи и силы, мы могли бы также понять, как вещество, которое является ее основой, может, при определенных условиях, чувствовать, желать и мыслить. Сознание, как и ощущения и воля у высших животных, является механической работой ганглиозных клеток и, как таковое, должно быть прослежено до физических и химических процессов, происходящих в их плазме. Более того, применяя генетические и сравнительные методы, мы приходим к убеждению, что сознание - а вместе с тем и разум - отнюдь не является исключительной функцией человека; напротив, оно встречается у многих высших животных, не только позвоночных, но и членистоногих. Сознание человека отличается от сознания более совершенных животных лишь степенью развития, и то же самое относится к другим видам духовной деятельности человека .[11]

7.- Учитывая постоянство отношений между внешним действием раздражителей и последующими сенсорными состояниями, Фехнер основал новую науку, названную им *психофизикой*. Он, однако, остановился на измерении ощущений; другие, более прямые ученики Вебера, распространили это измерение на чувствительность вообще; третьи дошли до измерения длительности психических актов, а в наше время, с большей точностью, до количественного анализа восприятий. Фехнер с помощью математических операций вывел свой "фундаментальный психофизический закон", согласно которому "интенсивность ощущений растет в арифметической пропорции, а интенсивность стимулов - в геометрической"[12] .

Что бы ни думали другие, мы считаем и докажем, что психофизика имеет огромное значение, особенно в явлениях психического дисбаланса, для понимания чувствительных и эмоциональных данных знания, которые способствуют формированию восприятия, и для измерения психических явлений с помощью физических явлений.

Первые продукты, вполне правдоподобные, уже появляются в психиатрических отчетах: криминальная психология будет использовать такие исследования в более широких масштабах, поскольку важность экспериментальных норм, которые, хотя часто гипотетические, стремятся достичь математической точности, не ускользает от ее практиков.

ГЛАВА III.

Динамика мотивов.

1. Центр психической активности; что понимается под мотивом, импульсом, побуждением.-2. Чувственные, изобразительные и идеальные мотивы.-3. Что понимается под *преступным мотивом*; различие между мотивами похвальных и предосудительных поступков.-4. Постулаты об энергии мотива и стадии развития преступных мотивов.-5. Учение о торможении, динамическая основа преступного сознания.-6. Пути, по которым происходит психический интегративный процесс энергии мотива.-7. Ассимиляция и слияние мотивов.-8.

Дополнение или наложение психического интегративного процесса мотивов.-9.
Криминальное эмоциональное состояние.

1.- При сосуществовании и смене состояний сознания следует отметить большее или меньшее постоянство некоторого центра, психического или интеллектуального, деятельности, к которому сходятся, по импульсу сродства или аналогии, токи, формирующие эго под свою физиономию и дифференцирующие его случайные качества. Центр психической активности вызывается наложением на прежние состояния сознания нового элемента, который, начиная с расхождения внутренних токов, заканчивает их направлением в точку, отличную или противоположную той, в которую они были направлены ранее. Выражение *центр психической активности* употребляется в его реальном смысле, потому что изменение или перемена сознания для нас эквивалентна новому способу, которым энергия эго смещает свой центр тяжести; следует предположить, что при взаимном притяжении внутренних коэффициентов преобладающая тяжесть создается большей энергией действия или реакции перед лицом конкурирующих энергий. Преходящий интегративный или дезинтегративный элемент состояний сознания мы называем *мотивом, импульсом, побуждением*. Он (а) характеризуется собственной начальной энергией; (б) подчиняется общему закону причинности и специальному закону ассимиляции; (в) действует или реагирует на предшествующие сопутствующие или последовательные состояния в зависимости от того, насколько он соответствует им по своей наследственной органической природе, степени генетической активности или единству когерентности.

2.- В соответствии с последовательными плоскостями состояний сознания различают мотивы чувственные, изобразительные и идеальные. Чувственная сторона мотива случайна, преходяща; от нее, однако, в прогрессивном ряду психофизических преобразований остается нечто, соответствующее *степени и характеру* действующей энергии, и которая, будучи постоянной, количественно воспроизводит себя в тех явлениях сознания, к которым она примыкает.

Для повторного появления или воспроизведения психического импульса или мотива требуется большая энергия; это можно понять из того, что мотив своим примитивным психическим действием находит субъект в состоянии большей или меньшей пассивности и поэтому встречает меньше реактивных препятствий; тогда как, воспроизводя себя, он должен преодолеть трудности, возникающие из сходных или противоположных сосуществующих состояний и накопления реакций, присущих природе субъекта.

В идеальной плоскости мотив суммирует энергию всех чувств и психических отношений, которыми он предшествует и сопровождается. Преобразованный в идею или концепцию, он оказывает на поведение то влияние, которое Болдуин называет *мотивом внушения*. Это означает - по мнению психолога, - что у нас не может быть ни одной мысли или чувства, будь они вызваны чувствами, памятью, словами, манерой поведения или повелением других, которые не оказывали бы прямого влияния на наше поведение. Мы ни в коем случае не можем избежать влияния наших собственных мыслей на наше поведение, и часто самые обычные события нашей повседневной жизни служат нам подсказкой фактов, имеющих огромное значение для нас самих и для других людей. [13] .- И здесь еще одно оригинальное наблюдение Болдуина отходит на второй план: мы не можем совершить никакого действия без того, чтобы в нашем сознании не возникла соответствующая мысль, образ или воспоминание, побуждающие к этому действию. Эта зависимость действия от мысли, которой дух обладает в данный момент, наиболее очевидна в некоторых случаях частичного паралича и т. д. Значительное число таких случаев позволяет установить общий принцип, что для каждого из действий, которые мы собираемся совершить, мы должны иметь

определенный способ мышления самого действия или воспоминания о впечатлении, которое оно производит, и о форме, которую оно имеет; мы должны иметь в духе нечто *эквивалентное* опыту самого движения. Этот принцип называется *кинестетическим эквивалентом*, выражение, которое теряет свою внушительность, если вспомнить, что *кинестетическое* означает не что иное, как сознание движения .[14]

3.- Когда мы говорим "*преступный мотив*", мы подразумеваем детерминанту преступления. Из этого следует, что фундаментальная часть криминальной психологии состоит именно в динамическом исследовании мотивов. Это не ускользнуло от великого Романьози, который приписывал доктрине мотивов большую часть генезиса карательного права. Я бы даже сказал, что особенность репрессивных дисциплин является следствием теоретических и практических взглядов на мотивы действий, которые мы оцениваем как нарушение уголовного закона.

Между мотивами похвальных действий и мотивами предосудительных действий нет динамического различия, за исключением элементов, которые в психической сфере порождают их или предшествуют и сопровождают их. Эти элементы репрезентативны и идеальны по своей природе; они также эмоциональны по своей природе и отличаются определенной степенью интенсивности своей эволюционной активности. Предположим, например, что Тиций убил Семпрония: мотивом может быть месть или ненависть. Но это ничего не объясняет, поскольку месть или ненависть не столько проявляют импульсивность, сколько, в свою очередь, порождаются и оживляются другим состоянием сознания, или динамическим коэффициентом, которым, согласно выдвинутой гипотезе, может быть идея и чувство полученной *обиды*. И этого еще недостаточно. Обида иногда заслуживает и привлекает прощение: почему же в случае с Тицием именно она послужила причиной толчка к убийству? Следует отметить две вещи: во-первых, что каждое состояние сознания действует и реагирует на сопутствующие состояния; оно имеет ритм подвижного равновесия с тенденцией стать стабильным; во-вторых, что в действии и реакции каждого состояния на другие, интегративный психический процесс, который следует за ним, имеет своей точкой опоры сознательное единство эго с количественной степенью склонности к адаптации. Поэтому тот, кто хочет распространить размышления от внутреннего эмоционального состояния, вызванного обидой, на состояния, сопутствующие ему в данный момент нашей психической жизни, должен реализовать это, отмечая феноменальные промежуточные отношения, не претендуя на постижение интимной и существенной связи: человеческое знание не может распространить свою власть за пределы поиска субъективных и объективных обстоятельств индивидуального состояния сознания, обстоятельств, образующих среду, в которой действует мотив и к которой эго неизбежно вынуждено приспособляться. Тиций, продолжая пример, в момент совершения преступления был возбужден по той или иной причине; преступление сильнее зацепило его, потому что было совершено в присутствии лиц, чье уважение он хотел сохранить; на людях, когда он случайно был несколько опьянен, возвышен предыдущим неудовольствием и т. д.

4. В заключение сказанного соберем следующие постулаты: а) Энергия мотива втягивается из действия или реакции аналогичных сосуществующих и сменяющих друг друга состояний сознания; она увеличивает или уменьшает свою степень в зависимости от приспособления индивида к благоприятным или неблагоприятным обстоятельствам; б) *Криминальные* мотивы принадлежат, в частности, к *эволюционной стадии* репрезентативных или идеальных состояний; их энергия пропорциональна сложности элементов, с которыми они находятся в причинно-следственной связи.

Первый постулат достаточно ясен, чтобы не требовать дополнительных объяснений. Но не так со вторым. Он станет понятен, если учесть, что под *эволюционной стадией* мы понимаем интегративный или дезинтегративный динамический процесс сознания, тот период, короткий или долгий, в течение которого изменение внутренних состояний происходит с движением, эквивалентным первоначальному, преобразованному импульсу побуждения. Изменение или движение определяется между репрезентативными и идеальными состояниями. Пока мотив присутствует, не покидая сферу чувствительности или аффективности, он не вызывает никакой реакции, кроме инстинктивной или автоматической. Мы инстинктивно убираем руку от пламени, которое нас обжигает, мы подходим еде, когда нас мучает голод. Если при таких действиях разум не сталкивается с идеей, что пламя обжигает, что пища является средством удовлетворения потребности в голоде, то нет никаких сознательных действий, за которые можно было бы призвать к ответу. Эволюционный психический процесс начинается с того момента, когда энергия мотива переступает порог сознания и предстает перед вниманием своей физиономии, либо преобразуясь в образ, более или менее живой и красочный, внешнего факта, либо вызывая не испытываемые ранее чувства удовольствия или боли. Первая гипотеза возникает тогда, когда ум с легкостью воспроизводит, либо путем воспоминания, либо путем мгновенного представления, факт в совокупности обстоятельств, определяющих интегративное или дезинтегративное изменение сознания; это происходит, когда индивид обладает качествами, способными навязать себе определенное спокойствие путем использования, даже кратковременного, силы задержания. Последующее изменение либо интегрирует сознание, обеспечивая ему новое состояние, которое согласуется и гармонирует с предыдущими, порождая более устойчивое равновесие; либо дезинтегрирует его, вызывая потрясение, эффект которого внешне достигается преступными действиями. Тем, кто хочет это продемонстрировать, стоит вспомнить два примера. В силу удачных жизненных обстоятельств мы находимся в состоянии довольства; неожиданно какая-то новость приносит нам большое утешение. Новость усваивается и вновь представляется сознанию с теми приятными символами, которыми она сопровождается; она влияет на внутреннее состояние счастья и усиливает его, то есть интегрирует и укрепляет прежнее состояние равновесия сознания.

Предположим, наоборот, что нам сообщают какую-то болезненную новость; она сразу же будоражит ум и заканчивается тем, что выводит из равновесия, расщепляет его, предыдущее состояние сознания.

Каждый видит, что при представлении, или воображаемом воспроизведении, внешнего факта возникает чувство удовольствия или боли. Когда это чувство, учитывая его интенсивность, является вторичным явлением или просто следствием идеального представления факта, объекта мотива, изменение сознания следует за самым нормальным процессом, с рядом ощутимых внутренних преобразований; но, когда происходит обратное, при гипотезе, что приятное или болезненное впечатление преобладает с непреодолимой силой, любая реакция задержания ослабевает или исчезает, и следует внезапный всплеск действия.

5. чтобы прояснить вышеизложенные принципы, содержащие фундаментальную теорию динамики мотивов вообще и преступного поведения в частности, мы считаем своим долгом вернуться к высказанным выше соображениям о значении, которое следует придавать доктрине торможения - основе, несомненно, динамического генезиса актов совести, наиболее интересных для изучения преступника.

Из всех теорий торможения, выдвинутых Лурье и мастерски обобщенных Одди в книге [15], над которой должны поразмыслить все ученые-психологи, я считаю наиболее точной ту, которой учил Вундт, то есть что не существует отдельных аппаратов для торможения, а есть разные процессы, один *активный - возбуждения*, другой *депрессивный - торможения*.

Это теория, основанная на *молекулярной механике*; на принципе, что физическая (молекулярная) агрегация и химическая (атомная) ассоциация представляют собой полную аналогию в том, что касается работы молекул. "Нервная система, - говорит Одди, - не приходит в активность, если ее не *раздражает* какой-либо стимул. Поэтому необходимо различать состояние активности и состояние покоя. Это состояние покоя только кажущееся, как и во всех случаях, когда мы имеем дело со стационарными состояниями движения. Атомы этих сложных комбинаций совершают непрерывные движения. Они возникают со всех сторон, выходят из сфер действия атомов, к которым они были до этого привязаны, входят в сферы действия других атомов, которые также стали свободными. Другими словами, происходит диссоциация и ассоциация; и если внешне ничего не проявляется, то это потому, что эти два противоположных процесса компенсируют друг друга. Таким образом, состояние покоя - это состояние равновесия. Внутренняя молекулярная работа остается более или менее *постоянной*, а внешняя - почти *нулевой*. В нерве в процессе возбуждения, то есть при воздействии на него раздражителя, возникают два противоположных эффекта: *стимулирующий*, который проявляется в виде мышечных сокращений, секреции, ощущений и т. д.; и *тормозящий*, который стремится подавить движение, приостановить секрецию и вернуть нерв в его примитивное состояние равновесия. Если стимул очень слабый, это может быть единственным проявлением раздражения, так как противоположные эффекты не вступают в игру. Если же стимул сильный, то эффекты торможения, которые нарастают гораздо медленнее, чем эффекты возбуждения, вскоре обгоняют последние. Конечным эффектом, внешним результатом, является мышечное сокращение или его эквивалент. Ссылаясь на приведенные выше механические данные, это означает, что под влиянием раздражающего стимула в нерве нарушается состояние равновесия: молекулы и атомы подвергаются своеобразному шоку, который толкает их к новым комбинациям. Причем толчок этот двойной, так как и эффект двойной; одновременно происходит и положительная, и отрицательная работа, причем первая преобладает. - В конечном счете, подводя итог, можно сказать, что для Вундта процесс возбуждения представляет собой эффект дезинтеграции нервной ткани, процесс торможения - выражение ее интеграции" [16].

6.- Криминальная эффективность мотива не может быть хорошо понята, если после того, как известен его генезис, не известны способы его адаптации в индивидуальном или коллективном сознании.

Психический интегративный процесс энергии мотива происходит: а) либо путем ассимиляции; б) либо путем слияния; в) либо путем добавления или наложения на энергию предыдущих состояний сознания.

Ассимиляция преступного мотива понимается в том смысле, что наследственные качества индивида дают возможность отождествить со своей собственной сущностью динамическую действительность нового коэффициента, вошедшего в поле сознания; что предполагает приспособление случайного элемента к нравственной среде, предрасположенной наследственной природой индивида. Адаптация происходит *спонтанно* при абсолютной *идентичности* нового коэффициента со старыми, тогда как при их *единообразии* требуется определенное усилие внутреннего напряжения. Склонность, или способность, и отвращение к ассимиляции данных чувств или данных идей - это всего лишь следствия сказанного; мы считаем, что это зависит от свободного выбора, но нетрудно понять, что мы подвержены

иллюзии, которая легко объясняется, если мы рассмотрим усилия, иногда бесполезные, чтобы преодолеть склонность или сопротивление душевных состояний в отличие от импульсов, которые меняют свое отношение.

Если два течения двух разных рек встретятся в одной точке и потекут по одному склону, они без труда смешаются и продолжат свой путь; но, если течения противоположны по направлению, прежде чем они объединятся и потеряют видимость разного направления, между ними должен возникнуть контраст, журчание, и они должны смешаться вместе в соответствии с преобладанием импульса или более гладкой плоскости, по которой течет каждое.

В процессе ассимиляции мотивов учитывается их приспособление к наследственной природе индивида; в процессе *слияния* внимание особенно падает на промежуточные отношения между энергией психического коэффициента, представленного мотивом, и энергией ранее приобретенных и ассимилированных коэффициентов. При слиянии мотивов психические побудительные токи к преступлению представляют собой множество конкурирующих сил, результат которых заключается в их сумме, организованной и объединенной темпераментом индивидуального характера. Сближение потоков происходит благодаря притяжению наследственных или приобретенных качеств; разница между ними исчезает, как только потенциальное движение становится актуальным и восстанавливается относительное равновесие.

8.- Добавление или наложение психического интегративного процесса мотивов происходит, по большей части, в *статическом* периоде преступного эго.

Независимо от того, предшествует ли этот период подготовке и совершению преступления, или же он наступает между промежуточными актами, несомненно то, что он характеризуется большим внутренним спокойствием и включает в себя силу контроля рефлексии. Короче говоря, при сложении мотивов условия, которые должны сходиться или пересекаться, представляются разуму ясными. Воспитание и дурные привычки оказывают большое влияние на наложение на примитивный и спонтанный характер личности тенденций или склонностей, которые в конце концов берут верх и изменяют внутреннее равновесие; так что при подходящем случае состояние сознания нарушается и подвергается преобразованию, которое привносит в него какой-нибудь случайно возникший мотив.

Поскольку слияние наложенных токов энергий не произошло, то с помощью тормозящей силы легко выделить в дополнении термины, которые нужно добавить, и парализовать те мотивы, которые, не завися от характера и личности человека, иначе нарушили бы равновесие и подтолкнули бы нас к преступлению.

9.- Эмоциональная сторона преступного мотива связана с чувством. Поскольку действие мотива зависит от серии повторяющихся действий в разное время, чувство поначалу вызывает отвращение и отталкивание и очень слабо удерживается в поле сознания. Достаточно, чтобы через душу прошли приятные или болезненные токи, чтобы завеса забвения опустилась на печальное впечатление. Но если предположить, что побуждение повторяется и рефлексия предупреждает нас о возможности его возобновления, отвращение сменяется быстрым и несколько интенсивным импульсом, который, усиливаясь воспоминанием о предыдущем отталкивающем поступке, преобразуется в чувство ненависти. Из глубин сознания начинает всплывать первый реактивный конгестив, но он вскоре подавляется надеждой, что поступок не повторится, и воздействием внутренних эмоциональных контрстимулов. По мере того как действие побуждения продолжается,

спонтанная тормозящая сила постепенно ослабевает в нас, и создается психическая среда, более подходящая для прорастания чувств и страстей, которых раньше не было.

Внутреннее состояние, которое становится все более и более специализированным, характеризуется чувством сдавленности или депрессии; эго осознает, что находится под кошмаром чужой власти, и, как бы оно ни старалось освободиться от нее, понимает, что это тщетно. Наступает состояние уныния: жертва осознает, что сила сопротивления начинает ослабевать, и скорбит при мысли о пропасти, которая разверзается в ее душе и в которую могут упасть все добрые намерения, все естественные инстинкты правильности. Однако по мере того, как длится мотив, время от времени поле зрения сознания сужается, становится тусклым: бессознательное берет верх, и душу все больше угнетают воспоминания о прежних состояниях счастья, обрывочные идеи, которые стремительно проносятся перед мысленным взором, лишь издали показывая светлый или темный край своего существования, сумеречное видение неопределенного будущего, измененного воображением, с аспектом, наводящим страх неопределенностью и тайной. Эпилог этой психической драмы завершается либо непреодолимой реакцией, разрядом энергии, вырывающимся наружу стремительными и неконтролируемыми действиями, либо, при длительном действии мотива, полным ослаблением контрстимулов и наступлением реактивных сил беспорядка.

Эмоциональность мотива существенно отличается от ряда особых эмоций, которые в более или менее близкое к первому побуждению к преступлению время пробуждаются в душе. Более того, криминальная стадия эмоциональности, для тех, кто хочет глубоко понять ее развитие, должна быть рассмотрена не только в обычном русле генезиса и прогрессирования, но и в своеобразном отношении к категориям преступлений и к разнообразию мотивов, способных оказывать на них действие. Эмоциональность в преступлениях, связанных с внезапной и бурной вспышкой страстей гнева, ненависти, мести, не выходит за пределы сферы чувств, в то время как в преступлениях, связанных с расчетом и размышлениями, она распространяется на область идей. Рассмотрим преступление кражи. Вор, разрабатывая план своих действий, руководствуется идеей обогащения, которая, в свою очередь, преобразуется в цель или намерение преступления. Тот, кто хорошо вдумается в динамическое содержание мотивов кражи, быстро поймет, что они лишены той живой импульсивности страсти, которая характерна для преступлений побудительного характера, вызванных ненавистью или местью. Соответствующая эмоциональная сторона в краже отнюдь не идеальна, в смысле расчетливого умысла как простого интереса. Это и составляет то своеобразное психическое состояние, которое я называю *идеальным криминальным эмоциональным состоянием*, зависящим от неудовлетворенных потребностей, живых желаний, надежд или лести на улучшение личного благосостояния.

ГЛАВА IV.

Сенестология преступника - Психология мотивов.

1. Сенестоз или общая чувствительность преступника.-2. Онтогенез и филогенез души преступника.-3. Бесчувственность и неуязвимость преступников.-4. Наследственность.-5. Детство преступника.-6. Психофизиологическая теория мотивов.-7. Актуальная и

потенциальная эффективность мотивов; соматические сопутствующие факторы, характерные для удовольствия и боли.-8. Динамика *мотивов-идей*; спецификация преступного сознания.

1.- Расширяя и углубляя рассмотрение второстепенной психофизической жизни преступника, мы сталкиваемся с проблемой его общей чувствительности или коэнестезии. "Коэнестетическое чувство, - пишет Бианки, - есть синтез всех ощущений, в котором суммируется органическая личность. Информация обо всех органических функциях, обо всей работе, выполняемой органами в различных органических мастерских жизни, передается в высшие нервные центры. Из всех частей организма, даже самых незначительных и отдаленных, идет непрерывный поток нервных волн, устанавливающих связь между всеми органами и высшими нервными центрами. К ним добавляются все специфические ощущения, с помощью которых субъект переживает бесконечный ряд мутаций, вызванных непосредственными контактами с внешним миром, конечным результатом которых является постепенное постижение своего собственного организма, все более и более отчетливого в той среде, в которой он живет, посредством мнемонического воспроизведения всех физических качеств среды и тех изменений, которые организм претерпевает под влиянием действующих на него агентов"[17].

Этот аппарат или органическое соединение, психологический эквивалент которого соответствует нейропсихе, четвертой главной степени филетического психогенеза, является субстратом психической жизни всех высших животных, но не человека, который, согласно Наескел, "связан с более или менее сложным *психическим аппаратом*, и он всегда состоит из трех основных частей: *органы чувств* передают различные ощущения; *мышцы*, с другой стороны, определяют движения; нервы осуществляют связь между первыми и вторыми, проходя через определенный центральный орган, *мозг или ганглий*". Устройство и функционирование этого психического аппарата принято сравнивать с системой электрического телеграфа; нервы - это проводящие провода, мозг - центральная станция, мышцы и органы чувств - подчиненные местные станции. Двигательные нервные волокна проводят добровольные стимулы или импульсы центробежно к мышцам и определяют движение путем мышечного сокращения; сенсорные нервные волокна, с другой стороны, проводят различные ощущения от периферических органов чувств центростремительно к мозгу и сообщают о впечатлениях, полученных из внешнего мира. Ганглиозные или *психические* клетки, составляющие центральный нервный орган, являются наиболее совершенными из всех элементарных органических частей, поскольку они осуществляют не только связь между мышцами и органами чувств, но и высшую из всех функций животной психики - формирование представлений и мыслей, а на вершине всего - сознания."[18]

2.- Коэнестезия преступника, как и нормального человека, должна рассматриваться в двойном онтогенетическом и филогенетическом аспекте. Следствия, которые мы из этого выведем, облегчат задачу проследить формирование души преступника через стадии интеграции вплоть до последней эволюционной степени осознанных внешних действий. Это понятия, относящиеся к биологии и психологии. Биология учит нас, что все явления сознания связаны с жизнью отношений к внешнему миру; что от протоплазмы до высшей мозговой функции всякое органическое изменение имеет своим выразителем ту же интегративную или дезинтегративную модификацию психической жизни; что причинная связь между *бионтическим* (индивидуальным) и *филетическим* (историческим) развитием, высший закон всех биогенетических исследований, имеет для психологии такое же значение, как и для морфологии (Наескел). Она также учит нас, что *разум* есть не что иное,

как жизненный характер существ, и что от *психоплазмы* (или психической субстанции в монистическом смысле), от *рефлекторной* или *отраженной функции* или, лучше, *отраженного акта*, до сознательного представления и интеллекта есть не что иное, как непрерывные преобразования санкций, подчиняющиеся закону наследования и адаптации. Разум, синтез психологических законов, есть в конечном счете не что иное, как другая сторона жизни, и представляет собой организм, имеющий свою собственную эволюционную историю и управляемый в своих экспликациях фундаментальными законами, общими для жизни в целом (Бьянки). Унитарная или монистическая концепция существ обязывает нас заключить, что коэстетический генезис преступности, совершенно естественного явления, связан с законом непрерывности, независимо от того, относится ли он просто к индивидуальному или бионтическому психогению, или распространяется на генеалогическую историю вида.

Ломброзо, размышляя о необычном предпочтении преступников к такой болезненной и часто очень длительной и опасной операции, как татуировка, и о большой частоте травм у них, заподозрил, что чувствительность к боли у них притуплена сильнее, чем обычно у людей, как это бывает у некоторых отчужденных личностей, особенно у слабоумных[19]. Из всех наблюдаемых им фактов он вывел, по сути, истинность этого тезиса, заключив, что нечувствительность к боли очень напоминает таковую у диких народов, которые могут выдержать в период полового созревания такие пытки, которые не может вынести белый человек[20]. К этому добавляется большая жизненная сила, которая легко восстанавливает ткани в случае ранений или серьезных травм, что Бенедикт называет *неуязвимостью*[21]. Аналогичные характеристики встречаются и в сфере моральной чувствительности, которая является причиной отсутствия жалости или свирепости, с которой совершаются многие преступления.

Физиологическое объяснение лежит в генезисе боли, которая в зависимости от прогрессивной онтогенетической и филогенетической дифференциации, обусловленной большей утонченностью и развитием органов чувств, а также утонченной изысканностью альтруистических чувств, должна была остановиться у преступников на очень низком уровне, что свидетельствует либо о дегенеративной форме, либо об атавистическом возвращении к менее совершенным организмам.

4.- Онтогенетически чувствительность преступника зависит в первую очередь от наследственности. Именно с момента зарождения и внутриутробной жизни дурные качества приобретают устойчивость и начинают проявляться. Законы физиологического и патологического наследования особенно применимы к биогенезу преступности. Разнообразие результатов, которые часто заставляют усомниться в истинности общих законов, зависит от бесконечного множества непредсказуемых обстоятельств. Но тщательное исследование эмбриологических зародышей преступности, не пренебрегая ни одним из наследственных и атавистических элементов, которые могли прямо или косвенно повлиять на приобретенные при рождении качества, должно дать нам множество прозрений в познании этих качеств, без которых мы остались бы перед непостижимыми тайнами.

С того момента, как индивидуальная жизнь начинается с оплодотворенной яйцеклетки или стволовой клетки (*цитолы*), органические качества родителей передаются потомству. Сомнение, которое может возникнуть в связи с этим, как мы уже говорили, заключается в том, что мы еще не знаем точно, какие преобразования, присущие закону *вариации*, происходят в новых организмах, рождающихся от соединения зародышей родителей; но и

здесь действует универсальный принцип единства жизни в пространстве и времени, как и разнообразие при существенном тождестве существ.

5.- От коэстетического биогенеза преступника мы переходим к самым ранним стадиям развития, к младенчеству. Здесь мы найдем сходные черты между тем, что наблюдается у детей, и преступностью дикарей. Безрассудство, жестокость, черствость, импульсивность, характерные для детства преступника, прекрасно сочетаются у варваров, находящихся на уровне ниже цивилизации. Характер данной статьи не позволяет мне приводить примеры, подтверждающие это утверждение, которые, к тому же, так хорошо собраны Ломброзо в первом томе его *"Преступного человека"*. В заключение скажем, что генеалогия преступности, особенно в низших формах психофизической жизни, никогда не должна быть отделена от соответствующих сопоставлений с развитием преступных качеств индивида; эти две области исследования дополняют и взаимодополняют друг друга.

Мы хотим только добавить, что аномалии физической или нравственной чувствительности ребенка зависят скорее от недостатка или отсутствия различения многих операций, вызывающих болезненные последствия для себя или других, чем от органической конституции. Многих детских психологов удивляли жестокие поступки детей, которые по мере взросления проявляли утонченную чувствительность и альтруистические наклонности. Они приписывали эти перемены к лучшему работе по обучению и воспитанию. Они обманывали себя. Нечувствительность была следствием бессознательного состояния ребенка или отсутствия предвидения; противоположное качество возникло в тот момент, когда они осознали, что такое порождать болезненное состояние. Внимание - способность, которая развивается очень поздно, и рефлексия, возникающая при овладении внутренними процессами задержания, оказывают наибольшее влияние на явления чувствительных восприятий; отсутствуя, как правило, или будучи очень слабыми у детей, неудивительно, что они проявляют так мало чувствительности и так мало склонны к жалости к боли других.

6.- Познакомившись с коэстетизацией преступника, вернемся к обсуждению мотивов с точки зрения физиопсихологической теории. Мы видели, что действие мотивов на нашу чувствительность, внутреннюю или внешнюю, подчиняется законам, которые отнюдь не являются динамическими. Они, другими словами, являются лишь многими коэффициентами энергий.

Их главный закон - *закон динамогенеза*, согласно которому каждое состояние сознания стремится к продолжению движения. Мы различаем внешние и внутренние мотивы. Они, однако, в той мере, в какой они являются действенными или коэффициентами преступлений, представляют собой эквиваленты *чувств* или *идей*. В свое время мы увидим дифференциальную природу преступных эмоций и то, насколько эффективно они предрасполагают к преступлению.

Пока же скажем, что действие мотивов, вместе с энергией чувств, происходит в области аффективных явлений. Не претендуя на проведение различий между самими явлениями - это не место для этого, - для наших целей достаточно сказать, что все они являются либо причиной *боли*, либо *удовольствия*. Сведя энергию мотивов к двум примитивным формам нашей эмоциональной или аффективной жизни, нам остается лишь обратиться к общим законам, которыми они управляются, чтобы прийти к удовлетворительным представлениям.

Удовольствие и боль - это два крайних предела, в которых поляризуется наша жизнь. Первому соответствуют все психофизические состояния, которые поднимают тонус функций

до степени наибольшего успеха, благодаря избытку текущей энергии, не превышающему среднюю потребность и облегчающему работу внимания, не встречая препятствий.

Вторым соответствуют депрессивные состояния психофизических энергий; их причинами являются затруднения в функционировании, прекращение или затруднение удовлетворения потребностей, частичная или полная разбалансировка организма. То, что существуют индифферентные внутренние состояния, я не сомневаюсь, но индифферентные для кого? Конечно, для субъекта, который их не ощущает, ни самих по себе, ни их причин. Переход от одной крайности к другой, в каждом явлении, отмечен промежуточными точками. Поле зрения сознания имеет весьма подвижные границы, которые то расширяются, то теряются в зависимости от отражаемого психического света: но кто может сказать, что в самых темных пределах оно лишено содержания; или что ниже или ближе к его порогу не действуют энергии, о которых мы даже не подозреваем?

7.- Мотивы действуют либо по *фактической* эффективности, либо по *потенциальной эффективности*. Мы говорим, что эффективность актуальна, когда она зависит от настоящего мотива; мы говорим, что она потенциальна, когда она зависит от мотива, который прошел и о котором у нас есть воспоминания.

Актуальность мотива имеет большое значение в преступлениях страсти или побуждения, не то что в преступлениях расчета, для которых динамический материал решимости состоит в приятном или болезненном резонансе пробудившихся воспоминаний.

Каким бы ни считался мотив, если он является причиной приятного или болезненного состояния, он сопровождается характерными соматическими сопутствующими факторами. "Соматическими сопутствующими факторами, - пишет Бианки, - удовольствия являются: усиление кровообращения головы без соответствующего повышения артериального давления (по Мейнерту, который допускает расширение сосудов при снижении артериального давления); объемное расширение периферических органов (Леманн); учащение пульса; ускорение работы сердца; сияющее лицо (говорят, что оно опухло от радости); усиление ощущений; быстрота и энергия движений; увеличение глубины вдоха, ускорение дыхательного ритма; увеличение мускульной силы. Удовольствие динамогенно.- Соматическими сопутствующими факторами боли являются: уменьшение калибра сосудов вследствие сужения стенок сосудов; бледность кожи вследствие ишемии; уменьшение одних выделений (сухость во рту, исчезновение молока) и увеличение других (слезы); сужение легочных сосудов, отсюда то чувство угнетения, которое испытывают все, кто находится под тиранией боли; ощущение холода; атония волевых мышц, отсюда искривленная голова (искривленная печалью, говорит Ланге), вытянутое лицо; тусклый голос; увеличенные глаза (большее раскрытие пальпебральных ободков); боль парализующая"[22].

8.- Когда мотив преобразуется в идеальный эквивалент, он переходит из аффективного поля в перцептивное или репрезентативное. Прямое действие определяющей эффективности заменяется рефлекторным действием. Это явление очень сложное и станет предметом дальнейших исследований процесса формирования преступного сознания. Ограничиваясь сейчас абсолютно *решающей* частью *мотив-идеи*, мы не будем отходить от чисто *причинно-следственной* связи, которая прослеживается между идеальной динамикой преступного мотива и эффектом неуравновешенного сознания.

Идея - кто может игнорировать это? сама по себе является психическим соединением. Сенсорные или физиологические коэффициенты являются ее субъективной основой, представления или восприятия внешнего мира подготавливают ее материал.

Интегрирующая или дезинтегрирующая сила идеи, таким образом, эквивалентна результирующей компонентов, спавленных вместе в феномене напряжения по одной и той же директивной линии.

Разложенная на элементы, идея распадается на физические и психические факторы, ассимилированные или унифицированные путем непосредственного или последовательного *сцепления*. Но почему для преступника мотив-идея является причиной дисбаланса, в отличие от нормального человека? Почему преступление всегда отвергается импульсивным человеком с равной или большей обидой, а для добродетельного человека является поводом для великодушного прощения? Ответ содержится в понятиях, сложившихся вокруг состояния равновесия и психического отклонения, а также в законах динамики преступных побуждений, согласно которым у преступника кульминационной нотой психофизического состояния является *ненормальность*. К сказанному выше не хватает еще одной данности, о которой мы считаем нужным напомнить.

Закон сцепления психических образований дает нам степень и физиономию каждого нового соединения. Он, однако, дополняется законом *непрерывности психической когезии*. Больше когезии - больше спецификации; меньше когезии - меньше спецификации (Ардиго). Следовательно, учитывая способность преступника в большей степени ассимилировать неуравновешивающие энергии мотивов и делать их воздействие более согласованным, последующее состояние неуравновешенности будет более дифференцированным или конкретизированным. В психическом ритме энергии следуют по линии наименьшего сопротивления. Дегенеративный фон преступника, чем меньше препятствует преобладанию малефических тенденций, тем больше облегчает их спецификацию; это относится как к отдельным психическим образованиям, так и к непрерывности всей психической жизни.

ГЛАВА V.

Сознательный процесс преступления.
Этап формирования.

1. Естественное формирование психики.-2. Злые зародыши преступности в зачатках жизни. 3. Генезис антагонистических сил в жизни отношений.-4. Первобытный период преступных наклонностей у ребенка.-5. Второй период формирования личности преступника.-6. Закон подражания в детстве делинквента.-7. Органический подбор интегративных элементов преступления.-8. Феномен *симпатии* и его законы.-9. Влияние семейной среды и экономического фактора на преступность; воспитание и наследственные извращения. -10. Влияние социальных потребностей.-11. Дегенеративный эффект преступного внушения.-12. Влияние сентиментальных мотивов, действующих на воображение.

1.- Наша психическая жизнь - это чередование состояний сознания. От ощущений к идеям, от воления к действию интегративный процесс эго разрешается в последовательных актах, которые либо соединяются, либо ускользают, либо сливаются воедино. Осознание психической жизни начинается с того момента, когда стимул, динамический коэффициент, действующий на наши унаследованные или приобретенные тенденции, входит в поле сознания и изменяет его поверхность.

С этого момента начинается психическая жизнь с параллельными эквивалентами органических функций. С этого момента начинается процесс формирования сознания, и в индивидууме становятся ощутимыми первые различия качеств, которым суждено со временем прогрессировать дальше.

Тот, кто хочет составить точное суждение о причинах выраженной склонности к добродетельным или недобродетельным поступкам, должен с этого раннего, можно сказать эмбрионального, периода психики не упускать из виду все пути, по которым формируется психофизический организм, и законы, регулирующие его развитие.

Ранее мы рассматривали преступность в детском возрасте и указывали на ее сходство с природой дикого человека. Эта онтогенетическая и филогенетическая аналогия в значительной степени берет свое начало в наследственных зачатках, которые еще не дифференцировались в результате адаптации к социальной среде.

Между тем, если мы хотим знать, как, начиная с указанного периода, постепенно формируется душа преступника, необходимо вернуться немного назад и, возобновив обсуждение мотивов или детерминант преступления, посмотреть, какое влияние они играют, в сочетании со всеми другими коэффициентами, внешними и внутренними, в придании первого органического содержания сознанию.

2.- Нечеткая форма наследственных тенденций учит нас, что в зачатках жизни злые зародыши преступлений зарождаются в центрах энергии такой природы, что они не обязательно подлежат имманентной специальной дифференциации. Наследственность, хотя она и является основным источником добра или зла, совершаемого индивидом, не следует рассматривать в аспекте *роковой причины*; ведь в этом случае пришлось бы упустить из виду все элементы среды и адаптации, которые одновременно или последовательно участвуют в формировании психофизического организма. Вместо этого более точным представляется мнение, что наследственные зародыши, или, скорее, энергии, составляющие организм индивида, в своей примитивной произвольной форме порождают появление характеров, которые легко смешиваются друг с другом и легко преобразуются во внешние действия.

Склонность к злодеяниям, альтруизм, милосердие, благодеяние - качества, которые на практике могут проявляться по-разному. Зло делает эгоист, честолюбец, правонарушитель; однако нельзя сказать, что одно эквивалентно другому. Короче говоря, бесспорной истиной является то, что поиск зла, этического или юридического, должен осуществляться не в нем самом, не в прорастающей органической сущности, а в первых внешних актах с дифференциальными нотами.

Поэтому мы считаем своим долгом выяснить, почему качества дикаря обычно проявляются в ребенке, то есть почему в самом начале нашего существования преступление поднимается из глубины души и пробуждает тревогу в тех, кто является его свидетелем.

3.- Первое фундаментальное чувство нашей жизни - это чувство существования. Существовать - это не значит просто быть или жить, но иметь имманентное ощущение потенциальной возможности действовать и вступать в контакт с внешним миром. Наряду с этим чувством возникает и другое: чувство трудности бытия, то есть чувство препятствий для органического функционирования. Именно из контраста двух вышеупомянутых чувств возникает первая форма антагонистических сил в жизни отношений; именно из

последовательных побед, одерживаемых потенцией над функциональными препятствиями, реализуется личностный прогресс в возрастающей степени.

От рефлекторных актов ребенка первых месяцев жизни до реактивных действий против любого препятствия, стоящего на пути удовлетворения его самых ярких желаний, - примеры автоматического и инстинктивного сознания, которые все больше утверждают преобладание полностью личной энергии, основу зарождающейся жизни психики и идентичности эго среди непрерывного разнообразия явлений. Между внутренними отношениями, или внутренними функциями, и внешними отношениями устанавливается все более постоянная связь: чем сложнее становится среда, тем больше индивид, дифференцируя себя, организует себя, пока он, посреди подобного, не принимает устойчивую личную физиономию.

4. Теперь рассмотрим ребенка в описанный первобытный период жизни отношений, и вы быстро поймете, что, если злые микробы были унаследованы, они впервые проявятся в акцентировании личной реактивной энергии на намерениях, которые вовсе не являются альтруистическими, с выбором средств, менее подходящих для цивилизованной среды. Короче говоря, психофизический генезис преступности, хотя биологически он не отстает от законов онтогенеза и филогенеза, законов, общих для всех видов живых организмов, воссоединяется с общим принципом вечной борьбы за существование, с преобладанием организмов, наиболее приспособленных к окружающей среде. Чувство преступления, к определенным действиям, которые этически осуждаются и юридически пресекаются, находит свое юридическое объяснение в необходимости социального порядка: его естественное происхождение должно вытекать непосредственно из законов жизни и сопутствующих ей условий для прогресса человеческого организма. В условиях борьбы индивидуальной энергии с антагонистическими энергиями возникает контраст между стимулами и контрстимулами, а рост потенции происходит за счет возможности быть направленным силой внешних агентов, которые, естественным или искусственным образом, оказывают на нас воздействие.

Первое и элементарное различие, которое ощущает ребенок, оценивая величину действия, характеризуется притяжением приятных или болезненных ощущений. Препятствие, мешающее нашим функциям, вызывает неудовольствие; инстинктивное действие заключается в том, чтобы устранить его. Иначе обстоит дело с приятными объектами, которые влекут нас к борьбе за них.

Жертва воздержания от того, что доставляет удовольствие, очень редко испытывается ребенком. Причина в том, что она связана с процессом остановки, который отсутствует у нас в первые годы жизни. У ребенка за ощущением удовольствия сразу же следует внешний импульс: лишенное осмысления действия, это явление просто рефлекторно и инстинктивно.

После того как сформировались первые очертания индивидуальной личности, данные сознания постепенно увеличиваются, и появляется различие, сначала просто интуитивное, а затем навязанное необходимостью адаптации, между законными и незаконными действиями или, лучше сказать, между тем, что достижимо, и тем, что должно соблюдаться. Импульсы к приятным объектам или действиям сдерживаются контрастом контрстимулов, существование которых человек начинает осознавать; внешний мир в процессе борьбы представляется с более четкими модальностями и границами; пока в ритме возрастающих действий и реакций не появляется первая форма баланса или дисбаланса.

Ребенок, проецируя свою личность вовне, впитывает из личностей других людей энергии, сходные с наследственными или случайно приобретенными в результате органических

изменений. Отсюда два мощных коэффициента эволюции или распада личности - *подражание* и *симпатия*.

6.- Ни один писатель, насколько мне известно, не придавал должного значения подражанию как генетическому коэффициенту преступления, более того, как основному средству спонтанной организации сознания преступника.

Происхождение подражания связано с явлением истинного *внушения*, которое мы будем обозначать названием *движущей силы*. Каждый поступок, каждая мысль, каждое чувство предполагают движение, мышечное или мозговое: движение, которое должно быть передано вовне.

Телепатические явления и повседневный опыт показывают нам, что в наших мозговых центрах, будь то идейные, эмоциональные или волевые, существуют непрерывные движения, которые приходят к нам извне и отвечают на эквивалентность энергий, подвергающихся трансформации. Взаимодействуя, таким образом, с динамическими отношениями между нами и нашими товарищами, мы в конечном итоге перенимаем умственные привычки, моральные склонности, передаваемые нам в контакте или на расстоянии. Подражание - самый сложный факт упомянутого принципа. Оно связано, с одной стороны, с потенциальной энергией наследственных качеств, а с другой - с притягательным влиянием поступков или действий, составляющих нравственную и гражданскую среду, в которой мы находимся.

Влияние подражания настолько велико, что иногда достигает силы заражения. Между заражением физическими болезнями и заражением нравственными болезнями существует такая близкая аналогия, что мы можем почти предположить микробы порока и преступления, чтобы объяснить их сущность.

Некоторые авторы, пытаясь с помощью терпеливых наблюдений построить научную психологию детства, совершили изначальный недостаток: они всегда ставят себя на одну точку зрения; они проводят свои наблюдения и эксперименты в привилегированной среде, среди детей, рожденных и воспитанных в цивилизованных семьях, с нормальными наследственными качествами. Совершенно иначе должны поступать те, кто хочет составить просвещенное мнение о психологии правонарушений, максимальное проявление которых можно найти в низших слоях общества, в среде, подготовленной для спонтанного оплодотворения зародышей зла.

Бесполезно обманывать себя: социальная жизнь, как она разворачивается повсюду, формируется в слоях, настолько отличающихся друг от друга, что не допускает даже подобия аналогии. Мысли, обычаи и поступки в разных социальных слоях настолько различны, что было бы ошибочной системой путать их наблюдения и выводы; еще хуже было бы полагать, что можно достичь научной цели, собрав принципы или идеи совершенно относительного характера, имеющие одностороннюю ценность.

7.- Подражание, чтобы впитать, усвоить психофизические элементы преступления, происходит в подходящей среде по спонтанному закону органического отбора. Преступник, ребенок или взрослый, даже не подозревает о злых инфекциях, жертвой которых он является; точно так же, как самые смертельные болезни передают нам свои микробы без нашего осознания. В инкубационный, эмбриологический период преступления подражание, облегчая контакт и размножение микробов зла, является наилучшим способом передачи преступной энергии, призванной вызвать в пассивном субъекте изменения и импульсы к будущим преступлениям.

Чтобы понять механизм или статику и динамику преступного подражания, мы должны вспомнить еще одно явление, которым в психологии пренебрегают, - явление *симпатии*, на котором Адам Смит небезосновательно основал мораль.

8.- Физиологически симпатия связана с теорией рефлекторных действий; психологически - это способность воспроизводить в нас удовольствия и боли ближних; социологически - это основа закона человеческой солидарности; естественно - это лишь один из многих видов универсального закона притяжения. Различия, которые писатели проводят между различными формами симпатии, особенно с физиопатологической точки зрения, являются аргументами в пользу того значения, которое ей обычно приписывают, и обязанности принимать ее во внимание, как она того действительно заслуживает.

Бартез проводит различие между *синергией и симпатией*, Тиссо - между *активной и пассивной симпатией*, Хантер - между симпатией по непрерывности и симпатией по смежности. Мы, ссылаясь на унитарную механическую систему, говорим, что симпатия должна также объясняться законом притяжения центров энергии и более легким преобразованием движений по путям *наименьшего сопротивления*. Отсюда следует, что симпатия в отношениях с подобными существами является действительно действенной причиной подражания; ведь оно не могло бы возникнуть, если бы между подобными существами существовало такое отвращение, которое неустранимо отдаляло бы нас друг от друга. В заключение, принимая во внимание все, что было сказано выше, мы можем вывести следующий первый закон: *Наследственная склонность склоняет к притягательному действию подобной энергии через преобладание симпатической силы*. Повседневное наблюдение гласит, что подобное притягивает подобное; между ними иногда возникает ток непреодолимого сродства. Это физические социальные молекулы, которые притягиваются друг к другу, которые объединяются в добродетельное существо или преступника: это имманентная сила жизни в вариациях однородных и разнородных форм, это увековечивание индивидов и видов в непрерывном органическом и социальном отборе.

Второй закон, очевидно применимый к преступной среде, заключается в том, что *симпатия действует, ослабляя тормозящую силу антагонистических тенденций, усиливая эффективность аналогичных стимулов между соприкасающимися энергиями, приучая внимание игнорировать то, что меньше всего привлекает нас, объединяя синергетические мотивы*.

Тот, кто имеет возможность наблюдать за дружбой людей, посвятивших себя преступлению, увидит, что между ними исчезает всякое расхождение во взглядах или привычках, когда речь идет о взаимном доверии, которое они испытывают при совершении определенных действий, и о том, чтобы взаимными усилиями предложить друг другу не бояться угрозы закона или трудностей, которые мешают осуществлению преступного замысла. Сила симпатии дублирует в каждом побуждение к совершению преступления, так же как она гасит или ослабляет работу противодействующей силы; кроме того, она порождает чувство самодовольствия от собственной деятельности, если она удастся доставить удовольствие другим.

Третий закон, который будет очень полезен в практических наблюдениях, заключается в следующем: *Симпатия, в той мере, в какой она влияет на организацию преступного сознания, может быть разделена на индивидуальную или коллективную, прямую или косвенную; первая относится к лицам, с которыми человек единодушен; вторая зависит от склонности желать благоприятного воздействия на общественное мнение*. Поскольку преступление, как правило, состоит в основном из *силы или хитрости*, оно

приносит с собой льстивое убеждение в благодушии тех, кем мы любим восхищаться, и в восхищении широких масс людей.

9.- Первым источником морального вырождения является плохо созданная семья; первым заметным фактором - экономика.

Даже если не принимать крайних выводов исторического материализма, который сводит все общественные явления к субстрату экономических отношений и утверждает, что расширение производительной энергии определяет непрекращающиеся контрасты, вызывающие изменения в общественной или частной жизни, разумно полагать, что отсутствие или недостаток средств, необходимых для существования и дисциплины личных способностей, должен в значительной степени способствовать остановке прогрессивного роста физического и морального организма. Проблема, хотя и сложная в своих элементах, очень легко разрешима для тех, кто смотрит на то, что происходит на их глазах. Бедность - это пропасть, вырезанная из самых благородных нравственных чувств, из лучших инициатив бытия: это тьма, в которой постепенно гаснет свет интеллекта; это причина уныния и изнеможения для самых сильных и агрессивных волей. В вынужденном контакте с родителями, которые бастуют, пьют, пристрастились к пороку и преступлениям; среди людей, руководствующихся только эгоистическими мотивами; лишенных контрстимулов или примеров добродетели; с латентным и конституциональным микробом преступности, кто хочет ожидать честных поступков от таких несчастных людей? Добавьте к этому непрекращающуюся, мощную работу предрассудков, ложную убежденность в фиктивной исключительной морали, и вы получите верное представление о том, как и почему семья является в низших слоях общества настоящей школой деморализации и порочных инстинктов. Б., молодой человек 17 лет, которого я защищал за убийство, после двух других осуждений за ранение, на вопрос, почему без достаточных оснований, в столь нежном возрасте он был виновен в таком серьезном преступлении, ответил мне и рассказал длинную историю семейных преступлений, одним из которых было убийство, совершенное его отцом, умершим в тюрьме, и заключил: "Что я мог сделать, кроме как убить первого человека, который меня обидел? В разное время он защищал шесть человек из семьи D. F., все за кровавые преступления: последний обратился к моему покровительству, потому что, виновный в нанесении ему телесных повреждений, получив напоминание о происхождении своих родственников, ответил: "Это неудивительно, это в семье!

Воспитание может значительно изменить наследственные извращения и помочь развитию хороших семян": Но под воспитанием, замечает Ломброзо, мы понимаем не простые теоретические наставления, которые редко бывают полезны даже взрослым, для которых мы видим так мало пользы в литературе, в речах, в так называемых морализаторских искусствах, и еще меньше в насилии, с помощью которого порождаются, самое большее, лицемеры, порок не превращается в добродетель, а порок в другой порок; но скорее ряд импульсов, рефлекторных движений, медленно заменяющих те другие, которые были прямыми или, по крайней мере, благоприятными причинами для поддержания молящихся наклонностей, и это посредством подражания, привычек, постепенно вводимых жизнью среди честных людей и мудрыми мерами предосторожности, чтобы предотвратить возникновение в подходящей почве для распространения той фиксированной идеи, которая, как мы видели, становится такой роковой в детстве"[23] .

10.- Вторым наиболее обильным и наиболее вероятным источником морального вырождения и подготовки к преступлению является среда социальной необходимости, аналогичная классу, к которому каждый из нас принадлежит.

Факторы человеческого прогресса, обычно понимаемые под общим названием "цивилизация", в той мере, в какой они являются дифференцированными элементами большей способности к борьбе за жизнь, имеют следствием увеличение неспособности адаптироваться к ресурсам, которыми довольствовались наши предки. Поэтому, как справедливо замечает Фере, потребление пищи, стимуляторов, всевозможных материалов для удовлетворения потребностей растет с каждым днем.

"Чтобы удовлетворить свои непрерывно умножающиеся потребности, человек истощает себя в борьбе со стихиями; и именно для компенсации последствий этого истощения он стремится призвать на помощь своим слабым рукам ресурсы своего духа, которые должны будут компенсировать недостаточность их собственных сил многочисленными изобретениями. Но каждое новое усилие по адаптации, каждый прогресс в том, что мы называем цивилизацией, - это новая причина истощения, которое все сильнее проявляется на слабых индивидах. Эти люди вскоре становятся неспособными продолжать борьбу и поддаются либо общему нарушению питания, либо более или менее локализованной дегенерации, трансформирующейся в различные органические поражения или функциональные нарушения с преобладанием в сторону наиболее слабого органа." [24]

В современных условиях борьбы за существование, особенно в городах, основная нагрузка по адаптации ложится прежде всего на центральную нервную систему, которая может истощаться как от физических, так и от психических нагрузок. "Одним из основных последствий нервного истощения является неспособность к продолжительным нагрузкам. Правда, у врожденно здоровых и хорошо сохранившихся субъектов переутомление приводит только к усталости, которая в целом легко устраняется; но если к этому переутомлению добавляются всевозможные лишения, то наступает более глубокое и длительное истощение, которое не только способствует упадку личности, но и подготавливает болезненные склонности следующего поколения. Не столько по причине личной усталости, сколько по причине наследственного истощения, капитализированного истощения, раса подвергается прогрессивному налогу вырождения и становится менее способной к продуктивным усилиям" [25].

11.- Многочисленные примеры пороков и преступных действий действуют на организацию преступного сознания с силой суггестивного стимула. Никто уже не сомневается в дегенеративном действии внушения в среде, способствующей прорастанию порочных примеров. Оно глубоко изменяет психику, вызывая извращения чувствительности и высших мозговых функций; доходит до того, что полностью меняет характер личности, порождая ранее неизвестные наклонности и потребности. Эффект равносителен постепенному расслоению чувств и идей, привычке сознательно или бессознательно приспособляться к иному восприятию действительности, созданию психических сил, отличных от прежних, и психофизических результатов с новыми связями и направлениями. Через некоторое время, большее или меньшее, кандидат в преступники обнаруживает себя сформированным и подготовленным к эксперименту; нет недостатка в возможностях, которые, конечно, не заставят себя ждать.

Наблюдали ли вы когда-нибудь за ребенком, который, не очень любя упорядоченные и постоянные занятия, часто любит вырваться из-под власти отца и предается бродяжничеству; большую часть дня, не имея ничего другого, кроме удовольствия от игр, мелких пороков, злоупотреблений, использования дерзкой хитрости для достижения какой-либо цели, при отсутствии предвидения будущего, при пренебрежении к каждому поступку, достойному похвалы? Проследите за ним в последующие годы жизни. В один прекрасный день он восстанет против авторитета своих родителей; он будет насмехаться над их

советами, он приобретет автономное сознание неупорядоченной энергии, борющейся против социальных ограничений, против каждого, кто покажется ему препятствием для удовлетворения потребностей, ставших настоящими в силу исключительного характера жизни. Усилия по преодолению трудностей, в совершаемой борьбе, оборачиваются с каждым мгновением возрастающей опасностью уступить либо под репрессивной санкцией закона, либо под реакцией окружающих; однако это всегда заканчивается либо истощением энергии, вызывающим ту или иную форму дегенерации, либо физическим и психическим преобразованием субъекта и его безвозвратным погружением в пучину преступления. Такова единая история почти всех заключенных: от беспорядочной жизни человек переходит к пороку, от порока - к преступлению.

12.- Не малое влияние должны оказывать все сентиментальные мотивы, которые действуют непосредственно на воображение. Невероятно сказать, какую внушительную власть над общественным мнением и отдельными умами могут оказывать искусственно или болезненно пробужденные убеждения; чувства ошибочной жалости, ложного энтузиазма, тревожного ожидания, воли, навязанной даже принуждением к моральному превосходству. Сначала то, о чем невозможно даже помыслить, кажется возможным, но при исключительных условиях; затем оно становится правдоподобным при данных обстоятельствах фактов; затем оно рассматривается как определенное, даже несомненное, и в итоге овладевает умами и фатально тащит их туда, куда разум никогда бы не позволил им зайти.

Воображение, особенно когда оно оживлено чувствами, - это магическая способность, которая преобразует и окрашивает все, иногда к лучшему, почти всегда к худшему. Кто может подсчитать, какое динамическое воздействие на воображение бедных дегенератов или слабоумных людей оказывает театральность судебных драм с самыми мрачными красками, самыми жестокими сценами? Кто привык, будь то адвокат или мировой судья, бывать в залах заседаний трибуналов и суда ассизов, тому не раз приходилось, ох как не раз, сознавать, что перед смелой, свирепой фигурой подсудимого или обвиняемого маленькая аудитория равнодушных людей, женщин, детей, остается очарованной, восхищенной. В эти часы публичного зрелища, в этот период волнения, болезненного наслаждения, совесть зрителей подвергается такому влиянию, так расшатывается, что к тому времени, когда они доходят до эпилога, осуждения или оправдания, многие добрые чувства ослабевают, страстные токи овладевают совестью, пагубные зародыши будущих извращений пускают корни: и сказать, что все это происходит для того, чтобы правосудие могло действовать!

ГЛАВА VI.

Основополагающие правила криминальной психологии.

1. Краткое изложение основных истин, разработанных ранее.-2. Нормы, которыми должно руководствоваться познание внутренних отношений к внешним явлениям; главный закон аномалии преступления.-3. Моральный порядок и процесс торможения.-4. *Движущая аутосуггестия*; закон импульсивного результата преступления.-5. Динамические и логические отношения между мотивами.-6. Органический и случайный процесс возникновения преступных мотивов.-7. Сохранение и развитие психофизических факторов преступности.-8. Закон *нетипичности*; антропологический тип преступника.-9.

Дезинтеграция души преступника; распад органической психофизической функциональности.-10. В чем, с психологической точки зрения, состоит такой распад.-11. Дегенеративная теория преступности.-12. Клиническая феноменология распада личности.-13. Стандарт для установления гипотезы об эволюционном процессе преступной энергии и гипотезы о вмешательстве какого-либо патологического поражения; различие между аномалией и немощью; психологическое значение критерия наказания.-14. Научная и практическая неэффективность психиатрической экспертизы.-15. Положения статей 46 и 47 Уголовного кодекса; каковы стандарты экспертов для установления условий психической полноценности, необходимых для уголовной вменяемости. Необходимость серьезной психологической подготовки для эксперта.-17. Что такое методы *эксперимента* и *наблюдения*; экспериментальный подход к психологическим явлениям; как ими должны пользоваться эксперты-психиатры. Причины антагонизма между экспертами и судьями: долг эксперта-психиатра; долг психолога и юриста.

1.- На этом этапе мы чувствуем необходимость резюмировать истины, которые лежат в основе всего последующего.

Мы уже говорили, что преступление - это продукт психофизической деятельности, осуществляемой во внешнем антиюридическом действии. Эта деятельность обладает *непрерывностью*, ее процесс во времени имеет начало и ряд последовательных актов, которые прекращаются с нарушением уголовного закона. Указанная деятельность, субъективно взятая, имеет тенденцию к формированию преступного сознания; соответствующие психические акты разрешаются в ассоциации элементарных фактов, организованных и объединенных по статическим и динамическим законам. Преступные психические действия были бы невозможны без фона наследственной или приобретенной дегенерации, без *отклонения* или *отклонений* психической деятельности от общепринятой линии социального поведения. Субъективная деятельность преступника обусловлена функционированием *криминальной энергии*, специализирующейся на преобразовании внешних или внутренних побуждений к действию в импульсы к совершению преступления; объективно она складывается из ряда физических и социальных факторов, предрасполагающих к внешнему действию в антагонизме с внутренним процессом торможения и реактивных контрстимулов.

2.- Установив аномалию преступления, законы, сопровождающие его генезис и развитие, должны руководить им с элементарных факторов психической деятельности; с того момента, когда организация преступного сознания начинается с интеграции его составных элементов.

В ряду внутренних связей с внешними явлениями, особенно когда речь идет о познании социальных явлений, нормой, управляющей их рассмотрением и пониманием, является та, которая не отклоняется от постоянства реальности вещей. Воспринимать и представлять реальность внешних явлений так же правомерно, как ощущать и представлять в зрительном поле сознания идентичную статическую или динамическую *актуальность* того, что соответствует истине рассматриваемых объектов. Этого, по размышлению, не происходит, если антропологические условия субъекта не находятся в состоянии функционального равновесия, если нет согласованности факультетов и гармонии актов между ними. Так вот, в динамике психического мира по отношению к внешнему миру изменение в функционировании происходит либо потому, что объект познания не воспринимается адекватно из-за дефекта органов чувств, либо потому, что, будучи воспринятым, он усваивается ошибочно. Ошибка относительна либо к знанию, либо к аффекту, поскольку она возникает либо в результате изменения причинно-следственных связей, либо порождается страстным преувеличением чувств, которые затуманивают наш разум и вводят в

заблуждение нашу волю. Под "*правильным поведением*" мы подразумеваем соответствие наших действий реальности общественных потребностей: отступая от реальности, мы не только имплицитно и эксплицитно отрицаем внутреннюю достоверность вещей, но и отступаем от того, как вещи нам представляются.

Сказав это, заметим, что основной закон аномалии преступности заложен в состоянии дисбаланса сознания при контакте с внешним миром; он принимает форму тенденции изменять реальный порядок вещей, следуя диктату ложной логики. Эта тенденция, складывающаяся в дегенеративные психофизические коэффициенты, обосновывается преобладанием эгоистических чувств и дефектом адаптации отношений.

3.- Моральный порядок, или гармония обязанностей и прав, - это не что иное, как приспособление к сдерживанию индивидуальных тенденций в пределах, налагаемых необходимостью совместной жизни. В этой адаптации лежит основа этического долга. Тот, кто не может или не умеет его понять, оказывается чужим среди равных: в нем импульсы к удовлетворению потребностей навязывают себя без ограничений, а жизнь отношений разворачивается через постоянные жертвы счастьем других ради обеспечения своего собственного. Рассмотрим фазу эволюции души преступника: каждый этап на пути преступника отмечен накоплением и разрядкой энергии; накоплением, которое в конечном счете проявляется не иначе как в виде повышения способности к определенным внешним действиям, через работу адаптации. Психические акты, от ощущения до воления, независимо от того, интегрируют они сознание или дезинтегрируют его, сводятся к накоплению или разрядке энергии: другими словами, они являются эквивалентами стимулов и импульсов, изолированных или организованных, в вечном ритме жизни духа.

4.- Описанный здесь процесс *органического отбора* в особенности является следствием *двигательной автосуггестии*. Сенсорная и перцептивная жизнь, став сознательной, превращается во внутренние причины аналогичных внешних актов. Таким образом, благодаря изменениям в сознании, физиономия личности постоянно обновляется, в то время как содержательное единство остается нетронутым. Но эти обновления не остаются безрезультатными: в конце концов они расшатывают естественные основы эго и порождают ранее неизвестные наклонности, чувства и воления.

Это указывает на усилия, затрачиваемые на фиксацию мотива, чтобы сделать его центром накапливающегося ядра энергии, непосредственным действием которого является изменение прежних состояний сознания в новое состояние, которое является моральной средой, наиболее подходящей для дальнейших эволюционных степеней внутренних психических актов. Способы выражения нового состояния сознания: а) подавление или репрессия токов психической активности, присущих накоплениям энергии предыдущих состояний; б) создание новых центров импульсивности пропорционально побуждению мотива; в) сужение или расширение поля зрения сознания в границах, допускаемых количественной эффективностью добровольно накопленной энергии.

Мотив, хотя и воспринимается нами как абстрактная единица, в свою очередь, является результатом разлагаемых динамических коэффициентов. Идея обиды включает в себя множество базовых идей: чувство и понятие нарушенного личного достоинства, несправедливость поступка, последствия поступка и так далее. "В мысли, - пишет Ардиго, - даже в одной мысли человека, есть много различных психических элементов: подобно материальным элементам в каждой физической индивидуальности. И единство, присущее мысли, есть не более чем случайное явление конкуренции психических моментов, которые

входят в ее формирование; то есть, в конечном счете, элементарных ощущений и очень слабых, неощутимых и бесчисленных обид, в которых каждая из них разрешается"[26] . Оценка идеи обиды в логическом смысле повода к реакции или побудительной силы к мести, пренебрегая элементами, из которых она проистекает, была бы серьезной ошибкой, поскольку в гипотезе объяснения неизвестного с неизвестным; неизвестной причины преступления с неизвестным, присущим каждому незамеченному элементу импульсивного побуждения к действию.

Собирая вышеприведенные наблюдения и применяя их к нашей дисциплине, мы получаем следующий закон: *в последовательном ряду состояний сознания, обусловленных накоплением или разрядкой криминальной энергии, импульсивный результат к преступлению пропорционален сумме психических элементов мотива.*

5.- Этого недостаточно: продолжая анализ элементов мотива, мы приходим к рассмотрению динамических и логических связей между ними. Так, в идее правонарушения перечисленные выше элементы складываются по-разному, и это разнообразие приводит: а) к качественному или количественному различию мотива; б) к своеобразной модальности или физиономии мотива. Преобладание идеи нарушенного достоинства личности над остальными компонентами идеи правонарушения приведет к тому, что мы, например, прибегнем к возмещению ущерба с помощью рыцарских методов; реакция, так сказать, физиономия, более соответствующая состоянию цивилизации, в которой человек живет.

Чувство несправедливости поступка, если оно сопровождается правильным моральным окружением пациента, побудит его прибегнуть к помощи закона. Но, учитывая преобладание, в обиженном, импульсивной реактивной энергии, при недостаточной способности к задержанию, эффект немедленной личной мести будет виден сразу.

6.- Элементы преступных мотивов интегрируются органическим процессом, т.е. случайно. Органическая интеграция происходит путем наложения наследственных факторов. Наследственная склонность, например, к кровавым преступлениям не сразу достигнет крайней степени; но она будет усиливаться в ходе совершения последовательных преступлений, переходя от преступлений с причинением вреда здоровью к убийству; что в отношении силы мотивов говорит о том, что элементы, из которых они состоят, приобретают большую эффективность в соответствии с прогрессивной интеграцией с течением времени.

Интеграция происходит либо посредством *концепции и различения* физических и социальных факторов, либо в силу *опыта*. Познавательный ряд элементов разума, объекта познания, начинается с неясного видения мира, духа, граничащего с бессознательным, и расширяется и возвышается до более сложной и развитой формы мысли. Мы осознаем это только после того, как *поймем* обновляющую силу предыдущих состояний: это подтверждает закон относительности, согласно концепции Бейна, который признает, что мы не воспринимаем впечатления, мы не становимся сознательными без изменения состояния или впечатления.

Процесс *различения* начинается с того момента, когда, накопив интегративный материал мотива, мы чувствуем себя способными провести качественное или количественное различие между элементами. Тот, кто хочет дать выход своему гневу, прибегнув к мести, сначала воспринимает коэффициенты, определяющие преступное действие в целом, видя перед собой только намерение наказать противника; затем он различает и измеряет

важность (качество) и эффективность (количество) каждого из этих коэффициентов по отношению к цели, которая должна быть достигнута с помощью преступления.

Опыт завершает эту дискриминацию, придавая значение, в силу знания последствий совершаемых действий, репрезентативной и логической ценности каждого элемента мотива. В чем должна заключаться эта ценность? В большей или меньшей возможности создания причинной связи между абстрактной идеей мотива и конечным и реальным намерением совершить преступление: возможность, которая в отношении поиска доказательств переходит в то логическое *основание* вменяемости, которое обычно понимается под выражением *причинно-следственной связи с совершением преступления*.

7.- Здесь повторяется еще один закон: закон *сохранения развития психофизических факторов преступления*. Развитие означает не только динамическое приращение фактов или увеличение результирующей энергии для органического сложения состояний сознания; оно означает также большую согласованность уже устоявшихся состояний.

Нравственное воспитание, приучая нас к идее добра, к практике добродетели, формирует тип честного человека; медленное или быстрое действие, будь то зло, помогает дегенеративным зародышам укорениться и разрастись; пышность, которая следует за этим, есть длительный эффект изменения и перекомпоновки сменяющих друг друга состояний сознания.

Короче говоря, преступная энергия, сохраняясь, не теряет приобретенных психических форм; отсюда, в крайнем случае, дифференцированные характеры преступного вида. Интересно отметить, в дополнение к уже сказанному, что изложенный закон сохранения подчиняется ритму нравственных качеств, который я обозначу принципом *компенсации отрицательных качеств*. Самые противоположные и противоположные понятия компенсируют друг друга с безошибочным постоянством.

Мы могли бы составить почти точную таблицу, чтобы записать, рядом, качества противоположных натур, которые также повторяются в индивидах. Например, застенчивость компенсируется хитростью; отсутствие проницательности и рефлексии компенсируется большой импульсивностью. Это наблюдения за обычной практикой; характеристики, которые не ускользнули от внимания авторов, занимающихся криминальной антропологией. Но в то, что это должно относиться к закону, я не верю.

8.- Продвигаясь дальше в процессе дифференциации характеров преступников, мы понимаем, что это следует другому закону, который, отдаляя индивидуальные характеры от общих, дает нам более точное представление о комплексной ненормальности каждого вида преступников. Этот закон мы назовем законом *нетипичности*, именно потому, что по нему преступник, отличающийся от типа обычного человека, оказывается явно непохожим на последнего. Чем совершеннее атипичность, тем сильнее вырабатывается антропологический тип преступника.

Рассуждать о том, существует ли этот тип в совершенном виде, т. е. в виде, отличающемся до степени индивидуальности, - значит игнорировать относительность человеческих представлений, научных понятий. Уголовное право - результат общественной цивилизации, оно возникает, как только индивидуальные отношения переходят в коллективные, а идея самозащиты расширяется до понятия защиты правового порядка. Идея преступника претерпела аналогичный эволюционный процесс. От индивидуального врага до преступного типа существует неопределенный ряд нетипичных представлений, которые различаются в зависимости от степени развития концепции права на защиту, от защиты частного лица, в

отношении физической или моральной неприкосновенности и родового имущества, до защиты отношений между равными и потребностей, вытекающих из состояния развитой социальной цивилизации. Поэтому, по мнению некоторых, говорить, что преступник представляет собой тип сам по себе и что он обладает такими качествами, которые можно сравнить только с безумцами и дегенератами, следует понимать только в смысле существа, содержащего в себе такие заметные черты, которые заставляют иметь о нем особое антропологическое представление.

9.- Вышеизложенные наблюдения дают нам возможность изучить психику преступника с новой точки зрения.

Мы попытались показать, как от коэнестезии, или общей чувствительности, к крайним и более сложным актам преступного сознания человек переходит путем попеременной интеграции и дезинтеграции, поглощая и ассимилируя злые микробы и ослабляя моральные силы ареста, с конечным результатом в виде неустойчивого функционального дисбаланса. Душа преступника, как мы уже говорили, сопровождается специфическими формами дегенерации, поэтому существует много аналогий между его поступками и действиями людей, страдающих болезненными недугами. Действительно, некоторые не скрывали убеждения, что преступление, в конце концов, является лишь одним из многих видов дегенерации человека, подчеркивая тем самым патологическую сторону психофизического состояния преступника и смешивая его с моральным сумасшедшим и психическим эпилептиком. Мы, продолжая прежнюю систему исследований, говорим, что болезненность преступности - это другая сторона генезиса и развития психофизических явлений, которые, имея в своей основе чисто природные законы, могут, однако, принимать настолько патологический характер, что мы вынуждены признать их в аспекте истинных болезненных аффектов. Этап формирования преступной психики в, скажем так, обычном процессе есть не что иное, как постепенная эволюционная трансформация энергии, которая, приводимая в движение динамикой мотивов, организуется в специфические состояния сознания и является причиной действий, моральный эквивалент которых заключается в отрицании общепринятого поведения, основанного на принципах социального порядка.

Но - учитывая, что дегенеративная сторона преступности акцентируется и воздействует на преступника настолько, что превращает его в совершенно патологического субъекта, - следствием этого становится то, что мы наблюдаем уже не *эволюционные* процессы криминальной энергии, а стадию *психофизического распада*. Закон эволюции и распада действует и в преступлении, и в подобных психических состояниях - это универсальный закон для неорганических, органических и суперорганических существ, к которому мы должны отнести понятия нашей дисциплины, если не хотим, чтобы она оторвалась от унитарного знания, лежащего в основе сегодняшней позитивной научной ориентации.

Существуют физиологические и патологические формы преступности; различие служит для того, чтобы мы лучше понимали двойную сторону одного и того же явления, а не то, что меньшую или большую степень фундаментального дегенеративного зародыша одного и того же.

Из различий, например, до сих пор проводившихся между преступником случайным и преступником врожденным, или психическим эпилептиком, или морально невменяемым, можно считать, что первый вид вытекает из общей физиологической формы проявления преступной энергии: не то что второй вид, обоснованный в болезненном состоянии явного *распада* органической психофизической функциональности.

10.- В чем, с психологической точки зрения, заключается этот распад?

Мы уже говорили, что нормальное внутреннее состояние преступника характеризуется *неустойчивым* функциональным *дисбалансом*; из этого мы сделали вывод, что возникает характер *аномалии* преступления. Теперь, если мы допустим случай наследственного или приобретенного заболевания, которое, усиливая дегенеративное действие преступных микробов, настолько изменяет организм, что переворачивает или полностью извращает психофизическое функциональное состояние, то *неустойчивый* дисбаланс станет *устойчивым*, а аномалия превратится в *болезненное состояние*.

Краффт-Эбинг пишет: "Между задержками развития и психическими отчуждениями существует промежуточная группа, включающая самые разнообразные психопатические формы в зависимости от различных индивидуумов. По отношению к собственно психическим заболеваниям их следует рассматривать как простые дефекты конформации, и между ними существует такая же разница, как между *аномалией* развития и болезнью. Более того, родство этих особых форм с психическими заболеваниями подтверждается прежде всего тем, что они очень часто представляют собой зачаток, предвестник или переходное состояние к истинным психозам. Опасность потери *хрупкого равновесия* у таких людей очень велика. К этому легко приводят критические ситуации, в которые они легко попадают из-за своей экстравагантности и недостаточной адаптации к социальной жизни, в разврате всех видов (сексуальные излишества, алкоголь и т.д.), к которому они особенно предрасположены из-за недостаточной эволюции их характера, астении их нервной системы и аномалии их инстинктивной жизни, и, наконец, из-за страстей и неврозов, которые представляют собой одно из многих проявлений органической лаборатории, которой они заклеены.-Теперь, именно потому, что их высшие психические функции частично не достигли зрелости эволюции, а частично извращены, а также потому, что в соответствии с этим эти индивиды отклоняются от нормального психического развития и от того, что составляет нормальный процесс формирования психической индивидуальности, они могут быть обозначены как *дегенераты*, а аномалия их психического существования как психическая *дегенерация*.-Эти дегенеративные состояния имеют точки сближения и перехода в заторможенные состояния развития, так как и они, в конечном счете, представляют собой развивающийся мозг, нарушенный органическими причинами в его естественной эволюции. Более того, это повреждение мозга даже не останавливает его дальнейшее развитие таким образом, что идиотизм или имбецильность становятся конечным результатом; напротив, оно позволяет развитию идти вперед, только в болезненно извращенном и часто неполном направлении. Это нарушение мозговой эволюции, хотя и не приводит, как мы уже говорили, к настоящей умственной слабости (за исключением случаев переходных форм), однако нарушает развитие высших психических функций (суждения, чувства и моральные идеи). В то время как формальный процесс формирования идей может быть пощажен, выработка высших фундаментальных и универсальных интуиций, как в орбите морали, так и в орбите разума, и которые должны направлять хорошо определенную волю, является неполной и даже не может иметь места.

В результате у таких людей не хватает характера и духа, чтобы понять ценность, обязанности и важность собственного существования. Психические последствия этого - неспособность достичь и сохранить положение в обществе; неспособность мыслить и действовать с твердой энергией и уверенным осознанием поставленной цели, использовать средства, например деньги, для достижения высокой цели в жизни; неспособность вести себя в соответствии с велениями морали, опасность поддаться аморальным и даже преступным инстинктам, которые, к тому же, чаще всего извращены и дают о себе знать с поистине

болезненной силой. Общество видит в этих людях не более чем бродяг, людей низкой морали, растратчиков, правонарушителей; ученый же видит в них стигматы распада высших психических функций, которые иногда могут носить характер настоящей имбецильности. - Эти дегенеративные состояния следует отличать от психозов, как приобретенных заболеваний мозга, который в большинстве случаев достиг своего полного развития и до сих пор функционировал нормально, тем, что психические функции быстро и неуклонно изменяются, тем, что аномалии высших чувств и инстинктов и вообще характера берут верх над интеллектуальными явлениями (имбецильность, бред, сенсорные иллюзии); Однако и в этом отношении следует отметить, что иногда существуют нюансы и переходные формы, поскольку психозы могут развиваться на этом дегенеративном фоне как в виде эпизодов, так и в виде терминальных форм. Таким образом, можно сказать, что при этих дегенеративных состояниях поражается внутреннее ядро психики личности, находящейся в процессе развития"[27]. И Серджи: "Что это за аномалии, эти деформации, эти болезненные состояния, эти функциональные нарушения, когда они встречаются у делинквента? Давайте исследуем. Психический организм либо никогда не формировался, либо находится в стадии распада; баланс функций отсутствует, и очень часто отсутствует какой-то неотъемлемый элемент самого психического организма. Характер либо вообще не существует, либо существует фрагментарно, смешивая новое со старым и путаясь. Поведение становится фрагментарным, а значит, неуравновешенным. Психический организм, то есть физический, не является нормальным, когда физический не является нормальным; полная или частичная ненормальность последнего влечет за собой аналогичную ненормальность в первом: это и есть болезненное состояние"[28].

11.- Односторонность дегенеративной теории преступности знаменует собой этап в криминальной антропологии, с именами, в частности, Мореля, Лукаса, Ферруса, Деспина, Томпсона, Уилсона, Николсона, Модсли, Фере. В настоящее время, благодаря прогрессу экспериментальной психологии и психиатрии, две области криминальной антропологии - психологическая и патологическая - имеют свои собственные очерченные границы. Поэтому появилась возможность интегрировать все научные знания о психике преступника, проследив ее функциональное исследование в абсолютно нормальной или физиологической фазе и в патологической фазе, на стадии эволюции и на стадии распада.

12. Клиническая феноменология болезненных состояний, к которым относится дегенеративная стадия распада человеческой личности, как никогда разнообразна. Наследственность имеет огромное значение, вплоть до признания того, что целые семьи фатально обречены на преступное вырождение. В области *сенсорных функций* часто наблюдается аномальная восприимчивость; со *стороны органов чувств* - склонность к гиперестезии, даже к галлюцинациям, чрезвычайно энергичное и иногда извращенное подчеркивание (идиосинкразия) приятных или неприятных ощущений; в том, что касается *вазомоторной функциональности*, проявляется неустойчивое равновесие нервных центров; со *стороны моторики*, как остатки функциональных нарушений, вызванных теми болезненными процессами, которые поразили мозг во время фетальной жизни или детства, обнаруживаются нистагм, косоглазие, спастический паралич, эпилептические и эпилептоидные доступы и т.д. Или, как внешние проявления судорожной реактивности на сенсорные стимулы, лицевые гримасы, судорожные тики и так далее (Крафт-Эбинг).

В области представлений отмечается отсутствие координации, согласованности; то систематически, то через определенные промежутки времени возникают форсированные идеи, фиксированные или отрывистые намерения, без мотива и реального интереса.

Эмоциональная жизнь нарушается непредсказуемыми волнениями, болезненной возбудимостью, которая чаще всего порождает импульсивные страсти, непреодолимые поступки. В душе таких дегенератов то штиль и безмятежность, то буря и ураган: нет ни надежного центра притяжения для психических потоков, ни моральной сдержанности. Больше всего от этого страдает воля, которая слаба и подчиняется быстрому действию случайных стимулов во взрывоопасной форме; или же на ней видны такие отпечатки апатии и безразличия, которые заставляют подозревать, что всякая личная энергия была погашена. Преступления, которые так часто венчают неупорядоченную деятельность этих людей, в конечном итоге способствуют более быстрому психическому распаду. Жизнь в тюрьме, среди лишений, в контакте с другими дегенератами, которые легко поддаются примеру и наставлениям во зле, создает наиболее подходящую среду для опаснейшей моральной заразы, следы которой остаются в течение всей последующей жизни, чтобы еще больше распахнуть те немногие способности, которые еще сохранились в целостном состоянии.

В целом средний уровень интеллекта деградирующих преступников очень низок. Мы часто обманываем себя внешним видом. Мы путаем интеллект с хитростью, с проницательностью в совершении тех или иных жизненных поступков. Однако те, кто привык часто посещать и изучать тюремное население, сразу же понимают, что среднестатистический преступник страдает откровенной психической депрессией, а те, кто демонстрирует более тератологические или нетипичные физические аномалии, также менее склонны к согласованным идейным ассоциациям или волевым актам, сопряженным с логическим замыслом. "Злоба, симуляция и бесчувственность, - пишет Марро, - вот характерные черты этих несчастных, почти всегда происходящих от родителей-алкоголиков, невропатов или отчужденных людей. Родники аффективности в них почти иссякли: нелюбимые своими семьями, неспособные подружиться с товарищами, они равнодушны к собственному благополучию, которое они ставят под угрозу в каждый момент, и безразличны к собственной жизни, от которой они пытаются избавиться путем самоубийства. Их существование - это постоянное мучение для всех: для семей, которым они доставляют тысячу беспокойств, а также для общества, которому постоянно угрожает странность их порывов; А в тюрьме, утомив охранников и надзирателей, они приходят со своими выдумками и симуляциями, чтобы смутить врача, который, обнаружив их, обязан признать ненормальность их психического состояния и учитывать ее в своих суждениях о них, а также в лечении, которое он принимает в отношении них"[29]. Таковы характерные черты наиболее кульминационной формы психического распада - формы морального помешательства. По наблюдениям Марро, которые соответствуют истине, оно настолько укоренилось в преступниках, что число безумцев, строго говоря, охватывало бы значительную часть тех, кто посещает тюрьму.

13.-13. Криминальный психолог, рассматривая преступника в двойной фазе: человека, психофизический организм которого отличается особыми отклонениями, и дегенерата, пораженного в большей или меньшей степени распадом, обязан спросить себя Как можно будет установить теоретический критерий, достаточный на практике для того, чтобы указать, когда для выяснения причины преступления необходимо прибегнуть к эволюционному процессу преступной энергии, а когда следует довольствоваться констатацией болезненного действия какого-либо патологического поражения? Модсли хорошо замечает, что как во всех природных фактах есть градации интеллекта от гениальности до идиотизма, так и в соответствии с естественным законом есть градации моральной силы между высшей энергией хорошо построенной воли и полным отсутствием морального чувства. И далее он добавляет: между преступлением и безумием проходит промежуточная линия; с одной

стороны, безумия мало, а извращенности много; с другой стороны, извращенность незначительна, а безумие тиранично .[30]

Короче говоря, возвращаясь к тому, что мы уже написали, психофизический дисбаланс, характерный для делинквента, если он ограничивается простой функциональной или перцептивной аномалией или состоянием сознания, заставляет нас пользоваться обычными понятиями, лежащими в основе вменяемости; если же он принимает вид патологического состояния, эффекта болезненной психической дезинтеграции, он заставляет нас прибегнуть к экспертному медицинскому заключению, рассчитывая, что мы имеем дело скорее с недугом, чем с делинквентом.

Но - добавим мы - в чем разница между аномалией и недугом? Я начну с того, что соглашусь с тем, что Модсли пишет об известной промежуточной зоне между безумием и состоянием разума, и что она населена такими неоднозначными фактами, которые хорошо бы изучить. "По нашему мнению, последствия такого исследования, хотя поначалу кажется, что оно направлено на стирание различий, которые признаются всеми, и на то, чтобы сделать неопределенным то, что раньше казалось определенным, не могут не принести реальной пользы. Повседневный опыт показывает нам, что многие люди, не будучи сумасшедшими, обладают определенной оригинальностью мыслей, чувств и характера, что выделяет их среди обычных людей и делает объектом внимания. Эти люди могут стать или не стать сумасшедшими, но они происходят из семей, в которых есть либо сумасшествие, либо какое-то другое нервное заболевание; они несут в своем характере отпечаток своей особой наследственности: у них есть особый нервный темперамент, определенный *невроз*, а у некоторых других - более специфически безумный темперамент, то есть *невроз mattesque*.[31]

Учитывая непрерывность психофизических процессов от нормального состояния к неуравновешенному и патологическому, если нет выраженных и типичных случаев, которые не заставляют нас сомневаться в сознательной степени действия при совершении преступления, критерий, которому следует следовать, на практике, я полагаю, должен быть *апостериори* выведен из понятия, чуждого непосредственному исследованию преступника, - понятия *наказания*. Эксперт и мировой судья, призванные высказаться о физическом и моральном состоянии преступника, обязаны путем накопления фактов, которые они смогут установить, решить вопрос, идет ли в данном случае речь о вменяемом факте и *уголовно* наказуемом деянии, или же о деяниях, связанных с болезненной причиной, не обладающей необходимыми качествами для применения репрессивных средств. Очень серьезное предположение, как все видят; но такое, которое, при использовании экспериментальных или экспертных средств, имеющихся в нашем распоряжении, может быть достигнуто с надеждой на большую точность.

Вышеупомянутый критерий наказания является не только юридическим, но, прежде всего, психологическим критерием, поскольку он подразумевает концепцию, согласно которой, как в отношении личности, так и в отношении общества, бесполезно прибегать к репрессивным средствам в том случае, если личность, неспособная понять и почувствовать их эффективность, не получит от них никакой пользы, а общество, учитывая бессознательность субъекта, будет испытывать скорее жалость и отвращение. Напротив, психологический критерий предупреждает, что наказание, применяемое к деградирующим или психически расстроенным существам, является новой причиной вреда для личности и опасности для общества; для личности, которая в благоприятной обстановке тюрьмы придет к результату

окончательного психического распада, и для общества, которое, исходя от такого существа, должно будет опасаться больших преступлений в будущем. Невозможно провозгласить достаточно часто истину, которая должна привлечь всеобщее внимание к необходимости создания психушек для ухода за людьми, чья исключительно деградирующая природа ожидает скорейшего лечения со стороны науки и просвещенной практики! Репрессивный закон, наказание для них, не имеет никакого эффекта, даже если он не способствует их вреду. Публика, присутствующая в зале суда, судья, выносящий приговор, слишком хорошо знают, как по-разному воспринимают наказание многие осужденные: они называют это цинизмом, моральной развращенностью! Никто или почти никто не понимает, что нынешнее состояние циничного безразличия вызвано бессознательностью, таким глубоким моральным оупением, что оно не оставляет несчастному даже возможности понять, что происходит вокруг него. Не раз, а много раз после вынесения серьезного приговора заключенного уводили под любопытство и смех публики: на следующий день - через 24 часа - когда я вернулся в тюрьму, чтобы сказать слово утешения несчастному, которого я тщетно пытался доказать судьям, что он эпилептик или морально ненормальный, он, между оцепенением и апатией, спросил меня, какой приговор он получил, ничего не поняв из приговора суда!

Тюремные надзиратели, если они наделены некоторой культурой и здравым смыслом, глубоко убеждены в бесполезности наказания для большинства заключенных. Они знают, что в тюрьмах они являются мукой для своего начальства: дисциплина для них - повод не для сдержанности, а для неводержанности, для странностей, для безумных поступков. Часто, чтобы избавиться от них или получить передышку, их определяют в лазареты, где с заключенным обращаются как с инвалидом, хотя у него нет никаких видимых болезней; он обретает относительное спокойствие, живя вдали от стимулов возвысить себя, совершить опасные поступки по отношению к людям, с которыми он имеет дело.

14. Полезно добавить еще несколько замечаний, отражающих, прежде всего, то, как обычно проводится психиатрическая экспертиза преступников, состояние психики которых вызывает подозрение в невменяемости. Сегодня психиатры в целом понимают необходимость изучения психологии для проведения исследований психических состояний вверенных им субъектов. Но, ох как сильно некоторые экспертизы оставляют желать лучшего в плане научной точности и ясности видения!-Обычно обследования проходят вполне благополучно при выяснении антропометрических измерений, соответствующих соматических признаков, мелкой психической жизни (чувствительность, эмоциональность, привязанности, чувства); Но когда дело доходит до высшей психической жизни, когда приходится выяснять, как функционируют совесть, интеллект и воля, эксперты-психиатры, если они не имеют хорошего психологического образования, впадают в неточности и ошибки, заслуживающие упрека судьи, призванного на основании предоставленной ими информации принять решение о вменяемости подсудимого. Сам Ломброзо, который в своей последней книге под названием "Психиатрическо-юридическая экспертиза" (*La perizia psichiatrico-legale*) задался целью определить критерии и методы, которых следует придерживаться при экспертизе преступников, весьма ограничен в психологической части. Он уделяет большое внимание письму, произношению, измерению эмоций и сосудистых рефлексов, вниманию, зрительной внушаемости, измерению апперцептивного поля, памяти, и больше ничего! Мы должны были бы заключить, что, следуя диктату эксперта Ломброзо, очень мало психологического материала было бы доступно для тех, кто хотел бы решить проблему ответственности в отдельных случаях.

Окончательный вывод, к которому должен стремиться эксперт-психиатр в области психологии, заключается в том, чтобы решить юридическую проблему, установив, существует ли наказание для автора исследуемого факта, учитывая его душевное состояние. Чтобы успешно справиться с этой нелегкой задачей, необходимо, чтобы эксперт, прежде всяких понятий, имел точное представление о юридическом содержании статей 46 и 47 нашего уголовного кодекса. В первой статье говорится: "Не подлежит наказанию тот, кто в момент совершения деяния находился в таком состоянии невменяемости, которое лишает его сознания или свободы своих действий". Слово *разум*, правильно писал Дзанарделли, следует понимать в самом широком смысле, чтобы включить в него все психические способности человека, врожденные и приобретенные, простые и сложные, от памяти до совести, от интеллекта до воли, от рассуждения до нравственного чувства. Таким образом, законодатель санкционированной формулировкой не хотел обозначить ничего иного, кроме психического состояния, вызванного таким заболеванием, при котором нарушается функционирование некоторых или всех способностей, из которых проистекает осознание противоправного деяния и свободное волеизъявление. Человек, который не понимал преступного характера того, что он делает, или в силу непреодолимой импульсивной силы не был в состоянии использовать свои способности к торможению, не должен отвечать за свои действия в уголовном порядке: он - несчастный инвалид, а не преступник.

Эксперт, используя технические знания, почерпнутые из психиатрии, обязан прежде всего установить наличие болезни, физической или психической, которая влияет на сознательную и аффективную деятельность субъекта; и этого недостаточно: сделав это, он вступает в исключительную область психологии, поскольку призван сказать, повлияло ли болезненное состояние на сознательные и свободные действия и в какой степени. Ибо либо болезненное состояние настолько серьезно, что полностью исключает уголовную вменяемость деяния, а значит, и ответственность, и мы оказываемся в гипотезе ст. 46; либо оно таково, что значительно уменьшает вменяемость, не исключая ее, и мы оказываемся в гипотезе ст. 47. Резюмируя, таким образом, сложную проблему, решение которой должно составлять задачу эксперта, мы говорим, что он должен: *a)* четко понять положение закона, на основании которого судья обязан прибегнуть к своему техническому суждению; *b)* выяснить, имеется ли у субъекта заболевание, влияющее на его психическую деятельность; *c)* определить поврежденную способность или, лучше, какая область головного мозга и какой ряд психических актов поражены патологически; *d)* сказать о большей или меньшей степени заболевания и его влияния; *e)* исследовать, находится ли указанное влияние в области сознания или в области воли, и производит ли оно эффект изменения, ограничения или подавления первого, сводя на нет его внутреннее *видение*; или даже нарушения последнего, чтобы разрушить и уничтожить силу полноты воли.

Независимо от технических знаний, относящихся к многочисленным формам заболеваний, которые влияют на чувствительность, мышление, внимание, эмоциональность, личность, волю, свободное или спонтанное проявление внутренних актов; Эксперт, решая психологическую проблему, т.е. проблему *нормального или менее нормального функционирования сознания и воли, а также степени субъективной ответственности за поступок, составляющий объект вменения*, должен *a)* иметь ясные и точные психологические представления о законах, по которым производятся и осуществляются все внутренние явления, от ощущения до представления, от внимания до суждения, от размышления до воления, от осознания "я" до его спонтанного проявления во внешнем мире; *b)* возможность уловить истинный *мотив* инкриминируемого действия, измерить и оценить его динамическую эффективность в соответствии с этапами сознания обвиняемого *в)* выявление не только логической связи между мотивом и действием, но и *функционального*

состояния сознания и воли в связи с воздействием мотива как в отдельности (гипотеза *ответственности*), так и в сочетании с патологическими причинами (гипотеза *безответственности*), чтобы сделать вывод о нормальности или ненормальности психических актов и спонтанности (*свободе*) действия, либо о характере его *необходимости*.

16.- Откуда эксперт черпает полезные знания и методы для успешного решения проблемы, касающейся психологического состояния подсудимого и условий ответственности за совершенное им деяние? От величайших писателей по психологии. Но этого недостаточно, ибо в целом результаты современной психологии, какими бы замечательными они ни были, не могут в достаточной мере обосновать все те практические требования, к которым должна привести экспертиза. Чтобы доказать это утверждение и чтобы при изучении делинквента иметь представление о границах, в которых должны быть ограничены претензии эксперта, мы возьмем на себя смелость в конце этой главы кратко изложить понятия, к которым необходимо прибегнуть, если мы хотим иметь научные критерии в области общей психологической культуры.

Каждое психическое явление по своей природе представляет собой сложный процесс, который может быть разложен на элементы. В этом тоже есть доказательство фундаментального закона природы, согласно которому каждая часть есть целое и каждое целое есть продукт частей; мало того, каждое природное образование есть результат относительных единств. Таким образом, первые психические элементы, по Ардиго, - это простемы, минимальные ощущения, гипотетические данные, которые не могут быть пережиты непосредственно и которые входят в сумму каждого воспринимаемого нами ощущения.

Психология, имея своим объектом не конкретные содержания опыта, а *общий опыт в его непосредственной природе*, не может пользоваться иными методами, чем те, которыми пользуются эмпирические науки, как для констатации фактов, так и для их анализа и причинной связи (Вундт).

В распоряжении естественных наук есть два метода: *эксперимент* и *наблюдение*. *Эксперимент* состоит, согласно определениям Вундта, в наблюдении, при котором наблюдаемые явления возникают и разворачиваются благодаря волевой деятельности наблюдателя; *наблюдение* же, в строгом смысле слова, изучает явления без такого вмешательства экспериментатора, но так, как они предстают перед наблюдателем в непрерывности опыта.

Экспериментальное направление (и мы увидим, в какой степени) в психологических феноменах - это все достижение сегодняшнего философского позитивизма.

Оно, не говоря уже о его основателях, обязано прежде всего работам Тетенса, Вебера, Фехнера и Вундта. Эксперименты, которые проводятся в лабораториях, бывают двух видов: одни касаются измерения ощущений и изучения представлений, входя в сферу *психофизики*; другие распространяются на более сложные и интересные психические процессы, составляя предмет *психометрии*. Характер моей книги не позволяет мне рассматривать все практические системы, которые используются для установления законов, управляющих отношениями между стимулами и ощущениями, представлениями пространства и времени; не говоря уже о том, что с помощью *психометрических* экспериментов мы приходим к измерению так называемого *времени реакции*, степени сознания и внимания, а также мнемонических и ассоциативных процессов. Вундт утверждает, что психология, в силу естественности возникновения психических процессов,

обязана использовать экспериментальный метод, так же как физика и физиология. Он объясняет: "Ощущение возникает в нас в условиях, благоприятных для наблюдения, если оно вызвано внешним стимулом; ощущение звука, например, - внешним звуковым движением, ощущение света - внешним световым стимулом. Представление объекта первоначально определяется более или менее сложным набором внешних стимулов. Если мы хотим изучить психологический способ возникновения представления, мы не можем использовать другой метод, кроме как имитировать этот процесс в его естественном разворачивании. Таким образом, мы получаем огромное преимущество: мы можем добровольно варьировать сами представления, изменяя комбинации стимулов, действующих в представлениях, и таким образом прийти к объяснению влияния, которое каждое отдельное условие оказывает на новый продукт. Представления памяти, правда, не вызываются непосредственно внешними чувственными впечатлениями, а следуют за ними лишь через более или менее продолжительное время; но ясно, что даже в отношении их свойств, а особенно в отношении их к первичным представлениям, вызываемым непосредственными впечатлениями, самое верное объяснение может быть получено, когда мы не полагаемся на их случайное появление, а пользуемся теми образами, которые оставлены предшествующими раздражителями экспериментально регулируемым образом. Не иначе обстоит дело с чувствами и волевыми процессами; мы сможем поставить их в наиболее подходящие условия для точного исследования, если добровольно произведем те впечатления, которые, согласно опыту, регулярно связаны с реакцией чувства и воли. Поэтому нет ни одного из фундаментальных психических процессов, для которого нельзя было бы использовать экспериментальный метод, и также нет ни одного, для исследования которого этот метод не требовался бы по логическим причинам."[\[32\]](#)

Я не осмеливаюсь оспаривать мнение Вундта в области общей психологии; возможно, для чувств и воли следует сделать некоторые исключения; но, повторяю, пока мы посвящаем себя исследованию общих психических процессов, экспериментальный метод будет приносить неоценимую пользу. Так же ли обстоит дело с криминальными психическими процессами?

Эксперты-психиатры пользуются им, с хорошими результатами, при исследовании низшей психической жизни (ощущения, эмоциональность, апперцепция, память); но как быть с применением его в области интеллекта или сознания, а тем более при разрешении психолого-юридического вопроса об ответственности обвиняемого за совершенное им преступление? Эксперты обычно считают, что они выполнили свой долг, если получили психофизические данные испытуемого с помощью соответствующих приборов, убежденные, что акты совести, интеллекта или воли зависят только от физической жизни или что психофизический параллелизм распространяется не только на сенсорные и апперцептивные процессы, но и на все остальные, составляющие нашу высшую психическую жизнь. Эта ошибка не простительна. Ибо жизнь духа, по мере развития сознательных функций, представляется от степени к степени все более разнообразной, все более сложной: От протоэстематических элементов, или от неуловимых и мельчайших ощущений, до высших представлений о причинных отношениях между вещами и идеальных стремлений к альтруистическому благу, существует, правда, преемственность процессов, но при этом настолько дифференцируется качественное различие явлений, что для оценки их интимной сущности недостаточно законов, усвоенных для объяснения чисто физических актов низшей психической жизни. Теперь всем хорошо известно, что в актах или проявлениях психики нужно уловить не просто сумму количественно многочисленных

информационных элементов, а единство и тождество, которые, предполагая составные процессы, отделяются от ряда исходных состояний и остаются собственной деятельностью и законами. Чувственность, эмоциональность - кто в этом сомневается? воссоединяются по динамическим законам с потенцией интеллекта и воли: но одно дело - быть возбужденным страстным побуждением, совсем другое - обнаружить причинную связь между поступком и принятой на себя ответственностью; между выбором любого средства и предполагаемым эффектом; между представлением мотива совершения преступления и множественными состояниями сознания; между накоплением представлений и оценок субъективной природы агента и юридическим заключением о признании или исключении или отмене ответственности за действия, причиной которых он был.

18.- Преступление, субъективно воспринимаемое, - это процесс организации преступной энергии. Соответствующей наукой является криминальная психология. И, подобно тому, как любая наука распадается на элементарные единицы - биология на молекулу, физика на атом, химия на эфирную монаду, - криминальная психология распадается на мотивы, которые являются психофизическими минимумами сложного феномена души преступника.

Обладает ли эксперт достаточной культурой, чтобы с помощью мельчайшего анализа проследить преступный мотив до момента совершения преступления? Имеет ли он привычку, не говоря уже о способности, объединять в синтез собранные данные и использовать их для просвещения себя и судьи при разрешении, на основе вполне законных критериев, криминальной проблемы? Сколько раз я сталкивался с учеными врачами, которые, полагая, что исчерпывающе справились с обязанностями психиатрического эксперта, установив наличие каких-либо психопатических проявлений у испытуемого, подвергаемого экспериментам, без дальнейших размышлений заключали, что испытуемый полностью или частично психически неполноценен, безответственен или полубезответствен! Они, как в акробатических упражнениях, совершали прыжок в пустоту: и если бы слово судьи или защитника вернуло их к психопатологической оценке причинной обусловленности преступления, к течению импульсивного действия какого-то мотива; а затем, к нормальному или преходящему состоянию сознания, к степени и видам ассоциативной координации идей, чувств, воли подсудимого; к объему его зрительного поля сознания, к способности ждать, размышлять, предвидеть; на большую или меньшую силу использования сил торможения; на физиономию, которую обычно принимают аффекты; на живость образов, энергию идей; на вид связей в жизни отношений; и, наконец, на комплекс ума субъекта и энергию его воли; эксперты обычно либо оставались неопределенными и немногословными, либо в конце концов признавались, что это не входит в их технические предположения. Хуже обстояло дело, когда эксперта спрашивали, что он думает, принимая во внимание психопатическое состояние подсудимого, об ответственности, приписываемой ему за совершенное деяние. Либо ответ был уклончивым, либо судьи должны были понимать, что любой ответ дается без учета не только состояния субъекта, но и всех процессуальных коэффициентов; и все же в итоге они всегда придавали малейшее значение суждениям так называемого *техника*! Отсюда систематический антагонизм между экспертами и магистратами. Признаем раз и навсегда: экспертные заключения, как они обычно практикуются, имеют большую ценность исключительно для патологической экспертизы обвиняемого: все остальное принадлежит студенту-психологу и юристу: желать смешать одну должность с другой - значит выносить односторонние суждения, либо ошибочные, либо не подкрепленные просвещением науки. Представления эксперта должны служить отправной точкой в оценке психического состояния обвиняемого; то есть они должны использоваться для предпосылки, что инкриминируемое деяние может иметь только болезненное течение; в то время как высказывание о том, как и почему происходит само

течение, о генезисе и стадиях развития, о целесообразности применения репрессивных средств, учитывая социальную защиту и опасность повторения совершенного деяния, относится к сфере иной культуры, чем патология или психиатрия: Именно с помощью других средств, нежели те, которые выделяет эксперт, *апостериорный* критерий наказания, о котором мы говорили ранее, будет дополнен *априорным* критерием близкого знакомства с преступником, и именно таким образом судья вынесет свой праведный и просвещенный приговор.

ГЛАВА VII.

Сознательный процесс преступления.

Стадии развития.

1.- Различные классы установления элементов сознательного "я" преступника.-2. Развитие индивидуального характера; его значение в криминальной психологии детства.-3. Условия и способы организации обыденного сознания и сознания преступника.-4. Этапы последующей интеграции психики преступника.-5. Изучение эмоций преступника; различные теории.-6. Развертывание единой сущности психического события, от монистической формы до сложного проявления мысли.-7. Ошибки Джемса и Ланге относительно генезиса эмоций.-8. Природа криминальных эмоций.-9. Реакция, периодичность, антагонизм эмоций: реакция.-10. Периодичность.-11. Антагонизм.-12. Психологический распад; механическая теория.

1.- Стадия развития сознания преступника предполагает наличие материальных, наследственных и приобретенных, антропологических, физических и социальных криминальных факторов. Это преступника постепенно формируется как продукт усвоения мотивов, которыми его снабжает среда, в которой он действует. Элементы, из которых он усваивает и преобразует свою энергию, те же самые, что и те, которые в существовании каждого индивида соединяются, чтобы придать индивидуальному сознанию особую дифференцированную структуру. Эти элементы, согласно правильной теории Джеймса, можно разделить на множество классов, состоящих соответственно из: а) материального "я"; б) социального "я"; в) духовного "я"; г) чистого "я".

Делинквент начинает с того, что ощущает, прежде всего, воздействие своего собственного организма, независимо от того, функционирует ли он в состоянии, скажем так, физиологического равновесия или находится под влиянием патологических причин. Затем он усваивает пагубные зародыши порока или развратных наклонностей в собственной семье, на что в значительной степени влияет экономическое положение, связанное с лишением необходимых средств, чтобы поднять свое нравственное состояние достаточной культурой и правильным воспитанием. Вышеперечисленные причины являются многими другими составными элементами *материального "я"* преступника.

Далее идут социальные элементы, те факторы, которые вытекают из жизни, связанной с общением с себе подобными; затем примеры добродетелей или пороков, возбуждающие в нас склонность к подражанию; влияние общественного мнения с его набором предрассудков, обычаев и традиций, особенно традиционных; забота и беспокойство о

сохранении в целости хорошей личной репутации, как бы она ни понималась и каким бы путем ни достигалась.

И здесь мы подходим к духовному "я", то есть к совокупности личных склонностей и способностей, к комплексу энергий, которыми мы располагаем, чтобы выразить себя в реальности жизни. В принципе, в этом отношении "я" развивается через непрерывную борьбу конфликтующих тенденций, непрерывную череду импульсов и запретов; так что мы должны заключить, что то, что составляет сознание, которое мы имеем о себе, есть, по существу, ощущение *аккомодационных движений*, или, если хотите, двигательных импульсов, заторможенных рефлексов. [33]

Первый своеобразный эффект, возникающий при органически скомпонованном развитии преступного "я", - это антагонизм, все более обостряющийся между антропологическим фактором, выразителем которого является открытая тенденция эгоизма, и фактором социального порядка, возникающим из комплекса контрстимулов, естественных или навязанных.

Антропологический фактор действует *импульсивно*, социальный - *отталкивающе*; первый в динамическом ритме реляционной жизни эквивалентен *ускоренному движению*, второй - *замедленному*. Право и долг ограничивают друг друга; там, где кончается одно, начинается другое. Индивид в обществе немыслим без необходимости жертвовать чем-то ради благополучия других: если допустить, что индивид руководствуется несовместимыми импульсами эгоизма, гармония между частью и целым исчезает, и при столкновении движений, противоположных по направлению, равновесие поддерживается посторонней силой, которая предотвращает возникновение катастрофических последствий: отсюда репрессивный закон, функция мирового судьи.

2.- Из медленной или ускоренной антагонистической борьбы между чувствами и идеями преступника, запечатленными в основе эгоизма, проявляющегося в актах психического дисбаланса, и тормозами, налагаемыми природными и социальными санкциями в связи с человеческими поступками, складывается и развивается индивидуальный характер. Физиономия преступника становится более очерченной; появляются признаки вида, к которому он будет принадлежать в будущем: преступное сознание становится более твердым, более надежным; личное "я", хорошо организованное, может теперь сказать, что оно само по себе является индивидуальностью, которую не следует путать, для тех, кто умеет хорошо наблюдать за ней, с другими индивидуальностями в общении.

Криминальная психология детства должна быть особенно сосредоточена на этом периоде развития преступника; периоде, богатом очень полезными наблюдениями, потому что преступное эго, еще не нашедшее единственного способа направить (если можно так выразиться) свою энергию по пути преступления, протестично и позволяет себе без труда удивляться в своих связях с внешней жизнью. Например, можно сразу увидеть будущего кровожадного в несколько повзрослевшем ребенке, который, не подавая признаков впечатлительности, совершает акты жестокости по отношению к животным; который, бунтуя или импульсируя, бежит туда, куда его зовет компания худших; который выдает себя за хулигана, который воспламеняется гневом при малейшей обиде, при доброжелательном напоминании; который затаил ненависть, вынашивая месть, который с удовольствием жертвует благополучием других ради одного мгновения счастья. Ему свойственна подвижность действий, кошачьи порывы; буйный, порой, в привязанностях, он не может скрыть своих эгоистических глубин: страсть ослепляет его, она манит его, идея себя, унижение слабых, угнетенных, влечет его.

Вместе с Вундтом следует отметить, что "индивидуальное сознание подчиняется тем же внешним условиям, что и вся совокупность психических фактов, из которых оно является лишь другим выражением, служащим в особенности для того, чтобы выявить взаимные отношения частей, из которых оно состоит. В качестве субстрата для проявлений индивидуального сознания нам везде предлагается индивидуальный животный организм; у человека и животных, похожих на него, главным органом сознания является кора головного мозга, в клеточных и волокнистых тканях которого представлены все органы, имеющие отношение к психическим процессам. Общую связь корковых элементов мозга мы можем рассматривать как физиологическое выражение связи психических процессов, данных в сознании, а разделение функций в различных областях коры - как физиологический коррелят многочисленных разновидностей отдельных процессов сознания. Но, конечно, в этом самом центральном органе нашего тела разделение функций всегда только относительно; каждое сложное психическое образование всегда предполагает сотрудничество многочисленных элементов и многих центральных областей"[34].

Точно так же в сознании делинквента организованы и объединены все дегенеративные зародыши, которые накапливаются из нетипичных форм его собственных функций. Антропология расскажет вам, каковы различия между постоянным фоном преступника и нормального человека; физиология опишет ненормальное функционирование физического организма, из которого психические акты получают свой первый повреждающий материал; психология, пользуясь просвещением смежных дисциплин, расскажет вам, как и почему преступление является естественным продуктом психических состояний, причинный выразитель которых находится в дисбалансе состояний сознания.

4.- Преступные зародыши, бродившие, слагавшие, организовывавшие себя, путем параллельного психофизического процесса постепенно превращаются из однородных и неотчетливых в разнородные и определенные формы. Вначале эгоистические наклонности являются лишь общим показателем функционального состояния дисбаланса: внешние признаки, в разном возрасте и в разном окружении делинквента, едва дают представление о будущем существе; ядро, я бы сказал, каждого психического образования, окраска чувств, ближайшие или отдаленные намерения жизни отношений, все процессы аффективности и активности показывают фон бессвязности, бесчувственности и безнравственности: порок и преступление, на первых этапах развития души преступника, становятся спутанными и едиными. Но если силам среды не удастся изменить злые токи бродильных микробов, наступит день, когда они разойдутся в разные стороны, а эго преступника, организовавшись, объединится и укрепит за счет поглощения и слияния с собственной энергией всех сходных энергий, соответствующих склонности к данному виду преступления. Тогда весь психический организм претерпевает новую трансформацию и, следуя очередной фазе дезинтегративно-интегративного процесса, по закону органического отбора отказывается от элементов, несходных с преобладающим видом преступления, и укрепляется, чтобы следовать по роковому пути, на который он отправился. Моральные идеи, чувства, весь набор предрассудков, совокупность социальных импульсов, даже религиозные убеждения претерпят заметные изменения: возникнет новый мир, со своими собственными законами и движением.

Кровожадный, склонный к насилию человек будет черпать мужество для обиды, для мести, из странных, но устоявшихся представлений о ложных предложениях для защиты чести и личного достоинства; из болезненных чувств надменности и превосходства; из распутных страстей к азартным играм, алкоголизму, сексуальным утехам; из часто повторяющихся маний преследования; из религиозных верований, склоняющихся скорее к фетишизму, чем

к концепции санкционирования этического порядка. Он, поглощенный преобладающим эгоистическим "я", будет презирать посягательства на собственность, совершение краж; он будет избегать злоупотребления добрыми намерениями других, совершения мошенничества или лжи; более того, его преувеличенное самосознание наложит на него обязанность даже помогать тем, кто стал жертвой жадности и обмана других. Сколько раз, спросив убийцу, был ли он ранее осужден за другие преступления, вы услышите в ответ: за увечья, за бесчинства, но никогда за кражу! У каждого вида преступников своя мораль: для кровожадного - это неизбежное обязательство не быть виновным в краже: уважение к ближнему ограничивается имуществом, а не личностью!

Совсем иначе обстоит дело с мошенниками и ворами. Общей основой всегда является состояние дегенеративного дисбаланса. Среди первых, по наблюдениям Марро, преобладают патологические аномалии, в атипичных они равны нормальным и лишь немного превосходят их в атактистических: алкоголизм принимает более серьезные формы, чем у раненых, в силу более благоприятной природной среды, которую он у них находит; психические отклонения нередки; их характерной чертой является недоверие, которое ни в одном другом классе преступников не встречается столь выраженным и общим; частая склонность к азартным играм, жадность и жадность к наживе[35]. -Воры в общем смысле - это также алкоголики, полные религиозных предрассудков, с недостатком ума, но проникательные и осторожные; большей частью робкие; подверженные типичным формам импульсивных маний; с незначительными этическими чувствами, которые, правда, для них выставлены на показ, служат причинами для оправданий, средством уйти от ответственности: Приверженцы праздности, работа для них - предлог для отвращения к честному поведению; манящая привлекательность успешного предприятия щекочет их, оживляет, покоряет.

5.- К этой сознательной стадии преступления относится изучение преступных эмоций.

Восприятия и представления, помимо постоянного идеального содержания, сопровождаются сентиментальным тоном удовольствия и боли. Мы видели, что удовольствие и боль - это всего лишь интегративные или дезинтегративные состояния сознания, сопровождающиеся увеличением или уменьшением личной энергии. Эмоции - это внутренние состояния, которые изменяют общее коэстетическое чувство и имеют тенденцию препятствовать естественному течению идеальных и аффективных жизненных токов. Существуют различные теории их происхождения. Первая, выведенная из обычного опыта, признает, что эмоциональные состояния имеют центральное и всецело внутреннее происхождение: представление, восприятие, идея вызывают приятные или болезненные ощущения, которые распространяются и воздействуют на организм, производя соматические проявления. Гнев, ненависть, любовь являются продуктом энергии сходных побуждений: их физический эквивалент представлен сопутствующими вазомоторными явлениями.

Вторая теория, отстаиваемая Ланге и Джеймсом, следует обратному процессу. Она утверждает, что физические изменения следуют непосредственно за восприятием возбуждающего факта, и что наше ощущение этих изменений по мере их возникновения и составляет эмоцию. Джеймс объясняет: "Здравый смысл говорит: мы теряем состояние, мы грустим, мы плачем; мы встречаем медведя, мы пугаемся и убегаем; нас оскорбляет соперник, мы злимся и реагируем". Гипотеза, которую мы будем здесь отстаивать, утверждает, что такой порядок последовательности неверен, что одно психическое

состояние не сразу вызывается другим, а между ними сначала должны произойти органические изменения, и что наиболее рациональным является утверждение, что мы грустим, потому что плачем, пугаемся, потому что дрожим, сердимся, потому что реагируем, а не то, что мы плачем, дрожим, реагируем, потому что грустим, пугаемся, сердимся, в зависимости от обстоятельств. Если бы органические изменения не следовали сразу за восприятием, то последнее было бы просто когнитивным, бледным, холодным, лишенным эмоциональной окраски. Мы могли бы увидеть медведя и решить, что лучше убежать; получить оскорбление и решить отреагировать, но мы не знали бы, как на самом деле чувствовать страх или гнев"[36] .

Для дальнейшего разъяснения своих идей Джеймс вспоминает следующие факты: что объекты возбуждают органические модификации с помощью заранее организованного механизма, или что модификации настолько бесконечно многочисленны и тонки, что весь организм можно назвать *резонатором*, что каждая модификация сознания, какой бы незначительной она ни была, может привести в колебание; что каждое органическое проявление, каким бы оно ни было, *ощущается*, остро или неясно, как только оно возникает. "Если мы представим себе какую-нибудь сильную эмоцию, а затем попытаемся абстрагироваться от сознания, которое у нас есть, от всех ощущений ее физических симптомов, мы обнаружим, что у нас не осталось никакого остатка, никакой *психической субстанции*, из которой мы могли бы определить эмоцию, а только холодное и безразличное состояние интеллектуального восприятия. Правда, хотя многие опрошенные говорят, что их интроспекция подтверждает это утверждение, другие упорно отрицают его. Многие до сих пор не могут разобраться в этом вопросе..... Бесплотная человеческая эмоция - это не-существо. Я не говорю, что это противоречие в природе вещей, или что чистые духи обречены на холодную интеллектуальную жизнь; но я говорю, что для нас эмоции, отделенные от всех органических ощущений, немыслимы. Чем глубже я исследую свои душевные состояния, тем больше убеждаюсь, что все состояния, привязанности и страсти, которые я испытываю, действительно обусловлены теми органическими изменениями, о которых мы обычно говорим, что они являются их выражением или следствием; и тем больше мне кажется, что, если бы я стал анестезией всего тела, я был бы исключен из жизни привязанностей, будь то горьких или нежных, чтобы вести чисто познавательную и интеллектуальную жизнь. Такое существование, даже если оно представлялось идеальной жизнью некоторым древним мудрецам, слишком апатично, чтобы желать его тем, кто родился через несколько поколений после того, как чувствительность вернулась к благодати"[37] .

6.- Чтобы правильно оценить вышеизложенную теорию, которую также поддерживают Рибо, Сержи и французский алиенист Ж. Дюма, необходимо вернуться немного назад и развить унитарную сущность *психического события* от самой низкой монистической формы до самого сложного проявления мысли.

Эволюционная психологическая лестница, от *психоплазмы* (или психической субстанции в монистическом смысле) до волевых актов, проходит через ступени, которые являются столь же дифференцированными органическими интегративными степенями. Начиная с самых низших ступеней, мы приходим к пониманию того, что в отношении психической жизни человека фундаментальным феноменом является представление (Герbart). Важная группа эмоциональных психических действий особенно интересна тем, что сразу же демонстрирует прямую связь мозговых представлений с другими физиологическими представлениями (сердечный толчок, деятельность органов чувств, мышечное сокращение); таким образом, становится ясно, как много неестественного и несостоятельного в той философии, которая

хочет принципиально отделить психологию от физиологии (Геккель). Основная проблема, которую ждали те, кто хотел разгадать тайну психофизической жизни, была поставлена, прежде всего, в поиске механического, химического или физического, физиологического эквивалента состояний сознания; затем она была распространена на примитивные формы психической деятельности. Первый аспект проблемы, однако, является остатком, не осознаваемым или неосознаваемым, старого дуализма, который отличал жизненную силу от других природных сил; что еще хуже, душу животных от души человека. -Но "мысль, сознание, есть не что иное, как субъективная сторона жизненных явлений, и все же она не может отличаться от них, тем более не может стоять перед ними в некотором антагонизме, как, в конце концов, механическая работа перед теплом, так что одно перестает быть, когда начинает быть другое. Феномен *сознания* сопровождается внутренними трофическими и метагенетическими изменениями мозга, он не предваряет и не следует за ними; поэтому трудно понять, как в самом мозгу должны происходить *другие* ассимилятивные или диссимилятивные изменения, субъективным проявлением которых была бы мысль. Поэтому следует предположить (что абсурдно и антибиологично), что нервные центры являются местом двух различных видов метаболизма!" [38] .

Унитарный принцип психического события (Мили, Льюс, Спенсер, Лотце, Хорвич, Липпе, Геккель, Морселли и др.) может быть сведен к предположению, что психическое событие является субъективным проявлением мыслительного процесса.) можно свести к мнению Ардиго, что то, что метафизики называют активными и пассивными, внутренними и внешними, животными и рациональными, репрезентативными, аффективными и волевыми способностями и так далее, в конечном итоге является не более чем различными комбинациями одних и тех же элементов, как множество слов, с различными звуками и значениями, образованных из одних и тех же букв одного и того же алфавита . [39]

Сказав это, легко будет понять, в чем состоит заблуждение Джемса, Ланге и их последователей. Они хотели разрушить психофизическое единство внутреннего феномена эмоции; они хотели верить, что то, что по методической гносеологической целесообразности может быть воспринято в два различных момента (физический момент и психический момент), на самом деле является продуктом двух отдельных фактов с необходимой последовательностью. Истина же заключается в том, что эти два момента, внешне аналогичные различным фактам, являются лишь двумя сторонами одного явления, динамический субстрат которого имеет свой эквивалент в преобразованной энергии внешнего или внутреннего побуждения. Ланге и Джеймс, отделив содержание восприятия от сентиментального тона эмоций, считают, что нашли возможность состояния холодности и интеллектуального безразличия; аргумент, то есть, что эмоции не мыслимы иначе, как эффект органических модификаций. Они не понимают, что их гипотеза основывается на ошибке, заключающейся в том, что холодное и безразличное интеллектуальное восприятие действительно может иметь место, и что нам позволено абстрагировать все физические симптомы от эмоции, существенно не изменяя ее интимной сущности. Любое восприятие никогда не отделено от степени динамического эквивалента: если из эмоции вычесть физические сопутствующие факторы, подавив даже память о ней, она превращается в идею; из аффективного поля она переходит в интеллектуальное. В таком случае, какой смысл говорить о предшествовании или последовательности, если в непрерывности состояний сознания единое единство феномена сохраняет физиономию дифференцированного процесса в той мере, в какой он мыслится как сумма или соединение составных элементов? Интеллектуальные явления и аффективные явления - это две ветви одного ствола, корни

которого уходят глубоко в почву рефлекторных, автоматических и инстинктивных функций: Сравнительная психология толкает нас еще дальше и побуждает заключить вместе с Геккелем, что непрерывная цепь всех возможных степеней прохождения воссоединяет примитивные первоначальные состояния чувств в психоплазме одноклеточных протистов с этими высшими эволюционными формами страсти у человека, которые имеют свое место в ганглиозных клетках коры головного мозга.

8.- Переходя к теме преступных эмоций, мы можем лишь повторить то, что уже писали в других местах[40] .

Поскольку, как замечает Сержи, существуют различные пути деятельности, различные условия окружающей среды, животные и человеческие потребности различного характера, должны образоваться различные группы восприятий и психических состояний, которые относятся к органически связанным с ними болям и удовольствиям; эти группы подобны множеству психоорганических центров различных эмоций и в соответствии с особыми условиями и составом психических и органических элементов в целом и внешних причин, определяющих те же состояния сознания .[41]

Такие психоорганические группы, *производные или инстинктивные эмоциональные центры*, рассматриваемые в связи с преступностью, являются реальной основой преступных тенденций; отсюда истинный критерий для научной дифференциации делинквентных типов. Эмоция - это ближайший или отдаленный источник человеческой активности; все наши действия связаны с ней. При гипотезе дифференцированных эмоциональных центров, через длительное интегративное действие коэффициентов среды или условных причин, индивидуальная активность будет направлена к целям, аналогичным характеру импульсов, которые являются ее проявлением, а значит, и отличительными чертами преступных типов.

Эти *эмоциональные центры* подчиняются не только статическим и динамическим законам, но и режимам, которые можно объединить в следующие термины: *реакция, периодичность, антагонизм*.

В психическом мире, как и во внешнем мире материи, господствует закон *инерции*, согласно которому невозможно произвести явление движения без того, чтобы импульс, определяющий его, не был предварительно запечатлен; и, как бы он ни был определен, он не прекратился бы, если бы движение не было задержано препятствиями или противоположным импульсом. Сознание, продукт накопленных процессов, оставалось бы в неизменном состоянии, если бы не существовало постоянных мотивов, которые производят изменения и меняют его содержание. Отсюда *действие* этих мотивов, которым соответствует равная *реакция*.

Периодичность эмоций является частью великого закона *ритма движения*. Доказательство периодичности преступных эмоций мы находим во влиянии возраста, социального положения, метеоров и этнических элементов на производство определенных преступлений, которые увеличиваются или уменьшаются с постоянным статистическим процессом. Если мы от общих соображений перейдем к анализу отдельных эмоций, то увидим, что закон имеет безупречную обратную связь и что он служит порой для того, чтобы возвысить нас до ценных логических критериев, которые мы используем при доказательстве последовательности инкриминируемых деяний и степени каждого из них.

Рассмотрим, например, гнев, который, пробуждаемый мыслью о нанесенной обиде, является характерной эмоцией, сопровождающей преступления в состоянии ярости. Человек, страдающий им, сначала словно охвачен бурей, которая лишает его рассудительности и толкает на некомпетентные насильственные действия. Постепенно, после того как произошла разрядка накопившейся энергии посредством возбужденной реакции, наступает состояние кажущегося спокойствия; человек остается угнетенным кошмаром идеи, вторгшейся в его сознание: В колебании между прошлым и настоящим мысль и чувство то достигают степени взрыва, то опускаются до состояния унижения, оскорбления: достаточно любого обстоятельства, добавляющего или отнимающего мотив обиды, чтобы либо поспешно перейти к реактивным действиям, либо вернуть спокойствие и восстановить равновесие.

11. под *антагонизмом преступных эмоций* я понимаю одновременную или последовательную конкуренцию токов активности, которые пробуждаются в сознании преступника, следуя внутреннему побуждению, для достижения цели преступления. Эти токи представляют собой текущие энергии, которые берут начало из одного и того же дегенеративного фона и которые в определенный момент в поле сознания возникают и имеют тенденцию к преобладанию, каждый в своем направлении; иногда сливаясь вместе, иногда стремясь ускользнуть или перекрыть друг друга во взаимном движении, посредством противоположных импульсов. При гипотезе слияния эмоциональная энергия усиливается коэффициентами токов; при гипотезе контраста возникают следующие внутренние состояния: общее беспокойство субъекта, который сначала колеблется, к какой цели обратиться, затем к каким средствам выбора обратиться; ослабление первоначального эмоционального возбуждения; неустойчивое равновесие ассоциативных или апперцептивных состояний; истощение возбуждения или преобладание одного тока над другими и единый импульс к действию.

12. Говоря о психофизическом распаде делинквента, мы остановились, в частности, на его болезненной или патологической форме. Мы должны завершить наше обсуждение, ограничившись, с большим вниманием, сферой аффектов и идей не в патологическом, а в физиологическом состоянии, то есть в ходе обычного дезинтегративного процесса психики делинквента, без пагубного влияния какой-либо болезни.

Рибо пишет: "Закон распада в психологии заключается в непрерывном регрессе, который идет сверху вниз, от сложного к простому, от неустойчивого к устойчивому, от менее организованного к более организованному: другими словами, проявления, которые в эволюции являются последними по времени, исчезают первыми; те, которые появились первыми, исчезают последними. Эволюция и распад следуют в обратном порядке"[\[42\]](#) .

На психологическом конгрессе в Риме Джанет выступил с докладом о *колебаниях* психического уровня, показав, что прогресс и регресс психического уровня не являются постоянными; что большие колебания этого уровня давно наблюдаются у истериков, но было бы ошибкой полагать, что нормальные люди свободны от этого. Это понижение психического уровня представлено большой психической депрессией, чувством самоотречения, амнезией и ретроградной амнезией. При снижении психического уровня первым разрушается то, что было усвоено последним; и именно по этой причине самое новое, самое недавнее, то есть настоящий момент, - это именно то, что первым теряет свой интерес, когда дух ослабевает; и первым симптомом психического ослабления является именно фантастическая погоня за далекими или бесполезными предметами или идеями, потеря из виду необходимости и активности настоящего. [\[43\]](#)

Вернувшись немного назад, приведем наиболее вероятную теорию, которую можно принять. Ощущения, представления, идеи, чувства, поддерживая двойной ритм сосуществования и преемственности, сливаются, организуются, объединяются в отдельные психические соединения, которые находятся в отношениях родства или тождества друг с другом. Психическое функционирование в целом эквивалентно аналогичному церебральному функционированию, которое не допускает ограниченных индивидуальных энергий, с химико-физической активностью, в качественно дифференцированных центрах, ни локализации факультетов в материальном и абсолютном смысле. Функциональную церебральную локализацию следует понимать в смысле большей способности одних центров по сравнению с другими пробуждать действенность той или иной энергии, или, лучше, заставлять активность эго, физическую или психическую, принимать то или иное направление, проявлять себя особым образом. Единственное, что действительно интересно, - это знать, что функция мозга является результатом деятельности многих составляющих энергий и что "менталитет - это особенность мозговых волн, более или менее протяженных в черепной коробке, более или менее состоящих из различных конкурентов, более или менее нормально объясняющих себя, более или менее изменяющих себя, благодаря разнообразным условиям работы мозга"[44] .

В психическом плане конечный результат работы мозга соответствует двум наиболее сложным актам - психическому и аффективному, интеллекту и воле. Интеллект, объединяющий психический продукт представлений, в свою очередь является соединением, разлагаемым на элементы идей и апперцепций; воля, суммирующая накопление текущей энергии мотивов и чувств, отмечает нисходящую линию кривой, описываемой интеграцией психики, поскольку она соответствует динамическому моменту, в котором эго стремится спроецировать себя вовне и завершить себя во внешнем действии. В этом непрерывном восхождении или нисхождении, в этой взаимной организации целого и частей, в этом статическом (или только *существовании*) и динамическом (или только *функционировании*) отношении между функциональными мозговыми центрами или между психическими соединениями заключается вся жизнь эго, происхождение состояний сознания, эволюции и распада личности; эволюции при восхождении, распада при нисхождении.

Сознание становится более сложным, более стабильным по мере того, как оно лучше организует себя; его плоскости, или слои, уплотняются по мере того, как представления становятся более компактными.

Последнее образовавшееся психическое соединение первым растворяется в распаде личности; бескорыстные эмоции, то есть те, которые достигают высшей точки аффективной жизни, первыми, по мнению Рибо, исчезают в нравственном нисхождении. Важно, однако, помнить, что рассматриваемое растворение модифицируется двойным порядком жизни отношений, порядком времени или последовательности состояний сознания, и порядком сосуществования или одновременного совпадения сходящихся энергий.

Те, кто хочет составить приблизительное представление о том, что такое сознание в нормальном состоянии и в измененном, представляют себе жидкую плоскость под ясным небом, окруженную зелеными деревьями, в которых отражается множество предметов, разбросанных по берегу.

Небо, деревья отражаются цветом, естественными формами. Даже если не поворачивать глаза по сторонам, достаточно взглянуть на поверхность воды, чтобы увидеть и осознать реальность существования над и вокруг, вблизи и издалека.

Волны, едва колышущиеся, заставляют изображения колебаться, делая их временами едва различимыми, временами - запутанными, колышущимися, измененных форм: но, если быть немного внимательным, если лучше фиксировать взгляд, легко заметить ошибку чувства и точно воспринять отраженные объекты. При звуке удара вы сразу же замечаете большое нарушение. Свет больше не расширяет свое отражение; изображения предметов исчезают, потоки становятся мутными и запутанными. Если вы немного подождете, позволив спокойствию немного вернуться, то сразу заметите, что вокруг точки удара, где произошел удар, начинают описываться концентрические круги с отталкивающими движениями и убывающим ритмом.

Жидкая плоскость - это сознание в его нормальном состоянии: оно отражает внешний мир с естественностью формы и цвета; интроспективное наблюдение, глаз разума, отражаясь в поле зрения, воспринимает его реальность; самая совершенная гармония существует между внешним миром и внутренним, между образами, или представлениями, и состояниями, которые колеблются и неустойчивы, но содержатся в ритме равновесия. Потрясение идеей, пришедшей извне или внезапно поднявшейся из глубин души; яростный натиск чувства, приводящий все в смятение, сменяется беспорядком в сознании и исчезновением безмятежности и спокойствия. Проходит некоторое время, порядок несколько восстанавливается, но из точки, где произошло потрясение, следуют непрерывные импульсы, которые при центробежном движении высвобождают в черед разрядов энергию, накопленную в преувеличенной степени.

Предположим, что вместо удара камнем (удара идеей), без добавления каких-либо других причин беспокойства, вода приводится в движение бурными течениями, которые глубоко изменяют ее поверхность и расстраивают дно: где же легкость видения отраженных внешних объектов, где прилив и отлив волн, спокойная черед легких движений? Точно так же, когда сознание глубоко взволновано, наложенные психические состояния разрушаются, накопленные и однородные энергии путаются, яростно выходят на поверхность и расширяются; соединенные с ними тенденции эгоистической импульсивности берут верх в ущерб новым наложенным энергиям; дно грохочет и разрушает, поднимаясь, последний план, наименее дифференцированный, но наиболее совершенный в органическом отборе сознания.

ГЛАВА VIII.

Психологическая концепция делинквента.

1. Что такое делинквент.-2. Психический продукт преступления в стадии формирования, эмбриональной или онтогенетической.-3. Тип Калибана в "Буре" Шекспира.-4. Терситы Гомера.-5. Нравственные характеры преступников в стадии формирования.-6. Аномальная эволюционная интеграция делинквента.-7. Анализ шекспировского "Ричарда III".

Рассмотрев динамические элементы психики делинквента, а также две стадии его сознания - стадию формирования и стадию развития, мы считаем необходимым задать вопрос: что же такое делинквент? Частично мы уже ответили на этот вопрос, проанализировав психофизические коэффициенты преступности, но нам необходимо более четко выразить нашу концепцию, обобщив выдвинутые идеи.

Вопрос не нов, он восходит к фундаментальной проблеме генезиса преступности и вменяемости. Ответы были разными; каждый из них отражал систему идей, из которой он исходил, и практическое намерение, на которое он был направлен. Модсли на вопрос, что такое преступники, ответил: это существа, промежуточные между безумными и здоровыми; Альбрехт: преступники - это норма человечества; Ломброзо: преступники - это дикари цивилизованного народа; Сержи: преступники - это дегенераты; Минцловф преступники - больные; Далли: преступники - безумцы; Бенедикт: преступники - физические и моральные неврастеники; Фере: преступники - неприспособленные к социальной среде; Колаянни: преступники - моральные атависты; Риккарди: преступники - вредные инфери. [45]

2.- Все эти ответы достаточно общие и неопределенные, чтобы не удовлетворить наш запрос. Проблема остается нерешенной, проблема психического генезиса и вменяемости преступления.

Чтобы внести ясность и освободиться от недоразумений, мы выберем метод, отличный от того, который мы применяли до сих пор. Что мы сделали в предыдущих исследованиях? Не что иное, как попытка аналитическим путем реконструировать естественное формирование души преступника, начиная с установления динамических законов преступных мотивов, продолжая наблюдением эволюционного и интегративного процесса состояний сознания и заканчивая указанием на состояние их распада, как в результате наследственных и скрытых причин, так и в результате приобретенных и текущих причин.

Давайте сделаем паузу и поразмышляем. Формирующие элементы психики для научного удобства расположены в виде серии одновременных или последовательных актов или состояний; но они образуют органически единое целое. Психическая сила, в конечном результате каждого состояния, каждой установки и производства, является лишь единой энергией, как бы сложно она ни была идентифицирована в общем функционировании сознательных действий.

Единство, тотальность, функциональность не были бы нами восприняты, если бы они не выражались в актах, имеющих значение стольких следствий, которые запечатлевают качественные и количественные характеристики причины, от которой они исходят. Преступление, осмысленное в психическом синтезе столь же дифференцированных состояний сознания, есть не что иное, как деятельность, генезис которой заложен в природе субъекта и в действии стимулов, или мотивов, и совершенство которой обосновывается в акте нарушения чужого права.

Мы видели, что эта преступная деятельность проходит первоначальный эмбриональный период или период становления, кульминацией которого является инволютивное состояние элементов, которые затем, на стадии развития, должны, благодаря действию органического отбора, достигнуть степени однородности и различия. Теперь, после того как с помощью анализа мы узнали о динамических коэффициентах каждой из двух вышеупомянутых стадий, мы можем, используя синтетические представления, дополнить наши знания, которые затем должны облегчить путь для более сложных практических и научных индукций и умозаключений.

На эмбриональной или онтогенетической стадии формирования психический продукт преступления принимает инстинктивную, имманентную, почти автоматическую форму. Анимальность имеет безусловное господство. Контраст антагонистических токов следует синхронному ритму: энергии поддерживают себя в состоянии латентности; но именно

потому, что они непоследовательны, они ускользают от власти контроля и ареста. Иногда, если сильный стимул возбуждает их разрядку, они появляются вновь мгновенными и неожиданными всплесками; затем, с трудом сливаясь и ассимилируясь с преобразованными внешними энергиями, они возвращаются в состояние инерции, сопровождаемое устойчивым равновесием.

3.- Наиболее совершенной художественной концепцией, насколько мне известно, этой стадии психического формирования преступления является, как мне кажется, Калибан из "Бури" Шекспира. Я уже писал об этом, показывая, в частности, сторону бессознательного действия[46]; здесь я завершу рассмотрение, которое будет очень полезно для конкретизации изложенных научных критериев.

Калибан, уродливый и дикий, был сыном ведьмы Сикоры, которая за тысячу злодейств и колдовства была изгнана из Алжира и заточена на острове, где она облегчала свои страдания. Просперо, лишенный своим братом Антонио миланского герцогства, был брошен вместе с дочерью Мирандой в открытое море на произвол ветров и случайно высадился на острове Калибана. Его тут же лишили владения островом, и, поскольку он был глупцом, полудурком, добрый Просперо сжалился над ним и взял на себя труд научить его говорить и знать то одно, то другое. Но, несмотря на эти наставления, ни одно доброе существо не могло поддержать его мерзкую связь: пока, хотя с ним обращались гуманно и поместили в одну камеру с его благодетелем, в один прекрасный день он не осмелился покуситься на честь его дочери! В человеке-звере проснулся здравый смысл. Просперо понял его грязную натуру и подверг его самым низким и унижительным наказаниям. Ни тени раскаяния не тревожило душу раба, который к уродству своего тела, вызванному наследственным вырождением, присоединил преступные инстинкты и чувства, извращенный нрав, глубокую непреодолимую ненависть к Просперо, укравшему у него остров, принадлежавший ему по праву матери Сикоры.

Красота и невинность Миранды должны были с возрождающей силой действовать на душу Калибана; но Калибан не чувствовал ничего возвышенного, а на упреки Просперо за совершенное злодеяние, вместо того чтобы извиниться, отвечал: о, о... как же я преуспел! Ты помешал мне, иначе я бы заселил этот остров Калибаном!".

Непрерывные вспышки непонятного гнева, ругательства, так спонтанно расцветающие на устах чудовища, хотя ему и грозили жестокие кары, заставляют догадываться, что его психика все же была инволюционирована, находилась под имманентным действием необузданных раздражителей, не озарена светом истины, не утешена стремлением к добру. Вторая сцена второго акта - все это неполное раскрытие примитивной и звериной природы человека. Калибан с грузом дров направляется к дому Просперо: раздаются раскаты грома, и раб только и умеет, что произносить проклятия ненависти и мести. Все инфекции, - восклицает он, - которые солнце черпает из застойных вод, из болот и топей, падают на Просперо и превращают его в чуму. Его духи слышат меня, и все же это моя сила - проклинать его!" Воображение, не подкрепленное разумом, легко приходит в смятение и становится жертвой глупых иллюзий. Калибан верит в великое волшебное искусство Просперо: он видит вокруг себя обезьян, корчащих ему рожи; иногда под его голыми ногами стоят ежи, утыканные колючками; часто его обвивают змеи, чьи вильчатые языки шипят ему в уши так, что сводят его с ума. Он видит приближающегося шута Тринкуло и, приняв его за духа, бросается на землю, надеясь, что его не заметят. К нему подходит Стефан, и Калибан принимает его и Тринкуло за сошедшего с небес. Его называют глупым чудовищем, слабым и доверчивым, над ним насмеваются, но он ни на что не обижается и отвечает тем, кто его оскорбляет, сдержанными поступками, мягкими словами, предложениями повиноваться и

служить. Во всем этом прозрачен инстинкт мести преступника и намек на некий преступный замысел, который начал формироваться в его сознании. Монстр - и это свойство вырождающихся душ - опускает свое достоинство до того, что хочет лизать лапы Стивена; он заманивает его, льстит ему, привлекает его к себе, терпя самые жестокие оскорбления, самые нечеловеческие насмешки. Он забывает обо всем вокруг, он думает только о мести, о том, чтобы добиться смерти Просперо путем отвратительного убийства. В этой чудовищной душе, бесформенной смеси вырождения, унаследованного от ведьмы Сикоры, женщины заклинаний и злых чар, а также чувств слепой ненависти и неистовой злобы, преступление окрашено в мрачные тона, с деталями неслыханной жестокости. Имитация и коварство, прозрачные в пронизательном и мягком языке, раскрываются; преступник, обуреваемый подготовкой, не может представить себе трудности проекта, он не видит препятствий: месть материализуется, и разум, омытый багровым светом крови, наслаждается, видя перед собой сцену убийства; он перечисляет детали и побуждает Стефана к их исполнению. Он обещает сопровождать его в хижину Просперо; он найдет его спящим и сможет вбить ему в голову гвоздь!

И, как будто этого недостаточно, он добавляет: "Он имеет обыкновение спать после полудня; тогда вы можете вырвать ему мозги, предварительно захватив его книги; или проломить ему череп шестом, или выпотрошить его шестом, или перерезать ему главную артерию вашим ножом. Не забудьте сначала завладеть его книгами, ибо без них он такой же дурак, как и я, и не имеет духа в своем распоряжении... Но самое главное - это красота его дочери; он сам говорит, что она несравненна; я не видел других женщин, кроме моей матери Сикоры и ее; но она настолько превосходит Сикору, насколько величайшее превосходит наименьшее". Ненависть - такое чувство, что, укоренившись в сердце, она извращает и извращает любой порыв, будь то чувственный, инстинктивный, страстный. Нравственное извращение даже побуждает Калибана уговорить Стефано совершить преступление, щекоча его надеждой покорить Миранду, прекрасную девушку, ради любви к которой он лишился благосклонности Просперо - Неужели она действительно так прекрасна? Убийцы готовы к преступлению, но Просперо начеку. Он удивляется злой натуре Калибана: "Дьявол, настоящий дьявол, для которого воспитание ничего не может сделать; для которого напрасны, совершенно напрасны все муки, которые я так жалел; и, как с возрастом растет его телесное уродство, так же портится его душа". Стефан и Тринкуло приближаются к пещере Просперо: Калибан, в опьянении восторга и радости от преступления, восклицает: "Прошу вас, мой король, остановитесь. Видите ли вы там? Это устье пещеры: войдите в нее без шума. Исполните это *прекрасное* проклятие, и этот остров навсегда станет вашим, а я, ваш Калибан, буду вечно лизать ваши ноги". Но тут на них нападают несколько духов в виде собак, которые, подстрекаемые Просперо и Ариэлью, набрасываются на трех злодеев и обращают их в бегство.

Калибан, *столь обезображенный*, как утверждает Просперо, *как в моральном, так и в физическом плане*, невосприимчив к улучшению, замирает среди тенденций низкого животного мира. Ни идея истины, ни чувство долга не овладевают этим чудовищным сознанием: только воображение, чисто чувствительная способность, иногда открывает его взору образы и вещи, которые, восхищая его, поднимают его на несколько более высокую ступень: в этот момент зверь умолкает и появляется человек, перед взором которого открываются новые горизонты идеальности и красоты. "Не бойся, - говорит Калибан Стивену, - остров полон звуков, шумов, сладкого воздуха, который радует и не приносит вреда. Иногда я слышу, как в моем ухе звучит тысяча звучных инструментов; иногда я слышу голоса, которые, если бы я даже проснулся после долгого сна, заставили бы меня снова заснуть; тогда во сне мне кажется, что облака раскрываются, чтобы показать мне самые прекрасные

вещи, которые вот-вот упадут на меня; и тогда, проснувшись, я желаю, чтобы мне все еще снился сон!"

4.- Еще один тип преступника, чудесно зарисованный, - гомеровский Терсит.

Не было в Трое уродливее его.

Сеффо: он был одноглазый и хромой, и от контрактуры
С горбом на груди; голова его была остроконечна, и рассыпаны
Из редких волос..... [\[47\]](#)

Инстинкт злобы остановился в нем ниже порога преступного сознания: не преступление, а низменные чувства ненависти и зависти выставляли его на показ и вызывали всеобщее отвращение или насмешку. Если народное собрание собралось, чтобы выслушать планы Агамемнона, и если Улисс вместе с Нестором вмешался, чтобы увещевать греков продолжать войну, то вздорный Терсит не остался кривляться и суетиться.

Если бы он

Скупых, неудобоваримых изречений
Полно мерзких, неудобоваримых изречений.
Без сдержанности и скромности он извергал их
Против всех царей; а что касается возбуждения смеха
Между ахинеями на губах его,
Так говорил гордый насмешник. [\[48\]](#)

Ругань печальная, без причины, была следствием извращенной импульсивности: он обратился к Атридесу со зверскими оскорблениями. Но сын Лаэрта внезапно настиг его и, мрачно глядя на него, воскликнул:

Кончай свою

Прекрати свое бессердечие, циарлатор Терсит;
И ты, как худший из тех, кто в Трое
С Атридами пройдешь, ты смел и одинок.
Не поражаешь царей и не отсылаешь их назад.
На том языке с грубыми речами,
И возвращенью твоему не препятствуй, ибо конец
Для нас неясен,
И не знаем мы, счастливым или несчастным
Возвращение должно быть успешным. [\[49\]](#)

Сказав так, он ударяет скипетром по спине и плечам; негодай извивается и плачет, кружится голова:

От печали мацерированной иль от страха
Он сел и косо огляделся,
Тыльной стороной руки утер он слезы. [\[50\]](#)

Ахивцы радовались этой сцене; среди печали поднялся смех, и нашлись те, кто (среди общего мнения) сказал:

Много дел Улисса мы видели
Прекрасные и войны, и советы;
Но на этот раз среди ахейцев, боже!
Он совершил прекраснейшее из добрых дел,
Умерив лай этого пса.
Дилатор. Что так, что высокомерным
Передал намек кусать царей? .[51]

Абсолютная власть анимальности, еще не дифференцированной на более человеческие наклонности, коварно действующая на организмы, находящиеся в процессе формирования, и которой будущее, возможно, развивая зародыши зла, противопоставит средства добра, лишает человека возможности регулировать свои действия альтруистическими намерениями и держит его на привязи жесткой инстинктивной необходимости. Для этого, как и для любого преступника с типичной формой органического вырождения, уместно, чтобы Фукидид вложил в уста Диодота, который, борясь с мнением тех, кто советовал умертвить митиленцев, замечает: "Человек по самой своей природе влечется к ошибкам; нет закона, чтобы сдерживать его; и напрасно самые жестокие наказания были найдены и израсходованы, чтобы сдерживать нечестивцев. И надо полагать, что в древности наказания были гораздо мягче, но, поскольку они не помогали обуздать проступки, они стали настолько суровыми, что стали карать смертью. Но, если говорить коротко, глупо верить, что законы или страх перед каким-то большим злом удерживают человека от блужданий, когда непреодолимая природа тянет его вперед"[52] .

6.- Преступление на стадии развития трансформируется в специфическую силу сложного индивидуального организма. Элементы, рассмотренные выше, все вместе или частично способствуют формированию нового существа, которое, дифференцируясь, занимает свое место в качестве социальной динамики, оказывая дезорганизующее воздействие на этическую и юридическую концепцию порядка. Новая личность может пройти через все восходящие степени аномальной интеграции, от низшей, к которой относится преступление из-за наследственного отсутствия контрстимулов и недостатка интеллектуальной активности, до высшей, представленной блестящим преступлением, подготовленным и сопровождаемым протеиновой свитой хитрости, рефлексии, предательства и коварства: следовательно, чем больше возникает социальная опасность, тем настоятельнее обязанность предупреждения и пресечения. Я принимаю теорию *естественного преступления*, разработанную Гарофало, состоящую из поступка, наносящего вред элементарным альтруистическим чувствам, *благочестию* и *порядочности*. Но, по правде говоря, такая теория, хотя и является научно обоснованной, имеет лишь чисто методическое значение; ограничиваясь прежде всего эмоциональной частью преступного действия, она пренебрегает остальными психофизическими факторами, которые, организуясь через наследственные наклонности или приобретенные способности, собираются в интимный индивидуальный механизм, с эквивалентностью и функционированием особой энергии.

Мы постараемся, насколько это возможно, сделать нашу мысль еще более очевидной; для этого мы обратимся к нескольким примерам, которые обладают свойством доводить до нашего сведения в живой и драматической форме то, чему нас учит наука. Мы также не можем более уместно обратиться к какой-либо другой помощи, чем искусство, которое, как так хорошо показал Алимена, идет рука об руку с наукой: каждому научному проявлению, как и каждому социальному проявлению, соответствует параллельное художественное проявление. И этот параллелизм не нов, поскольку он присущ человеческой природе; поэтому, получив проблему, которая, так сказать, приобретает такой объем, что занимает

значительную часть воздуха, которым мы дышим, каждый из нас должен вобрать в себя ее часть и, в свою очередь, передать ее другим, в соответствии со своими способностями .[53]

Мы рассмотрим "Ричарда III" Шекспира с тем же практическим намерением и довольно плодотворным результатом, как мы рассмотрели "Макбета" того же автора, "Маснадилов" Шиллера и некоторые пьесы Ибсена. Для проникновения в глубокие, темные бездны человеческого сердца нет более надежного проводника, чем свет, который дает нам искусство, и тот, кто умеет им пользоваться, сделает более очевидными и верными правила, высоконаучная ценность которых либо сама по себе не является хорошо изученной, либо всегда оставляет неизгладимые следы сомнений.

7.- Яго и Ричард III, пишет Алимена, - это преступники *par excellence*: в них мы тщетно искали бы хоть малейший след раскаяния .[54]

Мы не совсем согласны; ведь если Яго, как холодный и искусный шахматист, строит козни против счастья других, из ненависти и зависти к чужому величию, он не показывает, что испытывает слепой аберранный импульс к совершению преступления: в нем распад останавливается в сфере нравственной жизни.

Ричард III, напротив, находит сходство с великими преступниками греческого трагического театра, особенно с Эгистом, и именно его имел в виду Шиллер, создавая Франциска Мавра, этот тип преступника между инстинктивным, безумным и импульсивным, который остался знаменитым для тех, кто понимает его глубокое художественное и научное значение.

Ричард III также имеет дегенеративную наследственность; его тело и его душа слишком похожи друг на друга. У него грубоватое, асимметричное лицо; он деформирован, хромым, нелепый в своем гипсе: он знает это и не смеет взглянуть на себя в зеркало. Но он также знает, что в его распоряжении великая злая сила, и, поскольку ему не дано наслаждаться, как другим, он решает стать злодеем и отворотиться от легкомысленных удовольствий. Свою бесславную преступную жизнь он начал с убийства Генриха VI; затем он убил его сына Эдуарда Уэльского . Ревнуя к своему брату Кларенсу, он использует коварные махинации, чтобы навлечь на него немилость короля и заточить в тюрьму. Его демоническая душа очевидна с самого начала драматического действия: Шекспир, представляя его целиком в его чудовищности, добивается желаемого эффекта, чтобы поразить воображение и возбудить размышления, чтобы погрузиться в пучину тайн человеческого сердца.

Мы находимся во второй сцене первого акта: видна прибывающая похоронная процессия; тело короля Генриха VI несут в открытом гробу. Леди Анна, одетая в фату, сопровождает его и, проливая горькие слезы, оплакивает его, вспоминая своего мужа Эдуарда, ставшего жертвой убийственной руки самого Ричарда. Анна упрекает его, оскорбляет и напоминает ему о двойном убийстве Генриха и Эдуарда; сначала он отрицает это, потом признается с отталкивающим цинизмом. На воспоминания Анны о добродетели ее мужа он с насмешкой отвечает, что тот тем более достоин царя небесного, который им владеет, а затем: благодарю, что я отправил его на небо, ибо он больше подходит для этого места, чем для земли! Анна больше всего огорчается и проклинает его; но тут происходит нечто, что действительно удивило бы нас, если бы наука не пришла нам на помощь. Преступная энергия в высшей степени суггестивна: об этом говорит психология *meneurs*, властителей преступной толпы; об этом говорит опыт великих злоумышленников, обладающих неотразимым обаянием возбуждать все формы страсти в душах людей, вступивших с ними в контакт: Мусолини, завоевавший защиту, симпатии и любовь женщин из всех слоев общества, - недавний пример. То же самое происходит и с Риккардо: в присутствии гроба он решается соблазнить сердце Анны; она, сначала удивленная, затем неохотно и, наконец, с

сомнением, в конце концов уступает и дает обещание, которое было надеждой на благосклонность и снисхождение. Риккардо недоумевает: "Что, - восклицает он, - я, убивший ее мужа и отца, чтобы найти ее в пылу ее ненависти, с проклятиями на устах, со слезами на глазах, рядом с кровавым свидетелем, вызвавшим ее месть, и вопреки небу, своей совести и тому гробу, который мне грозит, без друга, который бы ответил на мои молитвы, без помощи, кроме ада и *моих дьявольских глаз*, завоевать ее? Да, я играю против всего мира, ибо она моя"[55].

Разговор с Маргарет[56], несчастной вдовой Генриха VI, отмечен чувством иронии и насмешки, свидетельствующим о моральной бесчувственности убийцы; высмеивается даже чувство благодарности. Оставшись один, Ричард признается себе в собственных недостатках, в тайных проступках, которые он вынашивал и которые перекладывал на других. Он посадил Кларенсу в тюрьму и жалел ее, по его словам, перед многими глупцами, такими как Стэнли, Гастингс и Бекингем, утверждая, что королева и ее семья отравили короля против его брата. "Этому они верят и потому побуждают меня отомстить Риверису и Грею; тогда я охаю и с помощью листка письма говорю им, что Бог требует, чтобы мы творили добро за зло. Так я прикрываю свое вероломство мантией этой древней и странной морали, почерпнутой из священных книг, и уподобляюсь святому, когда играю роль дьявола!"[57]. Когда преступная энергия успокаивается, преобразуясь в конкретную силу, она формирует все сознание, накладывая отпечаток на чувства, идеи, убеждения, намерения: Серьезность моральных контрстимулов, теряя всякую ценность, становится поводом для насмешек; именно потому, что, поскольку этика опирается на лучшие способности человека соответствовать целям порядка, если эти способности отсутствуют, жертвы, которые другие приносят ради благополучия других, не имеют смысла; отсюда ироническая жалость к поступкам, которые обусловлены иллюзиями слабых умов, побежденных предрассудками.

Высмеивать и издеваться над убеждениями, привычками, которым другие следуют во исполнение религиозного или морального долга и которые преследуют альтруистические цели, - признак шаткой этической совести и склонностей, не подходящих для похвальных дел. Делинквентность возносит поклонение своим божествам на алтари, с которых она изгнала даже память о соблюдении морали: Постоянный контраст, исходящий от него между его поступками и чувствами и идеями простых людей, является либо стимулом для сокрытия под маской хитрости и симуляции его внутреннего извращения, либо, если не боятся имманентности угроз закона, источником насмешек и издевательств, которые то проявляются в жаргоне, используемом злоумышленниками, то увековечиваются в странных знаках и фигурах татуировки. Те, кто имел опыт общения с великими преступниками, знают, с каким скептицизмом они относятся к самым незначительным жизненным поступкам. Музолино позабавило обвинительное заключение прокурора; П., известный в одном из преступных сообществ моей провинции, много и много раз рецидивист, совершивший кровавые преступления, защищаемый мною, признался мне, что до сих пор не может убедить себя, почему судьи квалифицировали его действия как предосудительные, в то время как он сделал то, чего никто не мог знать и не мог сделать, поскольку был бессилен это сделать! Зло обладает огромными ресурсами в сознании своей силы: лучший способ борьбы с ним - уменьшить лесть и надежды, которые являются обычными любезностями этой силы; но это невозможно, пока общество не заменит, и мы увидим, почему и как, единственную санкцию наказания другими средствами, которые в данных обстоятельствах уничтожают зло, атакуя его в корне.

Риккардо на склоне преступлений даже не чувствует сомнения в том, что нужно остановиться: он вызывает двух головорезов, которым поручает убить бедную Кларенцу.

Диалог между тремя злоумышленниками происходит стремительно и остроумно; идея преступления еще больше распаляет подстрекателя и наемных убийц: Риккардо, отстраняя их, говорит: "Ваши глаза льют молнии, когда безумцы проливают слезы. Я люблю вас, мои подмастерья; за работу, скорей; ите, ите, скорей"[58] .

Кларенца была зарезана, но Риккардо не был удовлетворен своей смертью; он чувствовал себя настолько утонувшим в крови, что одно преступление должно было вызвать другое. Не стоит удивляться и этому: для него убийство было спонтанным продуктом нравственного темперамента, заложенного с колыбели и не измененного ни возрастом, ни воспитанием. Герцогиня Йоркская, его мать, говорит ему: "Нет, клянусь святым крестом, ты хорошо знаешь, что пришел на землю, чтобы сделать землю моим адом. Твое рождение было для меня тяжким бременем: твоё детство было злым и упрямым; твоё отрочество - жестоким, диким, безумным; твоя юность - развратной, жадной, безрассудной. В зрелости вы стали надменным, хитрым, рассеанным, кровожадным, менее гордым, но более опасным, ласковым, как и ненавистным"[59] .

Вступив в союз с Бекингом, унылым и покорным советником, Ричард убил тех, кто мог помешать его стремлению взойти на трон, - Риверса, Грея, Вогана, Гастингса: боясь предстать перед общественным мнением за столь предосудительное поведение, он нашел сообщников, которые мистифицировали новости и соподчинили себе события. Изменчивый, симулянт и диссимулятор одновременно, размышляя о смерти законного наследника престола, он окружает себя священнослужителями, склоняет голову в смиренной позе раскаявшегося и жалеющего человека. На его просьбы и уговоры принять трон Англии, он извиняется, отрекается; казалось бы, вынужденный, он полностью соглашается. Анну, вдову убитого Эдуарда, он вновь призывает к обещанию стать его женой: она, среди печальных воспоминаний о прошлом и проклятий, которые яростно вырываются из ее уст, все же поддается внушающему воздействию его *меланхолических слов* и уступает, зная, что он ненавидит ее из-за своего отца, Уорика, и что скоро он должен быть расторгнут ею. Взойдя на трон, он прибегает к помощи убийцы Тиррела, чтобы расправиться с сыновьями своего брата, оклеветав их как бастардов: убивает свою жену Анну, чтобы жениться на дочери брата; подозревая Бекинга, отказывает ему в премии за сотрудничество в стольких злодейских деяниях. Он поднимает восстание, но его арестовывают и предают смерти.

Кровавая драма продолжается до конца: армия под предводительством Ричмонда выступает против позорного узурпатора; тот готовится к сопротивлению, но чувствует, что не в силах справиться с задачей. Душа преступника, поднявшись на вершину зла, начинает растворяться под тяжестью собственных удовлетворенных амбиций. Если в прошлом за бесчеловечными преступлениями не осталось ни сожаления, ни борозды раскаяния, то при первом же толчке надвигающейся опасности моральная структура Риккардо рассыпалась, и из таинственных темных глубин его внутренностей хлынул ворох нравственных контрстимулов, сила которых была подавлена наложенным и прочным слоем вырождающейся совести. Воображение, потревоженное натиском болезненных чувств, проливает печальный свет на эту темную душу: рушатся лесть и смелые надежды, и на опустевшее сердце угрожающе надвигается сомнение. Эго, совесть теряют равновесие, энергии дезорганизуются, и человек холодного скептицизма оказывается в тисках несовместимого кипения страхов и тревог, проявляющихся в истинном доступе бреда. Прочтите солилоквиэ в палатке, перед битвой, после явления, во сне, призраков убитых людей, и перед вами откроется страница глубокого психологизма стадии распада души преступника. В первый момент возникает удивление от необычных представлений: мысль о непредвиденном несчастье, оказывая сильное и внезапное потрясение на структуру

сознания, возбуждает муки раскаяния: Риккардо восклицает: e Datemi un altro cavallo ... перевяжи мои раны... помилуй, Иисус!... Молчи, я только мечтал... О, моя совесть, как ты мучаешь меня! Лампы испускают голубые лучи... Это мертвый полночный час... Холодные капли, сжатые ужасом, ложатся на мою дрожащую плоть"[60] .

Распавшееся "я" распадается на две части и предстает перед разумом персонифицированным двойным образом: два сознания на мгновение обретают противоположную однородность; динамический контраст преобладания акцентируется в антагонизме воспоминаний прошлого и реалий настоящего, и, утратив тормоз, идеи и чувства разворачиваются с бурным полетом бреда. "Что, я сам себя боюсь? Здесь нет никого другого; Ричард любит Ричарда; я, я тоже... Есть ли здесь убийца? Нет; ... да, я там; ...тогда беги... От себя? Действенный мотив... Как? ... Из страха перед моим возмездием... О? Мною, на мне? Увы, я люблю себя"[61] .- Наконец, в вихре сознания, совесть восстанавливает некое неустойчивое равновесие: прошлое интегрируется с настоящим, и человек, судя себя, одерживает верх, отчасти, за счет собственных сил и рушится под тяжестью реальности, скрываемой силой привычной диссимуляции.

"Почему? За то, что я сделал себе что-то хорошее? Нет, негодяй, я скорее ненавижу себя за виновные поступки, которые я задумал. Я злодей... Нет, я лгу, таковым я не являюсь... Глупый человек, говорят о тебе хорошо... Глупец, не лести. У моей совести тысяча языков, и у каждого языка своя история, и каждая история осуждает меня как негодяя.

Лжесвидетельство, лжесвидетельство в высшей степени; убийство, жестокое убийство, во всей его чудовищности; все преступления, совершенные в самых различных формах, стекаются к адвокату с криками: Виновен! Виновен! Я вынужден отчаяться..."[62] .- Изоляция души приводит к унынию; честолубие, потеряв ореол интимных ресурсов, падает перед малейшим препятствием; уничтожение духа, последний срок эмоционального распада, парализует силу воли, и душа гаснет в мучительном сожалении о жалости, которую, как известно, человек не заслуживает. "Никто меня не любит, и, если я умру, никто не будет обо мне сожалеть..... Действительно, с чего бы это? Ведь я сам не нахожу жалости к себе... Мне казалось, что души всех тех, кого я убивал, пришли в мой шатер, и каждый из них угрожал местью за завтрашний день на голову Ричарда"[63] .

Когда бурная волна раскаянного бреда проходит, бесчувственность и скептицизм возвращаются вместе со спокойствием духа. У Ричарда преступная психика, как мы уже говорили, прочно организована; склонность к преступлениям берет свое начало в чувстве гордости, в надежде удовлетворить необузданное честолубие королевства. Поэтому нет недостатка в упорстве в начинаниях, смелости в их исполнении. А виновные намерения, пусть порой и импульсивные, основаны на убеждениях, которые полностью изменили внутреннюю моральную среду. Сила цели и твердость характера эволюционировавшего преступника поддерживаются пренебрежением к руководящим принципам общепринятого поведения; он чувствует, что выдает себя за силу, являющуюся исключением среди равных, кичится этим и стремится сохранить свое достоинство, ореол мрачного света и печального предзнаменования. "Совесть, - говорит он, - это слово, которым пользуются трусы, придуманное для того, чтобы держать сильных в уважении; пусть наши шишковатые руки будут нашей совестью, пусть наши мечи будут нашим законом"[64] .

Франциск Моор, пораженный крайней опасностью, близкий к тому, чтобы поддаться ярости разъяренных врагов, дрожит, отчаивается и кончает жизнь самоубийством. В нем физическое вырождение одержало верх над нравственными наклонностями; и все же перед лицом опасности мужества не хватает, и он прибегает к крайней помощи слабой и отчаявшейся души - самоубийству. Риккардо, из буйной боевитости, нашел в себе рычаг

мужества и смелости; он сражался и пал на поле боя, встретив конец, достойный совсем другой судьбы!

ГЛАВА IX.

Динамика преступной психики.

1. Генетическая эффективность мотива.-2. Психология *силы-идеи*; интегративные стадии сознания, пройденные мотивом.-3. Стадия различения мотива.-4. Стадия приятного или болезненного представления; последствия двух описанных стадий в психической жизни преступника; инстинктивные проявления; механизм преступного внимания.-5. Учение о познании и проблема динамического содержания мысли; единство закона в природе, в мысли, в истории; как действует преступная энергия в различных установках психики.-6. Влияние воображения или фантазии на психический процесс преступника.-7. Анализ этого влияния, особенно у эпилептиков и аффективных преступников.-8. Закон *сходства* и закон *смежности во времени и пространстве* и динамика преступной психики.-9. Динамика преступной психики в волевых актах.-10. Состояние тревоги как следствие поляризации преступной воли; психология эмоции страха; различие между спонтанным и волевым актом.-11. Колебания воли и связанные с ними механо-церебральные процессы.-12. *Чередование* или *прерывистость* действия вышеуказанных мотивов; пример Альфиери в *"Агамемноне"*.

Мотив, как мы его понимаем, - это психическое или изначальное начало психической жизни. Он, хотя и воспринимается изолированно, не остается оторванным от ряда предшествующих актов сознания, но сливается и интегрируется с ними. "В психическом космосе индивида, - пишет Ардиго, - мыслительные данные возникают и существуют, как возникают и существуют вещи в материальном космосе Вселенной. Здесь, например, для данного растения нужно думать, что семя, в котором оно рождается, есть сборник бесконечного ряда действий, осуществляемых окружающей средой, чтобы свести его к его виду; и нужно думать, что развитие самого семени требует действия на него почвы, воды, воздуха, тепла, света, которые действуют постольку, поскольку их сила определяется всей всех существований; И надо думать, что то же самое можно сказать о непрерывности существования как вегетативной особи, которая, как таковая, подвержена влиянию того, что происходит в самой отдаленной среде, вплоть до бесконечно отдаленной. Точно так же он является мыслью в ментальном космосе. Рождаясь в нем, она вносит такой же или не меньший вклад, чем все остальные, в то, чтобы он возник, как он возникает; находясь там, она не изолирована, а сопровождается, более того, поддерживается, насколько это возможно, всей уже подготовленной психикой"[65] .

Если оставить в стороне вопрос о том, имеют ли представления примитивное происхождение или возникают в динамике психики, то несомненно то, что психические явления сами по себе являются *влечениями*, которые, вопреки или в пользу, сопровождаются болезненными или приятными ощущениями; следовательно, они являются *действиями* и *реакциями* (Фуйе).

Когда мы говорим о мотиве, мы должны распространить его динамическую действенность на всю серию психических актов, совокупность которых, в постоянной или преходящей форме,

сосредоточена в основных органических психофизических качествах, унаследованных или приобретенных, индивида.

Рассматривать в психическом продукте преступления динамические коэффициенты по отдельности, составляющие каждый сам по себе логическое содержание действия, - большая иллюзия; отсюда ошибочная система обращения к тому или иному мотиву или фактору, будь то моральный, этнический, социальный или экономический, для объяснения причины преступления.

Разум - это энергия, это активность, это действие: от ощущения, восприятия или представления до воли есть лишь этапы преобразования и интеграции исходной энергии; именно поэтому действенный разум в итоге становится конечным. Психология силы-идеи Фулье, как мне кажется, имеет ту же основу, что и изложенные здесь концепции: для нее психические состояния должны обладать внутренней и неделимой внешней действительностью в силу единства физического и морального. Принцип, из которого исходит психология идей-сил, заключается в следующем, устанавливающем единство психического состава: "Всякий факт сознания образуется процессом трех нераздельных терминов: 1^о) всякого различения, которое заставляет существо чувствовать изменение своего состояния и является, таким образом, зародышем ощущения и интеллекта; 2^о) всякого *благополучия* или *неудобства*, тупого, но заставляющего существо не быть *равнодушным* к его изменению; 3^о) всякой *реакции*, которая является зародышем предпочтения и выбора, т. е. аппетита. Когда этот неделимый сенсорный, эмоциональный и аппетитный процесс приходит к размышлению о себе и образует отдельную *форму* сознания, мы называем его, в картезианском или спинозианском смысле, *идеей*, то есть нераздельным *обнаружением* предпочтения.[66]

Мотив, в какой бы психической форме он ни проявлялся, в форме чувства или идеи, должен пройти через следующие интегративные стадии сознания: 1^о стадия, *различение* произошедшего изменения; 2^о стадия, приятное или болезненное *представление* изменения; 3^о стадия, *различение* причины изменения; 4^о стадия, слияние с предыдущими эмоциональными или идейными состояниями, с аналогичным устранением антагонистических состояний; 5^о) стадия, качественное *объединение* специфической преступной энергии; 6^о стадия, количественное *объединение* начальной активности действия.

2.- Фулье справедливо замечает, что различение изменений состояния является зародышем сенсации и интеллекта. Кознестезия, или общая чувствительность, не была бы указана ни в одном сенсорном продукте, если бы мы не были наделены способностью представить себе этот эффект в отрыве от других, различить его и зафиксировать в поле мысли. С точки зрения интеллекта, добавляет Фулье, различение может быть неявным, когда духу представляется только одно понятие, без сравнения с другим. Но способность различать развивается только по выбору: если мы осознаем *различия*, в основном чувствительные, то это потому, что эти чувствительные различия перетягивают реактивные различия. "Мы можем даже пойти дальше и сказать, что каждое различение уже содержит зачаточный практический выбор, что каждое интеллектуальное определение есть в то же время определение деятельности, особенно в первобытных чувствах, которые по своей сути жизненны и где реакция неотделима от ощущения. Различать удовольствие от еды и боль от голода - значит неразрывно предпочитать одно другому. Кажущееся безразличие - еще один результат; и здесь приверженность, с которой мы относимся к тому, что представляется нам таковым или подобным, все же является интеллектуальным предпочтением, определением в одном смысле, а не в другом, что, конечно, не подразумевает никакой свободы воли"[67].

Неразрывное единство *мышления и действия* - психологический закон первостепенной важности, обобщенный в выражении *idea-strength*.

На этой первой стадии, на стадии различения движущей или сознательной энергии в смене предыдущих состояний сознания, *психическая инерция* имеет огромное значение. Каждый, в сущности, замечает усилие, затрачиваемое всякий раз, когда сознание должно изменить свое полное или частичное состояние: причина в силе сопротивления организованных энергий, особенно в слиянии со статическими элементами психических остатков прошлого. Инертность психики, однако, следует понимать не в абсолютном смысле, а в отношении к движению, уже установившемуся в определенном ритме; тогда как изменение, заменяющее новый ритм, приводит в действие активности, которые ранее либо оставались в латентном состоянии, либо не были заметны для сознания.

Читатель, вероятно, понял, что, рассматривая динамику преступной психики, мы дополняем то, что писали о динамике мотивов. Если тогда мы рассматривали *изолированную* действенность мотива, то теперь мы рассматриваем его комплексное действие, в совокупности всех психических состояний, которые органически складываются и объединяются.

3. стадия интегративного психического представления преступной энергии, приводимой в действие мотивом, характеризуется приятным или болезненным состоянием, о котором мы исчерпывающе говорили, рассматривая эволюционный и диссолютивный генезис эмоций или аффективной жизни.

Закон состава и разложения физической жизни, обусловленный непрерывным чередованием явлений ремонта и потребления, по-прежнему действует и в жизни духа, где сознательная функциональность поляризуется либо на приятные ощущения, либо на болезненные. Именно с этого момента мыслительная деятельность, используя апперцепцию, утверждает свое существование в качестве автономной или дифференцированной силы, и личное "я" начинает конструировать себя из соответствующих материалов. Окружающий мир больше не рассматривается извне, а субъективируется, и энергии, в которых он участвует, занимают место, которого они заслуживают, в последующих или сосуществующих внутренних актах. "Я", в той мере, в какой оно утверждает новое репрезентативное состояние, утверждает себя и закладывает основу субъективной реальности, которая имеет свой динамический аналог в продукте психической деятельности, возникающей из суммы прежних энергий, слитых с энергией разума. Таким образом, причина утверждения репрезентации не может быть найдена ни в каком другом принципе, кроме принципа необходимости осуществления самой себя. Отсюда, - пишет Ардиго, - с различными формами представления связаны и различные формы утверждения. То есть утверждение чистой данности ощущения в начальной психике или интегральной данности во взрослой психике; данности сосуществующей или данности последовательной; интуитивной данности или дискурсивной данности; я или не-я; ощущаемого или воспринимаемого, вспоминаемого или признаваемого; индивидуального, конкретного или абстрактного; реального или идеального; *априорного или апостериорного*; относительного или абсолютного; необходимого, существующего или возможного"[68] .

4.- Две первые интегративные стадии, изменение состояния и репрезентации с приятной или болезненной функциональностью, привносят в психическую жизнь делинквента либо

изменения в инстинктивные проявления, либо более или менее интенсивный и длительный процесс внимания. Деспин хорошо замечает, "что, хотя организм управляет природой инстинктивных способностей, в том смысле, что мы обладаем только теми, проявление которых он допускает, и что эти способности изменяются по своей природе в той степени, в какой наши органы подвергаются глубоким модификациям или преходящим впечатлениям, мы бы сильно обманулись, если бы приписали все изменения, происходящие в моральных проявлениях, физическим причинам, органическим модификациям или впечатлениям. Значительные изменения происходят в характере под влиянием причин, которые вызывают яркое возбуждение определенных чувств, оставшихся латентными, и активность которых заменяет активность других чувств, до сих пор преобладавших в индивиде." [69] Стадия изменений, таким образом, в психике делинквента сводится к возбуждению латентной инстинктивной деятельности с немедленным формированием тенденции к действию.

Невозможно понять, почему прирожденный преступник, у которого полностью отсутствует моральная чувствительность, находит в себе ресурсы потенции такой поразительной активности. "Если нравственно нечувствительный человек, - пишет Деспин, - чья извращенность совсем не активна, находится в состоянии, позволяющем ему удовлетворять свои вкусы с помощью удачи, и не вмешивается никакая причина, чтобы возбудить в нем яркие извращенные желания, его нравственная нечувствительность не проявится вообще, поскольку у него нет для этого повода. Этот человек, хотя и нравственно бесчувственный, не будучи расположенным к злу, будет вести себя так, что не заслуживает порицания. Все причины, возбуждающие порочные страсти в населении, вызывают у определенного числа людей проявление их бесчувственности, которая оставалась латентной из-за отсутствия причины, впервые возбудившей в них порочные, преступные желания" [70]. Это может быть и кратковременным эффектом воздействия бурной страсти, которая, если того требует необходимость, является причиной, побуждающей человека совершить преступление так же, как и человека, навсегда лишенного нравственного чувства. Но как только состояние страсти прекращается, а это обычно происходит очень быстро после совершения поступка, моральное чувство вновь дает о себе знать и, ярко сжатое, порождает угрызения совести. [71]

Таким образом, по фундаментальному динамическому закону существует большая разница между первоначальной психической активностью естественного преступника и преступника по страсти; в первом случае в действие приводится инстинктивная скрытая энергия, во втором - изменение является преходящим эффектом страстного возбуждения.

Преступник, который убивает, чтобы убить, который крадет, чтобы удовлетворить скорее инстинктивную повелительную силу, а не желание добыть необходимые средства для удовлетворения своих потребностей; который сжигает, уничтожает под действием непреодолимых импульсов, вовсе не находит в совершении своих деяний соответствия удовольствию или боли. Это настолько верно, что во многих случаях он ничего не помнит об этом; кажется, что он действовал в бессознательном состоянии. Иначе обстоит дело со случайным преступником, чьи поступки - преходящий эффект кратковременной приостановки альтруистической эмоциональной жизни; возможно, в нем может проявиться величайшая жестокость, но когда спокойствие возвращается, душа вновь обретает утраченное сентиментальное равновесие, и проступок становится поводом для сожаления.

Поскольку речь идет не об аффективной жизни, либо из-за качества стимула, либо из-за характера пассивного субъекта, а скорее о мыслительной жизни, изменение состояния представляется актом, посредством которого ум овладевает в ясной и живой форме одним из многих объектов или несколькими потоками мыслей, которые представляются

одновременно возможными (Джеймс). В таком акте спонтанного или добровольного внимания целью является локализация сознания путем концентрации его особой энергии, либо из-за большего интереса, который представляет для нас любой экспериментальный элемент, либо потому, что нас стимулирует импульс, присущий любому изменению, происходящему в области духа. Аналогия, найденная Вундтом[72] между вниманием, в отношении сознания, и фиксацией, в отношении сетчатки глаза, кажется мне очень точной. Внимание - это *избирательное* усилие; это процесс остановки и прямое функционирование тормозной силы.

Фиксируя представление на линии зрительных осей ума, оно проявляется с большей ясностью и отчетливостью. Но, как уже было сказано, все это - лишь эффект *интереса* и эмоционального *побуждения*; что возвращает нас к истинной точке исследования, точке, в которой динамика мотива преобразуется в репрезентативную и мыслительную динамику делинквента.

Внимание побуждается сосредоточиться на новом внутреннем состоянии благодаря влечению к чему-то, что ощущается как недостаток или дефект: это влечение само по себе уже было эквивалентно смутному и неопределенному движению с тенденцией к самоопределению. А так как по механическому закону движение, начатое в организме, продолжается, распространяется и переходит в действие, то достаточно лишь дать стимул, чтобы влечение приобрело последовательность и идеализировалось, чтобы оно не только участвовало в энергии представления, присутствующего в уме в противоположность тому, в чем мы испытываем недостаток или отсутствие, но и побуждало нас к внешним действиям, необходимым для нашего удовлетворения. Истоки движения влечения лежат в воспоминаниях о реальных или возможных действиях и удовольствиях, которые человек испытал благодаря обладанию вещью, в которой он испытывает недостаток, или которые он надеется испытать в соответствии с опытом других: отсюда истинность спенсеровского принципа, согласно которому тенденция к совершению действия есть не что иное, как возбуждение, возникающее в результате психических состояний, связанных с этим действием. Другими словами, идея движения - это начавшееся движение, и, следовательно, интенсивная и исключительная идея движения тянет за собой реальное движение (Фуйе). Вор, например, решает совершить данную кражу: динамическая основа этого психического акта подразумевает несколько данных: 1^о) что ощущается потребность в чем-то недостающем или дефектном; 2^о) что это что-то присутствует в сознании; 3^о) что представление об этом произвело изменение в состоянии сознания; 4^о) что вместе с потребностью рождается желание получить эту вещь, и сознание находится в состоянии возбуждения или движения, стимулируемого, в большей или меньшей степени, интенсивностью потребности; 5^о) (или) что идея обладания вещью и желание обладать ею снова, или надежда обладать ею, оказывает стимулирующее действие, так что неопределенное внутреннее движение определяется, и импульс потребности преобразуется в привлекательную энергию преследуемого намерения. Таким образом, работа внимания по фиксации в поле сознания какого-либо течения мысли или по задержанию его появления, чтобы ощутить его динамическую действенность, должна относиться к закону непрерывного единства психических процессов, в том смысле, что наступление какого-либо состояния сознания, объекта внимания, связано с существованием предыдущих состояний. Это наблюдение подтверждается даже в индивидуальных импульсах прирожденных преступников, будь то сумасшедшие или эпилептики.

Что такое мания убийства, если не непреодолимый импульс к уничтожению жизни других существ? Ну, а склонность к пролитию крови не обнаруживалась бы и в этом, если бы

человек не чувствовал в этом потребности и если бы он предварительно не создал в душе то состояние возбуждения, волнения, из которого в последнем счете и состоит преступление. Разница и здесь между прирожденным преступником и случайным преступником заключается в психической данности; для первого первоначальное психическое движение исходит из органической конституции, является инстинктивным, и *внимание* лишь *пассивно* вторит ему отрывистым резонансом; для второго внимание аналогично предшествующим раздражителям и энергии мотива, который дал крайний толчок к действию.

Обсуждая динамику мотивов и общие нормы нашей дисциплины, мы говорили о третьей и четвертой стадиях, пройденных мотивом: мы считаем необходимым добавить кое-что о пятой и шестой стадиях, то есть о качественном объединении специфической преступной энергии и количественном объединении исходной активности действия.

Сразу же скажем, что учение о познании, по-видимому, с достаточной степенью компетентности решило проблему происхождения динамического содержания мысли, а также тех постепенных форм, в которых оно впоследствии выражается. Функционирование мозга предполагает физиологическое функционирование организма, а физическое функционирование - окружающего мира. Сфера психической деятельности - это высший способ бытия физической активности природы и биологической активности; мысль, следовательно, в той мере, в какой она организует себя, является высшим природным образованием в масштабе лежащих в ее основе чисто неорганических и органических образований. Мозг - это не только орган резонанса гармонических нот, с помощью которых природа утверждает свое существование и ритмическое развитие явлений; это не зеркало, которое просто отражает внешний мир в тщетных образах; но это орган реального проявления энергий природы, это крайний предел, в котором жизнь поляризуется в имманентность движения, сохраняемого с эквивалентностью.

Все это было сформулировано нашим Бовио в принципе единства закона в природе, в мысли, в истории: мысль - это природа, которая познается, история - это мысль, которая движется. Это означает, что закон взаимности - это всегда одна и та же необходимость, которая во внешней природе действует как всеобщее тяготение, которому природа подчиняется и не знает; в мозгу она действует как идеальное тяготение, которому мозг подчиняется, интуитивно понимает, преследует и стремится превратить в систему; в истории она действует как тяготение времен, которому история подчиняется и стремится превратить в коды, черпая из прошлого документы для будущего. [73]

Эволюция - это сохранение энергии с параллельной непрерывностью движения: так, по мере перехода деятельности из внешнего мира во внутренний, по мере перехода от физической к мозговой деятельности, по мере усвоения мыслью динамических коэффициентов мотивов, сознание, с изменением состояния, изменяет функционирование возникающих актов, как качественно, так и количественно. Качество относится не к сущности или постоянству личности, а к способам, которыми специфическая энергия переходит от продукта к психическому продукту, от механизма к механизму эго, от формирования к формированию, от представления и апперцепции к вниманию, рефлексии и воле.

Чувствующее, разумное, активное "я" - это три фазы одной и той же живой энергии, но три фазы, которые различаются так, что одна не может быть обменена на другую, за исключением того, что все три зависят от одного и того же источника личной энергии: точно так же, как организм не остается тождественным самому себе с течением времени, за исключением эквивалентного сохранения индивидуальной энергии, психика; изменяя

физиономию и содержание, она не сохраняет идентичности, за исключением своей дифференцированной природы по отношению к другим индивидам того же вида.

Отсюда следует вывод, что преступная энергия, по-разному настраивая психику, придает свой характер и степень активности приведенным в движение способностям, чувству, интеллекту, воле.

В природе также силы, соотносясь, преобразуются качественно и количественно: "В каждом изменении сила претерпевает метаморфозу; и в зависимости от форм, которые она принимает, это может привести либо к повторению прежних условий, либо к новым условиям в бесконечном числе порядков и комбинаций". Кроме того, ясно видно, что физические силы проявляют не только качественные, но и количественные соотношения друг с другом. Доказав, что один вид силы может быть преобразован в другой, опыт снова показывает, что из одного определенного количества силы всегда возникает определенное количество другой'[74] .

Отсюда следует, что психическое событие преступления, осуществленное в действии, исчерпывает, взятое в отдельности, всю совокупность энергии, которая его обуславливает: остается только объективное последствие, вменяемый факт и некоторый след более сильной установки для будущего повторения поступка. Поэтому какой смысл в одних только антропологических и психиатрических исследованиях, не говоря уже об априорных юридических нормах, касающихся суждения, которое мировой судья должен будет вынести о субъективной вменяемости инкриминируемого факта? Все эти исследования и нормы ограничиваются функцией доказывания преступного психического события: только криминальной психологии принадлежит обязанность синтезировать психофизические данные преступника и объединить их в окончательное суждение, принимая во внимание все динамические коэффициенты, которые предшествовали и сопровождали совершение злодеяния.

После того как произошла репрезентация мотива и последовавшее за ней изменение сознания, сходные динамические элементы психики сплавляются и объединяются в единый процесс, антагонистические элементы устраниваются, идейной и аффективной динамике помогает вмешательство воображения или фантазии. В психическом мире преступника эта сила имеет абсолютное господство: она подчиняет, изменяет и преобразует все, с чем сталкивается; от самых отдаленных горизонтов лестных надежд до нынешней обстановки беспокойства из-за подавленного действия страстных причин, воображение влияет и предрасполагает разум чувствовать, думать и желать по-своему и в соответствии с теми схемами и фантазиями, которые оно предоставляет. Представления настоящего укрепляются, представления прошлого пробуждаются; естественные наклонности получают более легкое начало деятельности; объективная реальность вещей постепенно блекнет, теряет свои очертания, покрывается пеленой и плотной завесой забвения; и, вслед за абстрактным процессом, образ и фантом логического замысла, включенные в статическое содержание мотива, предстают перед умом и оказывают имманентное суггестивное действие. Воспоминания о контрстимулах умолкают, на поверхности сознания восстанавливается видимое спокойствие, но под свинцовым небом, пересеченным плотными облаками, предметы приходят в замешательство, а сознание наполняется чувством тревоги и печали. Образы, фантомы усиливаются, они окружают себя льстивыми ухаживаниями неудовлетворенных appetitов, многообещающих надежд; периферийное зрение сознания сужается, центральное обостряется; фантом, идеализированный, сначала колеблющийся, в конце концов фиксируется на линии зрительных осей; глаз разума привлекается, доминирует, одержим им. Тормозные силы, межцеребральные токи,

переживают период прерывистости; память становится лакунарной. Это самое интересное состояние криминальной психики, состояние, в котором сознание неощутимо переживает период прерывистости, а мозговая механика следует ритму неустойчивых, вариативных, диссоциированных движений. Воображение, злой злоумышленник, с сатанинской усмешкой воздвигает свой трон над гибелью самых благородных стремлений и освящает в темном храме души преступника религию преступления!

7.- Кто желает получить ясные доказательства всего этого, пусть обратит свое внимание на то, что происходит в психике преступника-эпилептика.

Воображение и фантазия являются для эпилептика специфической силой непреодолимой импульсивности. Огромная эмоциональность (Крафт-Эбинг); необычайная болезненная раздражительность (Шюле); поражение аффектов (Деспин); физическая и моральная анестезия (Томпсон); легкая маниакальная доступность - все это делает эпилептика действительно посмешищем болезненных фантазмов, которые проносятся в его сознании и подавляют его идейный и аффективный ритм. Болезненный процесс начинается с интенсивной и затяжной озабоченности, которая является инстинктивной характеристикой *эпилептического характера*: это тревожное стремление к чему-то неопределенному, смутному; это потребность выплеснуть скрытую деятельность непонятного характера, о существовании которой мы едва знаем.

Лишенное фона реальности для идейного процесса и ассоциативной координации для эмоциональных состояний, воображение эпилептика играет самую важную роль в структуре мозга. Равновесие между способностями и действиями колеблется; ум, удивленный, ищет стабильный центр тяжести; привлеченный фантомом, он меняет его на реальность, преследует его и полагается на него: но в одно мгновение равновесие полностью теряется, идеальная и аффективная основа шатается, перед ним внезапно открывается бездна. Это пугает саму жертву; на страстный трепет, на потрясение, охватившее все области духа, отвечает судорожный стон того, кто понимает, какой слепой роковой судьбе он был рожден!

Моральная нота аномалии преступника, особенно эпилептика, заключается именно в фантастическом функционировании психической динамики. Фиктивный и привлекательный продукт идеального и аффективного содержания возникает в результате взаимопроникновения и ассимиляции разрозненных фрагментарных элементов, которые, не найдя стабильного места в сознании, либо перешли в резервный фонд бессознательного, либо блуждают в темной пустоте разума. Некоторые из этих элементов, благодаря динамическому сродству с новым изобразительным мотивом, возникают и притягиваются к зрительному центру сознания: он - кто бы мог в это поверить? - многократно развивается, разворачивается в столь внушительной форме, что доминирует над окружающей средой с полной и абсолютной властью. Трудности, часто встречающиеся при исследовании ближайших или отдаленных мотивов преступных действий, проистекают из столь распространенной привычки считать, что логика преступника - это логика нормального человека и что интимную или психическую причину поступка всегда следует искать в том мотиве, который на первый взгляд представляется наиболее достаточным и наиболее соответствующим логическому целому особого психического процесса. А так как при доказательстве фактов мы либо теряем надежду найти причинный мотив в каком-нибудь обстоятельстве или событии, логически достаточном для того, чтобы просветить нас относительно субъективного происхождения преступления, либо не придаем должного значения не относящимся к делу процессуальным данным, то в конце концов приходим либо к ошибочному суждению о нравственном объеме преступления, либо к убеждению, что оно является следствием жестокого злодеяния!

8.- Остановившись, поскольку это целесообразно, на динамике координации или связи образов или фантомов, с которыми в значительной степени связана криминальная причинность, я полагаю, что она подчиняется двум основным законам механизма ассоциации, закону сходства и закону смежности во времени и пространстве. Тенденция связи, по словам Стюарта Милля, между идеями, которые напоминают друг друга, после того как о них подумали вместе, наблюдается, прежде всего, среди фантастических образов и воспоминаний преступного менталитета. Моральная зараза преступлений - обычный и наиболее очевидный пример этого.

Идеи, чувства, суждения, представления разумных фактов и сложных событий часто являются истинными прецедентами действий, сходство с которыми является динамическим эквивалентом причинной энергии.

Некоторые люди, например, очень легко простят оскорбление; но в их сознании пробуждается память о том, что другие в подобном случае прибегли к мести, завершившейся определенным образом; предчувствие неодобрения в общественном мнении из-за умаления личного достоинства оскорбленного, и так далее, и так далее. В первой гипотезе, если следовать примеру, действенность воспоминания о подобном случае сливается с оперативной действенностью нанесенного оскорбления; преступное действие других обрисовывается перед сознанием привлекательными фантастическими красками, и мало-помалу два элемента, текущий динамический и воспоминание, объединяются и организуются в одно психическое событие, вторгаются и занимают все поле сознания. Действительно, это еще не все. Нанесенное оскорбление, возможно, по своей природе не имело бы импульсивной силы, поскольку было бы оправдано предположением о недоразумении: Но *движущее внушение* воспоминания настолько сильно, что, благодаря иллюзии, которую нелегко проверить, мы меняем в фантастическом продукте значение двух мысленных терминов и считаем, что нас побуждает к действию мысль о нанесенной обиде, в то время как мы не осознаем, что она отходит на второй план в ассоциации, по смежности времени, с идеей события, к которому нас ведет сходство двух фактов, присутствующих в мысли.

Во второй гипотезе, упомянутой выше, фантастическая связь существует между настоящей идеей оскорбления и болезненным чувством, вызванным в нас предчувствием умаления достоинства или репутации. Полученный психический результат будет состоять из репрезентативной реальности оскорбления в соединении с сопутствующим коэффициентом сентиментальности; то есть, в то время как существенным содержанием будет идея оскорбления, физиономия или аффективная окраска будет соответствовать болезненному чувству, присущему предчувствию умаления личного достоинства перед лицом общественного уважения.

9.- Психическая динамика делинквента становится более сложной и более трудной в актах воли.

Вундт, как и мы, видит основу волевых актов в мотивах, среди которых он выделяет репрезентативную и сентиментальную части, первую из которых называет *определяющей причиной*, а вторую - *побудительной силой*. Из сочетания разнообразных мотивов, т. е. представлений и чувств, которые в составном течении эмоций выступают как решающие для совершения действия, вытекает, с одной стороны, необходимое условие для *развития* воли, а с другой - для различения *отдельных форм волевых актов*. [75]

Как правило, в уголовных кодексах ответственность за преступление возводится к субъективному фактору *умысла*, который сводится к свободным актам воли, рассматриваемым то как простое *намерение*, то как *добровольность* противояюрдического действия. Отделяя крайнюю степень эволюции преступной психической деятельности, то есть воли, от ряда степеней, которым она предшествует, и придавая исключительное значение самому сложному психическому событию, пренебрегая репрезентативными и интеллектуальными элементами, можно понять неопределенность юридической данности, которая на практике должна встретить непреодолимые трудности применения.

Кто не знает, по правде говоря, в каком мраке мы находимся, когда, будучи призваны установить уголовную ответственность за преступление, мы чувствуем себя обязанными, прежде всего, искать наличие или отсутствие умысла?

Закон обязывает мировых судей указывать в приговорах *мотивы*, на которых они основывают свое осуждение; статья 45 Уголовного кодекса устанавливает фундаментальный принцип, согласно которому никто не может быть наказан за преступление, если он не *имел намерения* совершить факт, составляющий его: но в чем состоит *разумность* мотивов, в чем *добровольность факта*, отделенного от комплекса психических элементов или состояний совести, высшим выразителем которых является преступление? Спросите судью, и он в своих приговорах будет блуждать среди понятий и суждений, которые совершенно произвольны и которые, претендуя на отражение научных принципов, являются отголоском мимолетных впечатлений, иногда страстных, о характере инкриминируемого деяния и о доказательствах, собранных против обвиняемого. В других своих книгах я пытался придать логическое значение субъективному фактору преступления, как он сформулирован патриотом-законодателем; но, должен признаться, за свою долгую профессиональную практику мне пришлось с болью убедиться, насколько неопределенными всегда остаются умы всех, судей, адвокатов и общественности, в отношении критериев доказывания, достаточных для того, чтобы считать в отдельных преступлениях наличие элемента злого умысла. Иначе и быть не должно. Работа судьи - это не работа ученого; только на последнего возложена задача разъяснения правил, регулирующих человеческие действия, и способов толкования их смысла: желание превратить кодекс в трактат теорий и доктринерских принципов - это то же самое, что подвергнуть высокую и независимую должность судьи произвольным и крайне опасным умственным ограничениям. И здесь же - доказательство вреда априорных научных систем и ошибочности пренебрежения в человеческом познании фундаментальным логическим принципом *относительности*.

Возвращаясь к теме, скажем, что воление - это дополнительный акт психического процесса, именно потому, что, согласно Джеймсу, *волевые движения должны быть вторичными, а не примитивными функциями* нашего организма. Первое следствие, которое из этого вытекает, заключается в том, что способность воления связана с существованием представлений и чувств, которые образуют ее динамическую предпосылку; и что, согласно Вундту, гипотеза о волевом акте, вытекающем из чисто интеллектуальных соображений, о волевом решении, противоречащем тенденциям, которые выражаются в чувствах, и т. д., содержит в себе психологическое противоречие. Она основана на абстрактном понятии трансцендентной воли, совершенно отличном от реальных психических процессов хотения.

В физиологии, - пишет Фуйе, - доктрина эволюции объясняет, как путем развития рудиментарного и примитивного органа формируется более совершенный задний орган; точно так же и в психологии все рефлекторные или инстинктивные акты, при их нынешнем разнообразии, должны быть производными одного существенного и примитивного импульса. Перенесите этот импульс во все элементарные клетки организма, и он станет

психологическим фоном того, что происходит в маленьких живых существах, из которых состоит весь организм. С другой стороны, внешние реакции этих клеток подпадают, как он неизбежно делает, под закон механизма. При таком сочетании простых психических импульсов внутри и механических связей снаружи вы сможете объяснить самые сложные явления и приспособления воли к самым разнообразным обстоятельствам.[76]

Психологическая механика мозга нам известна. Каждое периферическое или межмозговое возбуждение передается и ощущается в аналогичных центрах; затем, посредством эфферентного аппарата, оно распространяется в рефлекторных операциях. Мозг - это орган *деятельности*, сознательной или бессознательной, психики: мы ощущаем эту *деятельность* особенно сильно при возникновении волевого акта. "Это ощущение деятельности носит ярко выраженный возбуждающий характер и в соответствии с особыми мотивами волевого акта сопровождается элементами удовольствия или неудовольствия, которые, в свою очередь, в ходе акта могут сменяться и одно сменяться другим. Как общее чувство, чувство активности представляет собой нарастающий и убывающий во времени процесс, который распространяется на весь ход действия и с окончанием его переходит в самые разнообразные чувства удовлетворения, довольства, огорчения и т. д., а также в различные чувства и эмоции, которые связаны с особым успехом действия"[77] .

Осознание наличия необходимой активности для совершения преступления является первым и основным имманентным эффектом криминальной энергии. Нельзя почувствовать желание совершить преступление, не думать о нем, не желать его, если нет к нему склонности; если организм, а для него и мозг, не затронут специфическим действием внешних или внутренних сил, преобразованных и конкурирующих с тем внешним событием, которое пресечено законом.

Как только преступная энергия приходит в движение, она рефлекторно распространяется и является в первую очередь причиной актов *напряжения*. Сила напряжения зависит от интенсивности центрального возбуждения и зависит от рассеивания возбуждающей энергии, а также от увеличения или уменьшения физиологических динамических эквивалентов. Гипотезы, которые могут быть проверены, разнообразны, в зависимости от интенсивности деятельности, способности эфферентного аппарата, больших или меньших физиопсихических трудностей органической функциональности. Возможно, во-первых, что от начальной эмоциональной стадии до действия проходит лишь незначительный промежуток времени, как если бы внешний акт носил автоматический или рефлекторный характер. Причина этого явления связана с проблемой, сформулированной Джеймсом следующим образом: является ли простое представление об ощутимых последствиях движения достаточным двигательным стимулом, или же для того, чтобы движение произошло, должен существовать дополнительный ментальный антецедент, такой как *fiat*, решение, согласие с императивным предписанием или какой-либо другой аналогичный феномен? И он отвечает, что иногда достаточно одной лишь идеи, но иногда движение сопровождается дополнительным сознательным элементом. Когда движение следует без колебаний и сразу же за мыслью о нем, мы имеем идеомоторное действие[78] .

Импульсивно мгновенные действия, последствия импульсов страсти, вспышек гнева, ненависти без предвидения трудностей и последствий, относятся к активной стадии, описанной здесь. Как только возникает антагонизм между межцеребральными токами, и линии эфферентных движений либо расходятся, либо исчезают, яркость психики уменьшается; силы торможения вновь активизируются, и волевые акты подчиняются типичным фазам, которые полезно напомнить.

За ощущением и осознанием доступной активности, сопровождаемым напряжением, сразу же следует *нетерпеливое стремление поскорее* покончить с нынешним состоянием неопределенности и сомнений, а также дать выход реактивным энергиям. Интенсивность и виды этой тревоги аналогичны видам и интенсивности сентиментальной аффективности мотива. Воля находится между двумя полюсами психической жизни: между эмоциональностью, которая притягивает и поглощает все ресурсы равновесия сознания, и мотивом или суггестивной идеей намерения внешнего действия. Теперь, применительно к делинквенту, следует помнить, что состояние тревоги, упомянутое здесь, очень часто связано с двумя эмоциями, которые мы должны принимать во внимание, - эмоцией *страха* и эмоцией *гнева* или *ярости*.

Ланге, Бейн, Рибо и Моссо дали нам наиболее точные описания физических и психических симптомов страха. Мы обобщим их, следуя Ланге[79], который, если мы не ошибаемся, является самым авторитетным автором по этому вопросу. Страх связан с печалью: в обоих случаях наблюдается паралич волевого двигательного аппарата и спазматическое сужение двигательных сосудов; однако к страху следует добавить спазматическое сокращение всех органических мышц и чувство *угнетения*, с последовательным центробежным мозговым усилием или довольно выраженными внешними соматическими признаками.

Рибо отмечает, что психология страха включает в себя два отдельных момента, которые необходимо изучать. Первый момент, по-видимому, связан с наследственными тенденциями, которые очень ярко проявляются в человеческом младенчестве. Ко второму моменту относится сознательный, разумный страх, предшествующий опыту. Его основой является память, не интеллектуальная, а аффективная; следовательно, страх доступен в той мере, в какой представление будущего зла является интенсивным, т. е. аффективным, а не интеллектуальным, ощущаемым, а не задуманным. Для многих отсутствие страха - это просто отсутствие воображения. [80]

Что касается эмоции гнева, то пока достаточно отметить вместе с Рибо, что она берет свое начало в инстинкте самосохранения в агрессивной форме; и что, согласно Бейну, ее можно определить как: сознательный импульс, побуждающий человека причинять страдания и получать от этого позитивное удовольствие.

Эмоция страха, угнетая реактивную энергию и понижая сознательный уровень эго, заставляет чувство тревоги неразрешенности и сомнения длиться дольше. Поглощенные оценкой вероятности и важности настоящей или будущей опасности; угнетенные смутным и болезненным ощущением зла или вреда, которые вот-вот постигнут нас; встревоженные внезапными представлениями, ускользающими от контроля внимания и размышлений, мы формируем суждение о своем состоянии как о настоятельной необходимости действовать в любом направлении, озабоченные одной лишь мыслью о том, что мы можем оказаться не в состоянии предотвратить грозящую нам неминуемую опасность. Первый период депрессии сменяется вторым периодом волнения, смешанного с чувством ненависти и гнева к тому, кто является причиной угрозы; душевное равновесие частично восстанавливается, и мы осознаем, что чувствуем себя вправе использовать всю свою энергию для отражения опасности, даже ценой нарушения физической или моральной целостности других людей. В этот второй момент эмоция страха очень похожа на эмоцию гнева: обе они становятся импульсивными, с той лишь разницей, что страх удерживается в определенных границах расчетом грозящей опасности, а гнев, вторгаясь во все поле сознания, бурно преодолевает любые усилия по сдерживанию и побуждает к действию. В этом случае большое влияние оказывает решительный или нерешительный характер человека: импульс к упорству в

принятии решения - это, по словам Джеймса, еще один постоянный компонент в сети мотивов.

Быстрая и мгновенная импульсивность эмоциональных актов гнева, ненависти и напряжения, переходящая в реактивную энергию, обычно квалифицируется как *спонтанная* и непреодолимая; в то время как мы считаем *обдуманной* любую склонность, в которой присутствует меньшая степень страстной сентиментальности. В волевой форме обдумывания свобода выбора и действия проявляется с большей силой; считается, что спонтанность эквивалентна отсутствию усилия напряжения, и что в обдуманных действиях мы наслаждаемся *полнотой* власти, не только различая мотив и побуждение, но и принимая решение в одном направлении, а не в другом.

Это иллюзия, которая очень легко демонстрируется анализом генетического момента спонтанности поступков. Это иллюзия, равная другой - предположить, что в психике может существовать состояние абсолютной инерции или абсолютного устойчивого равновесия. Эти различия, которые на обычном языке относятся к качеству внутренних состояний, в суть лишь различия в количестве; и именно поэтому, согласно Ардиго, о спонтанном говорят, когда усилие центра в напряжении минимально, и поэтому ощущение его не ощутимо; о добровольном - когда усилие велико, длительно и многократно, и поэтому ощущение его отчетливо ощутимо. При обдумывании добровольность усилия сопровождается более напряженной психикой; таким образом, в условиях антагонизма контрстимулов активизируется более постоянный идейный ритм, и тормозному отбору удастся изгнать затруднения, возникшие на пути преобладающего мозгового тока.

11. Последний вывод, к которому мы пришли, напоминает нам точное наблюдение Вундта о том, что эмоции, на основе которых возникают процессы желания, все больше и больше уменьшаются в интенсивности благодаря антагонистическому действию различных и взаимно подавляющих чувств, так что в конце концов процессы желания могут возникнуть из сентиментального течения, по-видимому, полностью свободного от эмоций: на самом деле, однако, никогда не бывает абсолютного отсутствия эмоций.

Между тем случается, что нерешительность затягивается, хотя противоположные побуждения ослабевают, и воля не знает, как принять устойчивое направление, не потому, что ей не хватает импульса, а потому, что привлекательное действие намерения не дает о себе знать. Как часто мысль человека колеблется между разрозненными воспоминаниями и противоположными намерениями, непрерывно и угнетающе, и он не в состоянии ухватиться за какое-то разделение, чтобы покончить с мучительным состоянием сомнения! Спустя часы, дни, месяцы вмешательство какого-то неважного мотива, случайное появление которого остается для нас незамеченным, окончательно склоняет чашу весов, и мы чувствуем себя без лишних трудностей втянутыми в работу. Как все это происходит? Механика мозга предлагает нам очень правдоподобную гипотезу. Мы знаем, что ассоциация представлений и идей происходит двумя способами: либо в *линейной* и *временной* форме, либо в *пространственной*.

Линейная ассоциация, по наблюдению Хенле, имеет свое поле действия в одном и том же органе, в органе мышления в виде ассоциации идей, в центральном органе слуха в виде мелодии, ассонанса и так далее. Второй вид, а именно пространственная ассоциация, перескакивает с одного органа на другой, с органа понятий на орган чувственных представлений и наоборот. Она идентична нервной симпатии[81]. Теперь, что пространственная ассоциация имеет своей отправной точкой структуру центральной нервной системы, и что отростки, соединяющие нервные клетки друг с другом, приобретают

тем большую проводимость, чем чаще они используются, являются более или менее правдоподобными гипотезами для объяснения перехода от одного центра к другому с помощью пространственной связи; но трудность заключается даже не в том, что предложил Хенле, то есть в том, как ассоциация соответствующих друг другу представлений выводится из наследия одного центра и другого. Трудность возникает оттого, что между двумя близкими или далекими центрами возникает ток или ряд токов без всякого усилия с нашей стороны или без какого-либо среднего мотива, соединяющего крайние точки, как звено в непрерывной цепи.

Здесь, конечно, мы должны прибегнуть к причине скрытых энергий, в основном наследственных; для которых, в подобных случаях, пробуждаются нервные симпатии, непредвиденные идеальные влечения. Мы видим это, при более систематизированных процессах, в болезненных формах психического дисбаланса: фиксированные идеи, непреодолимые тенденции возрождаются в том же ритме, что и наследственные или атактистические формы; то же самое, без сомнения, верно и для ассоциаций между различными психическими элементами, которые затем являются непосредственными или опосредованными факторами импульсов или волевых решений. Цена причины принятых решений, мы удивляемся тому, как по посторонним или несущественным причинам было совершено тяжкое преступление; более того, если сразу после возникновения мотива ненависти и гнева пациент не проявлял ничего ненормального и никто бы в нем не усомнился, то затем он неожиданно стал автором свирепых актов мести. Мотив ненависти в отдельные моменты ограничивался тем, что приводил в движение деятельность одного представительного и идеального центра; но со временем пробуждались другие центры, близкие или далекие, вступая с ним в связь, иногда случайно; и при слиянии подобных токов в определенный момент происходило слияние и, таким образом, образование новой энергии, обладающей достаточным потенциалом, чтобы унести злую волю. В умышленных преступлениях это явление постоянно, поэтому в таких преступлениях существует предположение о большей вменяемости и устрашаемости преступника; предполагается, что в нем есть фонд дегенеративной извращенности, которую не так легко укротить, ссылаясь на исключительные антропологические склонности.

За исключением, говорю я, второй причины, которая сопутствует этому явлению и относится к изменению органического состояния индивида в течение определенного периода времени. Иллюзия полной свободы воли убеждает нас в том, что всегда и везде мы обладаем достаточной силой, чтобы выбирать и следовать намерениям наших действий. Но дело обстоит совсем иначе. Многое из того, как функционирует мозг, нам неизвестно и загадочно; для многих это аргумент в пользу гипотезы о *бессознательной церебрации*. Несомненно то, что попытка придумать какую-либо идею, восстановить идеальную схему между сходными психическими центрами, воспроизвести уже состоявшиеся представления часто оказывается для нас невыполнимой; и что, пока мы меньше всего думаем об этом, внезапно потоки мыслей и чувств, которые, казалось, были погашены, вновь активизируются и производят чудесные эффекты.

Хенле очень метко замечает, что воля не является абсолютной, а зависит от состояния ума и конкретного развития мыслительной материи. "Насколько произвольны мысли, свидетельствует и апостол, когда говорит, что они обвиняют и оправдывают друг друга. "Они приходят, когда хотят, - сетует Руссо, - а не когда хочу я"; а Лихтенберг энергично характеризует чувство, когда мы почти как зрители наблюдаем за разворачиванием диалектического процесса в нашем внутреннем мире, утверждая, что нужно говорить не "я думаю", а "думаю", как говорят "моргаю". И Гете выражает ту же мысль в столь характерной

для него живой форме: "Зло в том, что всякая мысль не помогает мыслить; мы должны быть праведны по природе, чтобы счастливые идеи предстали перед нами как свободные дочери Бога и сказали нам: вот мы и есть!". Гете учит нас, кроме того, тому, что происходит в интимной мастерской поэта, этими словами, которыми он вызывает мимолетные образы своего воображения в посвящении Фауста

"Окутайте меня собой, возлюбленные призраки,
Как туманом и паром вы"[82] .

Не будем забывать, что в чередовании идей, мыслей и воли в значительной степени приходится полагаться на индивидуальные мнения. Когда убеждения, внушенные чувствами и страстями, объединяются в систему по поводу какой-либо цели, будь то религиозная, политическая или художественная, они образуют мнения (Despine). Мнения освещают всю психическую жизнь; они составляют постоянный фон, от которого расходятся токи направляющих энергий мозговой работы; они дают резервный материал для недостаточных психических процессов.

12. Последний динамический вид воления проявляется в *чередующихся* или *прерывистых* актах импульсивных действий по вышестоящим мотивам. Временная и пространственная относительность активного содержания мысли иногда проявляется в такие отстраненные моменты и для таких разных импульсов, что наше внимание может фиксироваться на отдельном динамическом образовании. Слабые воли, неопределенные характеры находятся на усмотрении сменяющих друг друга, а иногда и несовпадающих мотивов; так что в конечном счете очень неясно, когда было принято преступное решение, каков *был* *действительный* мотив. Прежде чем возникнет *убеждение*, то есть прежде чем психические акты уравновесятся и будут двигаться вокруг фиксированного центра тяжести, человек находится на усмотрении сентиментальной или идеальной деятельности с различными отстраненными суггестивными движениями: последний импульс фиксирует ассоциативное и эмоциональное направление и решает идею действия.

Описанный здесь феномен был удивительным образом прочувствован Альфиери в "*Агамемноне*". Эгист, человек преднамеренной и свирепой мести, заходит так далеко, что подчиняет своей воле Клитемнестру, которая, став жертвой болезненной страсти, должна была служить ему орудием для выплеска ненависти, унаследованной им от своего отца Тиеста, на потомков Атрея. Несчастливая женщина знает, что ее муж Агамемнон возвращается в Аргос после триумфа в разрушенной Трое, и боится за себя и за своего возлюбленного, который вынужден покинуть дворец, где жил в надежде, что, когда царь погибнет в бою, он узурпирует трон. Клитемнестра, мечущаяся между страхами и надеждами, не может оторваться от рокового мужчины, покорившего ее сердце: она просит один день, чтобы придумать средство, но напрасно бьется ее разум, все способствовало тому, чтобы убедить ее, что она должна оставить Эгисфа и уехать из Аргоса, если бы оба не хотели встретить еще большие несчастья. Период неопределенности, мучительной тревоги в ее душе воспроизведен поэтом с точной рельефностью: под наводящим владычеством страсти она замкнута, когитабельна; перед мужем она не может найти способа развенчать свое внутреннее состояние, симулировать хоть один след древней привязанности, связывавшей ее с ним; перед Электрой, его дочерью, она не может ничего сделать, кроме как оправдать Эгиста, и, если при каком-нибудь ласковом воспоминании ей напоминают о пугающей действительности настоящего, она взрывается в порыве гнева и говорит

Sola

С моими мыслями, с ужасным пламенем,
Которое пожирает меня, оставьте меня, я навязываю его .[83]

То, как Эгисто внушает женщине преступное намерение убить мужа, глубоко художественно и слишком правдиво: вдумайтесь в сцену перед четвертым актом; страстный драматизм, убедительная преступная сентиментальность достигают максимума красок и интенсивной действенности. Эгист сначала намекает, потом отстраняется, диссимилируя; Клитемнестра сначала не понимает и хочет, чтобы ее просветили, потом проникается преступной мыслью и, удивленная, восклицает:

Теперь я понимаю тебя... О, что

Какая дикая вспышка ужасного света вдруг
Какая железная молния вдруг озарила мой тусклый ум?
Что за кипение я чувствую в каждой жилке!
Жестокое средство,... и единственное средство... это кровь
Атрид .[84]

И все же она остается потрясенной, но нерешительной; любовной страсти оказалось недостаточно, чтобы решиться на исполнение страшного проклятия. Ее воля находится в том состоянии колебаний, которое характерно для неустойчивого равновесия, вызванного отсутствием преобладающей притягательной силы какой-то идеи или чувства. Но Эгист понимает это и подливает масла в огонь, силы в удар: он признается женщине, ловко скрывая свою лживость, что Агамемнон влюблен в Кассандру, прекрасную деву, которую он увел в рабстве из Трои. Мера полна; Клитемнестра восклицает: "Какой слух!". Эгисф настаивает:

Подождите пока

Чтоб, устав от тебя, он с ней разделит
Королевство и таламус; подожди, чтобы к твоему вреду
Прибавится позор; и теперь один, ты один,
Не пренебрегай тем, что движет
Весь Аргос.

Эффект налицо: Клитемнестра больше не колеблется, она говорит: "Пера Атрида!":

Как?

Какой рукой?

Клитем. ----- Этой, в эту ночь,

В этом ложе, которое он надеется разделить
С отвратительной рабыней .[85]

Но, несмотря на свое решение, через несколько часов у нее уже нет сил осуществить свой злой замысел: с кинжалом в руке, на пороге комнаты, где спит Агамемнон, она останавливается. Ее разум колеблется; волны мыслей, воспоминаний, угрызений совести нахлестывают, бурлят, тревожат, захлестывают ее: из глубины этой страстной души уже поднималась мысль об отступлении, и, возможно, слиянии сопутствующих мотивов, контрудар восторжествовал бы: но появляется Эгисф, и несчастная женщина говорит себе: "Я погибла, увы!"... Внутренняя борьба вновь разгорается под влиянием новых коэффициентов, накопленных виновным возбудителем: вид железа, предложенного ей

человеком, который напоминает ей о крови, пролитой Агамемноном ее собственной дочери Ифигении, вновь разжигает ее; убийственная воля взрывается, и действие ускоряется. Клитемнестра проникает в комнату мужа и закалывает его!...

Какая правда естественного воспроизведения вещей: какое реальное видение душевных состояний, столь мимолетных и столь трудных для понимания!

ГЛАВА X.

Психология преступного действия.

1. Что следует понимать под преступным действием.-2. Ненормальности и отклонения в характере преступника.-3. Состояние психической ненормальности прирожденного преступника: отличительные черты, сопровождающие его преступные действия.-4. Ненормальная психофизическая организация прирожденного преступника: психопатологические особенности его деятельности.-5. Действия невменяемого делинквента; меланхолическая форма безумия.-6. Импульсивная мания; преступные психические одержимости.-7. Рассмотрение *неустового Геракла* Еврипида, пример гомицидальной мании, сопровождающейся импульсивными галлюцинациями; *навязчивые эмоции* с импульсами фобий.-8. Преступные действия эпилептика.-9. Ларвальная эпилепсия или *эпилептический эквивалент*.-10. Преступник по страсти.-11. Психология ненависти.-12. Психология *ревности*: Федра и Медея.-13. Преступные действия преступника из страсти: психология гнева.-14. Рассмотрение Ореста, согласно Эсхилу, Софоклу и Еврипиду, как примера преступника по страсти.-15. Преступник по случаю.

1.- Под преступным действием мы понимаем синтез действий, которые подготавливают, сопровождают и следуют за преступлением. Внешняя работа не только является исполнением того, что разделено внутри, но и самым ярким доказательством этого; тем доказательством, с помощью которого мы, используя индуктивный метод, исходим из установления известного, чтобы прийти к пониманию неизвестного. Именно таким образом судебный ритуал завершает предписания репрессивного закона; ведь вменяемость, нуждающаяся в индивидуализации, чтобы породить ответственность, не может обойтись без данных доказательств факта, собранных и согласованных в соответствии с заранее установленными логическими нормами и освященных соответствующими ритуальными предписаниями.

Тот, кто действует, экстернализирует свою внутреннюю сущность; таким образом, действие есть лишь проявление того, что остается скрытым; того, что является суммой индивидуальной психической жизни, от сенсорных, эмоциональных и интеллектуальных элементов до наиболее полного формирования совести, интеллекта и воли. Поэтому преступление, объективно рассматриваемое в действии, никогда не является *случайным* фактом, полностью зависящим от случайностей времени и места; оно является показателем органической конституции агента, как физической, так и психической: его фактор всегда следует искать, как хорошо выражается Гарофало, в *особенностях индивида*, сформированного природой так, чтобы быть *делинквентным* .[86]

Исполнительные акты различаются в зависимости от цели, к которой они стремятся; цель отражает внутренние намерения и завершает моральную физиономию индивидуального характера. Состав этого характера для делинквента, чтобы быть хорошо понятым, обязывает нас вернуться немного назад и вспомнить несколько психических аномалий, которые информируют о модальностях действия, запечатлевая очень интересные ноты в оценке элементов процессуальных доказательств.

2.- Марро пишет, что характер психики делинквентов определяется главным образом недостатком рефлексии, который, в сочетании с таким же недостатком аффективности, располагает их к более или менее серьезным формам бреда преследования[87] . - Эта аномалия равновесия, зависящая от преобладания болезненной сентиментальности над идеальным содержанием отраженной ассоциации, является причиной частых *навязчивых идей* в сочетании с неустойчивостью намерений и действий; что, на первый взгляд, кажется противоречивым, но тем не менее является правдой. Делинквенты, для тех, кто с ними знаком, - это проигравшие, а не борцы за жизнь, от непобедимой силы фиксированных или повторяющихся идей воображаемых преследований, которые, формируясь и выделяясь благодаря пагубному влиянию растревоженной фантазии, участвуют в психике фоном большой уязвимости, предрасполагая ее к отношению, без труда, в соответствии с неустойчивыми повседневными событиями. От легкой семейной жизни в раннем возрасте до постоянной смены занятий и, наконец, бродяжничества, существование этих несчастных находится во власти вечного прилива и отлива антагонистических сил: личность распадалась бы легче, чем обычно, если бы ее не удерживали неподвижные идеи, гигантские чувства, результатом которых является одержимость ума, изменяющая характер каждый раз, когда импульсы становятся более интенсивными.

Психическая несогласованность является причиной непредвиденности в отношении доказательной возможности, ответственности, действий, которых можно было бы избежать или совершить иначе. Тот, кто рассматривает преступное действие, начиная с совершенного акта, может обмануть себя, если считает, что должен следовать велениям обычной логики, то есть если полагает, что видит необходимую причинную связь между предшествующими и сопутствующими актами преступления. Эта связь существует, но она является следствием аномального психического процесса, поскольку предрасположена и порождена репрезентативными и идеальными факторами, воспроизвести мысленный план которых нам *апостериори* трудно.

Чрезмерное тщеславие преступников объясняет, почему они, с немислимим отсутствием предвидения, рассказывают о своих преступлениях до и после их совершения, предоставляя тем самым самое мощное оружие, которым располагает правосудие, чтобы поймать и осудить их (Ломброзо). Которому, добавлю я, недостает рефлексии, поскольку человек не в состоянии контролировать то, что он говорит или делает: поле зрения разума изменяется потоками навязчивой сентиментальности; эго, оторвавшись от нормальной жизни отношений с окружающей средой, изолирует себя и возвышается в сфере причудливого эгоизма.

3.- Для того чтобы более точно рассмотреть эту последнюю часть психологического процесса преступления, мы рассмотрим отдельно

(а) психологию преступных действий прирожденных преступников, или тех, кто имеет за плечами моральное безумие или эпилепсию;

б) психология преступников по страсти;

в) преступников, совершивших преступление по воле случая.

Начиная с прирожденного преступника, мы замечаем, что в нем состояние психического расстройства полностью организовано на основе наследственных дегенеративных факторов и интегративного слияния аналогичных элементов среды. Наследственная криминальная энергия, вступая в контакт с силами среды, усиливалась, усиливалась и, устраняя из организации индивидуального "я" элементы, чуждые его природе, объединялась с аналогичными спецификациями. Получившаяся психическая форма оказывается без всякого представления внешнего динамического порядка с имманентным порядком состояний сознания: чувство альтруизма, семьи, общительности, симпатии не существует, а вместо него абсолютно доминирует чувство эгоизма, которое располагает делинквента чувствовать себя чужим среди своих товарищей, или скорее в конфликте с ними, потому что они по-другому с ним соотносятся. Если умственное развитие находится на низком уровне, то прирожденный преступник даже не обращает внимания на контрстимулы преступления; для него уголовный закон, мораль, обычаи и общественное мнение как бы не существуют; они редко, если вообще когда-либо, воспринимаются или вспоминаются как стимулы к совершению злодеяния с большей хитростью и изворотливостью. Если же умственное развитие обогатилось определенной культурой, а социальная жизнь усложнилась, то воспоминание о контрстимулах служит усилению фантастической болезненности преступного действия, так как именно оно вызывает из извращенных глубин преступника непреодолимую склонность действовать против зерна, вопреки общепринятому образу чувств и суждений. Борьба за социальное превосходство, которая для нормального человека сопровождается стремлением обогатиться за счет превосходных моральных качеств или больших экономических ресурсов, плодов передовой деятельности, в сознании преступника предстает в виде жестокого антагонизма, злобного столкновения с предполагаемыми врагами или гонителями, без малейших признаков порядочности или благочестия. Малейшего мотива достаточно для совершения самых жестоких злодеяний: читайте в Despine[88], в Lombroso[89] многочисленные примеры преступников, которые оправдывали себя от огромных преступлений, приводя мотивы, казавшиеся смешными предлогами. Судебная полиция, отправляясь на поиски преступника, совершившего любое серьезное преступление, часто ошибается, следуя гипотезам, которые подсказывает ей обычный человеческий опыт; ведь считается, что у преступника должен был быть соответствующий мотив для совершения действия, и что оно должно было быть осуществлено всеми средствами, которые были выбраны и считались более подходящими для реализации преступного замысла. Все это не так: преступление - следствие обстоятельств, тщетного мотива; тальфиата - средство удовлетворения извращенных инстинктов, которые находят в действии завершение неумной активности. Истинная причина закономерного дегенеративного процесса кроется в аномальной глубине души преступника; эту глубину можно угадать, если без тревоги оценить внешние формы действия, которые, хотя и являются немymi свидетелями, достаточно красноречивы, чтобы привести нас к обнаружению истинного агента преступления.

Холодная свирепость и апатичная чувствительность[90] многих убийств свидетельствуют о психическом состоянии преступников. Чувствительность, как физическая, так и моральная, является в целостном человеке плодом органических биологических коэффициентов: если эти коэффициенты отсутствуют, наши поступки должны быть в вопиющем противоречии с общепринятым поведением.

4.- Рассматривая сознательные стадии формирования и развития преступления, мы показали интегративный или дезинтегративный процесс души преступника. Поскольку

теперь мы должны увидеть, как эти элементы отражаются во внешнем действии, уместно добавить другие наблюдения, которые ранее были лишь набросаны.

Ненормальная организация прирожденного преступника проходит через стадии задержанного психического развития: отсюда биологическая и антропологическая связь между морально ненормальными, эпилептиками и преступниками. От состояния идиотизма до недостаточного психического равновесия и полного равновесия существуют значительные степени, на которые психолог обязан обратить свое внимание. "Как бы ни были разнообразны, - пишет Крафт-Эбинг, - степени идиотизма (собственно идиотизма и имбецильности), всегда есть граница, отделяющая его от психической слабости, и она состоит в том, что психические представления, как бы фрагментарны и элементарны они ни были, не могут реализоваться спонтанно и независимо от сенсорных элементов, не могут служить для выработки абстрактных идей (понятий, суждений). Но даже воспроизведение идей, если и происходит, то неполно, как то, что большей частью следует только за внешним возбуждением или органической потребностью, которая дает о себе знать. Поэтому весь ход идейного процесса протекает чисто механически, как если бы идея была сформирована примитивно. Полный идиот не восприимчив к эмоциям. Сочувствие и социальные чувства ему неведомы, он даже не чувствует необходимости жизни в обществе: он пользуется его благами, совершенно не понимая его этического значения. Он способен реагировать только в одном смысле - когда задето его эго, столь ограниченное. Тогда он реагирует самой яростной вспышкой гнева, которая даже преувеличена и проявляется с жестокостью, совершенно несоразмерной ее цели"[91].

Самое нормальное состояние врожденного преступника - это слабость или недостаточность психических процессов. Дефект в сенсорной деятельности, дефект в представлении внешнего мира; лишенные представления об интимной сущности вещей и их мельчайших отношениях; не обладающие необходимым богатством языка для запоминания или выражения идей, превосходящих житейские связи, они нечувствительны к добру и злу других; доверчивы, неопытны, защищаются скорее хитростью кошки, чем предусмотрительностью несколько развитых животных. "Благодаря своей легкой внушаемости слабоумные люди легко подстрекаются к совершению тяжких преступлений угрозами, запугиванием и престижем власти и часто становятся послушными орудиями в руках более извращенных прирожденных преступников"[92]. В заказных убийствах, в соучастии с целью содействия и помощи очень легко встретить людей такого типа: они испытывают на себе обаяние чужого внушения; повинувшись злым инстинктам, они испытывают удовлетворение и удовольствие, чувствуя себя способными, слепыми орудиями в руках другого, совершить какое-нибудь преступное предприятие: Для них совершение преступления требует меньше усилий, чем преодоление обычной апатии характера, потому что в преступлении они находят сильнейший стимул к активности, к внешней жизни. После совершения преступления воображение разгорается и возвышается мыслью о последствиях наказания; общественное порицание поступка эхом удивления отражается на равнодушии ума преступников; так что, увлекаемые течением общественного любопытства и подстрекаемые возбуждением тщеславия, они не умеют долго скрывать свои проступки; но, притворяясь или маскируясь, они настолько подчеркивают свои действия, язык и меры предосторожности, что в конце концов их обнаруживают и наказывают. Во время исполнения проклятия они движутся и сопровождаются таким скептицизмом, что вызывают отвращение: только в определенные моменты, в высший момент действия, их душа будоражится; их мимика кошачья, поспешная до бессознательности. Намерение наживы, мести, вспышка ненависти для этих несчастных скорее внешне являются мотивом злодеяния: их привлекает неизвестность, которая всегда окружает зло: Если оно должно

быть совершенно вероломно, из засады, ночью, опасными средствами, прирожденный преступник, со слабой психикой, более склонен согласиться на него; он видит в трудных обстоятельствах, которыми должен сопровождаться поступок, множество мотивов, пробуждающих в нем новую активность, льстящих его слабости, создающих в нем иллюзию совершения подвигов, равных тем, которые совершают люди, превосходящие его по силе и хитрости. Идея испытать себя в опасностях действия имеет неодолимое притяжение: она внушает апатию, атонию духа, сознание слабости и неполноценности является для преступника источником чувства уныния, отвращения, от которого он ищет всех способов освободиться; первое, что ему предлагают, даже если оно опасно, принимается им с энтузиазмом. Если, таким образом, преступление должно быть совершено несколькими лицами, людьми высшего темперамента и низшими дегенератами, то последние действуют с автоматическим движением: они готовы и точны в приготовлении средств для преступления, они показывают, что находятся на переднем крае, и, как только дело сделано, они приобретают фиктивное сознание такого большого превосходства, что насмеются над своими сообщниками и ставят себе в заслугу весь успех. Но горе, если во время совершения преступления будет застигнута врасплох реакция жертвы или если общественные силы окажутся готовыми арестовать преступников: преступник, о котором мы пишем, охвачен настоящей паникой; у него нет сил, достаточных для сопротивления, ему не хватает мужества людей высокой морали, хотя и с дурной печатью.

К наиболее выраженным формам преступности с дегенеративным фоном относятся случаи морального и эпилептического помешательства.

Невменяемый преступник является жертвой психических изменений, которые приводят к действиям либо через депрессивное состояние сознания, либо через импульсивное состояние. Примером первого типа может служить меланхолическое помешательство, явления которого заключаются в болезненном расположении духа, для которого нет или недостаточно причин во внешнем мире, в упадке чувства собственного достоинства и в общем затруднении разворачивания всех психических процессов, которые могут даже временно прекратиться (Крафт-Эбинг). Человек угнетен тревожным беспокойством, которое окружает его печалью и подозрительностью; будущее мрачно, настоящее гнетуще, лишено надежды и лести. Поэтому меланхолик часто совершает жестокие и неумелые поступки и находится в тисках безудержной импульсивности с яростью. "Эта активность меланхолика, - пишет Крафт-Эбинг, - является всего лишь реакцией, вызванной мучительным волнением совести, которое может дойти до такой степени, что доведет страдальца до отчаяния; и тогда мощное возбуждение, вызванное этим, может, по крайней мере временно, нарушить все внутренние сдерживающие факторы". Эти аффективные вспышки и реакции больного могут порождать болезненные импульсы или болезненные воспоминания с последующими страстными импульсами удивления и ожидания, а также извращенные ощущения, как физические (невралгия и т. д.), так и психические (чувство тоскливой психической анестезии, заблокированное мышление, фиксированные идеи, нерешительность, ощущение, будто болезнь подчиняет его себе). К этому следует добавить, как важные детерминанты действия и как осложнения набросанной до сих пор болезненной картины меланхолии без делирия, определенные ощущения страдания (прекордиальная тревога), способные спровоцировать бурную аффективную вспышку, а также сенсорные галлюцинации и бредовые идеи"[93].

6.- Импульсивная мания заслуживает более серьезного рассмотрения. "Чрезвычайно важным с медико-юридической точки зрения способом проявления состояний психической

дегенерации является возникновение определенных действий, не имеющих своим мотивом четко очерченных в сознании идей, - механизм которых происходит не по схеме размышления о различных возможностях воли, с мудрой оценкой мотивов и решением в пользу того, что представляется правильным, - но в которых идея, побуждающая к действию, еще не успев ясно и отчетливо возникнуть на пороге сознания, преобразуется в действие; или, говоря еще более общими словами, никогда не достигает такой степени, чтобы быть хорошо оцененной и проанализированной совестью. Поэтому и для совершающего, и для наблюдателя поступок представляется неоправданным и потому невыносимым, - способ его совершения сам по себе несет отпечаток вынужденного, импульсивного, инстинктивного действия и удивляет даже самого человека, который его совершает. Оно предстает как органическая необходимость, поднимающаяся из бессознательных глубин психики vii", сравнимая с конвульсией в психомоторном поле"[94] .

Я принимаю теорию Бианки о том, что *навязчивые идеи* - это психические элементы, которые не удается устранить: в плохо организованном сознании (болезненная наследственность или другие дегенеративные влияния) может случиться так, что процесс психического оборота нарушается, и психический компонент, которому суждено мимоходом пройти через поле сознания и попасть в бессознательное, вместо этого остается там и не может быть устранен: точно так же, как иногда некоторые яды, произведенные в организме, и вещества, привнесенные извне, не могут быть изгнаны, остаются и накапливаются в организме[95] . - Это разнородное вторжение психических продуктов, со статической формой или собственно *одержимостью*, и с динамической или *импульсивной* формой (Féré), не сопровождается болезненной эмоциональностью (Morel, Ballet, Seglas, Dallemagne, Pitras, Régis); не зависит от слабости воли (Magnan); не путается с болезнью внимания (Ribot).

Это явление, по сути, является феноменом начала и динамического доминирования.

Неустранение психических продуктов происходит потому, что идейным и эмоциональным потокам мешает какое-то препятствие, мешающее их свободному течению; и, как при слиянии потоков воды, если в одной точке они встречаются без выхода и уклона, возникает журчание, так и в потоке идей и чувств любая остановка приводит к нарушению общего психического функционирования. Сначала вторжение ограничивается одной точкой в поле сознания, которое, понимая это, прилагает все усилия, чтобы избавиться от него: Сразу же после этого, если оно остается бессильным достичь цели, ментальное зрение затуманивается, а затем окружается ослепительными красками; воля сопротивляется, прибегая к помощи идейных и эмоциональных контрстимулов; возможно, ей это удалось бы, но из-за произошедшего функционального нарушения возникают иллюзии и галлюцинации, которые подавляют и полностью изменяют природу сознательного "я".

7.- Классическое художественное представление о мании убийства, сопровождающейся импульсивными галлюцинациями, можно найти в *"Неистовом Геракле"* Еврипида. Геракл после долгого отсутствия возвращается в Фивы, где находился его отец Амфитрион, его жена Мегара и дети. Прибыв в родной дом, он узнает от Мегары, что фиванский царь Лик решил принести в жертву всю свою семью, а его сыновья уже надели на головы погребальные венцы и ждут рокового момента. Он входит в дом, чтобы поклониться домашним богам, решив жестоко отомстить Лику. Тот прибывает в сопровождении своих воинов и, ничего не зная о неожиданном возвращении Геракла, проникает в дом, чтобы казнить Мегару и ее детей. Но, настигнув Геракла, он быстро погибает. Однако по велению богов в сопровождении Ириды прибывает Инсания (*Ἥ Λύττα*), которую называют дочерью-девственницей темной ночи, рожденной от благородной крови Урана и посланной покарать несчастного Геракла. Ошеломленный нунций рассказывает, что Геракл, убив Лика,

приготовил жертву перед алтарем Юпитера: его сыновья были приняты вместе с предком и матерью, и вот уже корзину поднесли к алтарю и вознесли священные молитвы:

Но вот, когда правой рукой тиц
Чтобы тянуть ее, и в воду лучистую погрузить.
Сын Алкмены должен был стать, Он стоял неподвижно,
и молчал. В этом акте, в конце концов
Он остался, и сыновья его
И взор их на него устремил. Он больше не был самим собой.

Идея убийства или одержимость внезапно вторгается в душу с искрой внезапного ощущения или мысли; затем - в предрасположенной местности вследствие личного или наследственного вырождения - она вспыхивает и занимает умственную деятельность больного и может принимать и представлять все различные степени интенсивности болезненной одержимости, либо побеждаемой, либо непобедимой (Ферри).-Сначала происходит внезапная остановка межцеребральных движений; быстрое сужение, с чувством страдания, поля сознания; колебание восприятия реальности; усилие осознать то, что происходит: затем, потеряв равновесие или центр идейных и аффективных движений, глаза, физиономия, мимика представляют очевидные признаки навязчивого бреда.

Растерянные глаза вращались вокруг,
Сангвинические корни устремлены наружу;
А изо рта сочилась пена.
И пена стекала на бородатый подбородок.

Доступ завершен, начинается галлюцинация: больной забывает, где он находится, какие люди его окружают. Среди повторяющихся идей, бурлящих кровью и местью, одна настойчиво засела в его сознании - идея убить Эврисфея, своего второго врага. И человек, который за несколько минут до этого спокойно и хладнокровно рассуждал о том, как и зачем ему действовать дальше, опьяненный бредом неодолимой ненависти, подталкивается, вернее, тащится к этому действию, которое воспроизводится в фантастическом виде, на темном фоне, с мрачными контурами, и в котором он уже считает себя участником с пылкостью человека, стоящего перед лицом ненавистного ему врага.

Затем он разразился

с диким хохотом произнес:
"Отец, к чему мне теперь светиться, пока я не отдал смерть
Эврисфею, искупительному пламени,
И совершить два дела, когда я могу все сделать
Сделать одним? Эврисфея сюда я несу
Отрубленную голову, и больше смертей сразу.
Затем я очищаю свои руки. Вот, вылейте
воду на землю: корзины бросьте ей:
Кто даст мне лук? Кто даст мне булаву?
Я бегу в Микены. Чтобы открыть кирки и рычаги.
Чтобы сломать их, чтобы низвергнуть их
Те стены, которые циклопы однажды
Воздвигнет с подбитой колонной".
Сказав это, он вскоре представил себе

Колесницу иметь, он на нее садится и толкает
(Как будто у него есть упряжь) всадников,
Снимая правую руку. Были эти действия
И смех над сержантами, и страх:
И один другому, подбадривая, говорил
Этот - тому: из нас игра взята
Наш господин, или он в бреду?

Между тем, бегая по дому, он говорит, что прибыл в Мегару; ложится на землю и готовит ужин; затем, поднявшись, борется, обнаженный, без противника перед собой; потом, приказав всем слушать, объявляет себя победителем в игре. Вообразив, что находится в Микенах, он бросает Эврисфею свирепые угрозы, от которых тот дрожит.

Тогда отец хватается за руку и говорит ему: "Сын, что ты делаешь? Что это за странное дело? Неужели кровь, которую ты только что пролил здесь, лишила тебя рассудка?

А Эврисфей отвечает

Тот родитель, кто молит его о руке.
От страха коснувшись его, отталкивает его,
И дротики он извлекает из железа, и лук
Направляет против сыновей своих, убивая тех.
Эврисфея разделяя. Возвышенный
Одни здесь, другие там, эти несчастные;
А один побежал к одежде своей матери;
Один присел на колонну в тени:
Другой, как трепетная птица, стоял
У подножия алтаря. Плачет мать: о жених!
Что ты делаешь? Что ты делаешь? Ты убиваешь своих собственных детей?
Плачет старик и его семья: он не упадет;
А один из сыновей вокруг колонны
Сначала преследует, потом с ужасом в глазах
Обернувшись, бросается к нему,
И в сердце ему вонзает дротик. Супин падает
Маленькое дитя, и мраморное основание
Заливается кровью, душа истекает.

Геракл считает, что убил сына Эврисфея, и продолжает яростно нападать на другого сына: тщетно его возвращают к действительности, галлюцинация длится непреодолимо, пока, бросившись на расправу с отцом, убив его сына и жену, явившаяся Палласа не бросает ему на грудь камень (по Павсанию, софронист, то есть врачеватель ума) и, сдерживая ярость, заставляет его погрузиться в глубокий сон.

Мы находимся на стадии истощения маниакального доступа. Импульсивная энергия, разрядившаяся в бескомпромиссном и вихревом убийственном действии, приводит человека в состояние уныния и прострации. Когда Геракл приходит в себя, он с изумлением обнаруживает, что связан и что, как говорят, совершил; с успокоением возвращается совесть, но, ой!, несчастный может только сожалеть о постигшем его несчастье!

Некий Фортуна, защищаемый мною, финансовым стражем, однажды стоял часовым на посту. Увидев друга, он подозвал его к себе и, находясь в полубессознательном состоянии, передал ему часы с наказом подарить их матери на память. Он отправился в деревню,

выстрелил в первого попавшегося товарища, дошел до караульного помещения и сделал десять или двенадцать выстрелов в своих друзей и начальников, ранив кого-то тяжело. Под крики толпы он борется, защищается, угрожая всем смертью: наконец его ловят, и он, ошалело глядя на присутствующих, погружается в глубокий сон, который длится более часа. Его послушной список был прекрасным; никакие причины не подтолкнули его к преступлению.

Я заявил о частичном умственном расстройстве, что без труда было признано присяжными. На следующий день после вынесения приговора я отправился в тюрьму, чтобы спросить его, не хочет ли он подать апелляцию в Кассационный суд. Я нашел его подавленным, унылым. Разговаривая с ним, я напомнил ему об условиях судебного разбирательства. Он устал на меня, немой, бесстрастный. В какой-то момент речи я понял, что бедняга начал дрожать, его глаза расширились, зрачки расширились. Я понял, что у него начались галлюцинации: через некоторое время он потерял сознание того, где находится, что с ним произошло.

Он потребовал вернуть часы, которые подарил своему другу, приняв меня за него; в итоге он стал угрожать присутствующим охранникам, которые были вынуждены увести его. Мне сказали, что через час или больше он пришел в сознание, едва сохранив проблеск памяти о том, что он сказал и сделал.

Иногда безумие преступления принимает форму *навязчивых эмоций* с импульсами фобии: психический эквивалент заключается во внезапном всплеске сенсорных иллюзий или галлюцинаций. Воля переносится на веру в реальность простых предчувствий, подоплекой которых может быть далекая ненависть или другая страсть: сознание сильно расстраивается и уже не в состоянии воспринимать истинную реальность вещей. Пациент, если доступ внезапный, охвачен мучительной судорогой идей и действий; он считает себя в непосредственной опасности и вынужден реагировать агрессивно.

Р. Р. защищался от меня, однажды он узнал, что его брат, вернувшись из Неаполя, где он остановился, хочет увидеть его и обнять. Он был рад встрече и не замедлил отправиться к себе домой, где его ждал брат. Взаимный прием был ласковым. Вот только во время разговора брат упрекнул его за некоторые разногласия между ним и отцом. Р. устал на него, ничего не ответил. Тогда он стремительно побежал в казармы карабинеров и, испугавшись, попросил помощи против незнакомца, который находился в его доме и пытался убить его и его жену! Бригадир и карабинер бросились туда. Но каково же было их удивление, когда они увидели, что незнакомец - брат Р.? Последний, присутствовавший на месте преступления, настойчиво предупреждал о грозящей опасности, и, как в шутку ответил брат, он посмотрел на ящик, открыл его, достал револьвер и взорвал его в окружении карабинеров, смертельно ранив немца.

Арестованный, он был доставлен в тюрьму, ничего не заметив; однако, когда по дороге друг спросил его, что он совершил, и когда он узнал от карабинеров, что ранил своего брата, он пришел в сознание, что совершил зло, впал в истерику, разрыдался и объявил себя невиновным в том, что он, как говорят, совершил. На суде произошла самая трогательная сцена: все свидетели говорили о сердечной привязанности между братьями: сами карабинеры, присутствовавшие при этом, заявили, что были уверены в том, что это был маньячный доступ. Присяжные сошлись во мнении о частичном психическом отклонении.

8.- А теперь мы скажем о преступных действиях эпилептика. Отсылая читателя к техническим книгам по этому вопросу, мы ограничимся рассмотрением симптомов, которые в

наибольшей степени относятся к психологической части преступника и которые на практике наиболее легко узнать и адекватно оценить. Всего несколько лет назад эпилептическому психозу начали уделять должное внимание в залах суда как с научной, так и с юридической точки зрения. В целом считалось, что эпилептик, если он не совершает преступлений в состоянии доступа, должен отвечать так же, как и любой нормальный человек, поскольку, добавлялось, что болезнь или скованность длится несколько мгновений приступа, после чего сознание возвращается в свое нормальное русло. В настоящее время общепризнано, что эпилепсия сама по себе является психозом и что она влечет за собой психические и моральные нарушения у страдающих ею людей, но все еще считается, что эти нарушения должны быть ограничены некоторыми очень серьезными случаями и теми, в которых действие, по ясным свидетельствам, не является следствием достаточных мотивов и не происходит в русле явно сознательных актов. Отсюда многочисленные трудности и постоянные различия казуистики, недостойные времен, столь продвинутых в позитивных и экспериментальных науках, бесполезные, более того, наносящие ущерб и противоречащие справедливости, когда психиатрия уже сказала свое последнее слово о природе эпилепсии, заверив нас, что ее проявления настолько многообразны и необычны, что мы вынуждены считать, что суждение об их вменяемости должно быть очень осторожным, но таким, чтобы не исключать, ни в какой гипотезе, уменьшения ответственности за частичный психический дефект. Непрерывность и единство в организации психических фактов должны убедить нас в том, что невозможно, чтобы страдающие эпилепсией, даже если они периодически показывают себя вменяемыми, наслаждались полнотой психического равновесия: определенные органические дефекты, присущие интимной жизни сознания, избегают внешнего доказательства, но являются необходимой научной предпосылкой для получения справедливых выводов, которые иначе не были бы поддержаны критериями доктрины и практикой опыта.

9.- Проблема становится гораздо более трудной и сложной в случае ларвальной эпилепсии или *эпилептического эквивалента*. Это, по словам Бианки, психическое расстройство с коротким и быстрым развитием, обычно сопровождающееся глубоким нарушением сознания и более или менее полной амнезией периода длительности приступа. Оно принимает самые разнообразные формы: иногда это любой из психозов, описываемых как *праэпилептические* или *постэпилептические*; разница заключается лишь в том, что отсутствует эпилептический припадок, который заменяется психическим расстройством. Многие рецидивирующие маниакальные или галлюцинаторные психозы короткой продолжительности, о которых соответствующие страдальцы ничего не помнят, являются эпилептическими по своей природе, настоящими психическими эквивалентами эпилепсии .[96]

Физиологический генез этой формы *психической* эпилепсии заключается в крайней раздражительности характера больного, а патологический - в нарушениях, преимущественно наследственных, корковых психических центров, с истощением направляющих сил и частичной или абсолютной атрофией ассоциативных и координирующих энергий внутренних актов и внешних действий, которые являются следствием этого. Сознание либо прерывистое, либо в глубине непрерывного расстройства; память лакунарная; воображение яркое, бурное; сентиментальность с бурным течением и неистовой импульсивностью. Однако нередко эпилептическое расстройство систематизируется в течение достаточно длительного времени; сознание функционирует, но доминирует навязчивая идея или конституциональная неуравновешенность: больной легко и

своевременно подготавливает действия для совершения преступления, выбирает средства, ловит жертву в наиболее подходящем месте и в наиболее подходящее время. Появление факта побуждает судью поднять рубрику полной ответственности с отягчающим обстоятельством преднамеренности или, при отсутствии причинно-следственной связи, с квалификацией жестокого злодеяния. Между тем, психолог отмечает: а) невозможность существования и доказательства тех логических связей между причиной и следствием, которые являются наиболее очевидным доказательством психической нормальности индивида; б) действия эпилептика всегда беспорядочны, внезапны, неистовы, хотя и связаны с предшествующими достаточными мотивами и с предварительной координацией средств. Болезненность поступка проявляется в несогласованной мимике, искаженной физиономии, затуманенном взоре, неполноте слов, отсутствии предусмотрительности перед опасностью реакции жертвы или неожиданности общественной силы; немедленным снижением после преступления активной энергии или полным ее истощением с последующим моральным оупением, склонностью к самоубийству или апатичным безразличием, как у того, кто не чувствует тяжести понесенной ответственности и не содрогается при репрезентативном воспоминании о действиях, составляющих преступление. Наконец, психолог приходит к выводу, что мера вменяемости таких деяний должна оцениваться синтетическим логическим процессом, поскольку если деяния, будь то нормальные или болезненные, но в большей степени в последней гипотезе, отделять друг от друга и оценивать изолированно, то не странно, что можно нарваться на грубую ошибку: единство психического продукта преступления, соответствующего в данном случае эпилептическому эквиваленту, должно в совокупности внутреннего и внешнего функционирования нести на себе отпечаток беспорядка и неуравновешенности, которые могут быть объяснены уже не преступными органическими микробами, а следствием болезненного аффекта.

Читатель, который следовал за нами до сих пор, получит неопровержимое доказательство истинности нашего позитивного направления, чтобы в любом типичном проявлении преступности обнаружить зародыш вырождения, дисбаланса, аномалии. Находится ли душа преступника в состоянии распада, или, что более уместно, она подвержена моральному безумию или эпилептическому психозу, дезинтегративный фон одинаков: внутренние и внешние явления одни и те же, с чередующимися отношениями и течениями, с совпадением всех или только некоторых. Законодатель-патриот, подражая лучшим действующим кодексам, , возможно, поступил мудро, собрав в общую формулировку все многочисленные виды психозов, которые могут уменьшать или исключать, в зависимости от степени, ответственность за инкриминируемые факты. На долю судьи, чей разум уже просветлен светом науки, остается практическая оценка отдельных фактов с общей точки зрения и вывод о признании или исключении уголовной ответственности агента. Научные различия должны быть обоснованными, чтобы иметь определенные правила при изучении фактов; но следствие уникально: убеждение судьи в конечном итоге не должно быть связано с теоретическими деталями, которые иногда, вместо того чтобы просветить, смущают правильность его мышления.

10. Преступники по страсти образуют особую категорию: о них, как замечает Ломброзо, следует говорить как о преступлениях по импульсу, поскольку все преступления имеют в своей основе насилие определенных страстей; но если у привычного преступника, у преступника по размышлению, импульс страсти не является ни внезапным, ни изолированным, а тлеет уже долгое время, постоянно повторяется и возобновляется, и почти всегда связан с размышлением, - то здесь верно обратное.

Страсть имеет свою основу в привязанностях и сопровождается эмоциями либо удовольствия, либо боли. Однако, по мнению Томмазо, страсть разрушительна, она иссушает душу и мучает ее; привязанность поднимает и согревает ее: страсть слепа, неосмотрительна, провокационна; привязанность постоянна, человечна, великодушна: страсть - это поток, который оглушает, затягивает и, чтобы победить, опустошает: привязанность течет тихо, но неиссякаемо, и через различные потоки она спускается, чтобы принести радости жизни в самые потаенные места.

Преступник страсти не имеет стигматов вырождения; в нем чувствительность и эмоциональность развиты до высокой, иногда чрезмерной степени: высшая психическая жизнь, интеллект и рефлексия, несколько менее акцентированы; фантазия, а не воображение, преобладает, порывистая, в сильных красках, в ослепительных оттенках. Страсть, как и любая сентиментальная энергия, организована, систематизирована, кристаллизована, расслоена в сознании. Сначала идея, составляющая ее содержание, чувство, в котором она доставляет удовольствие, протекает по полю сознания как игра воображения: влечение, присущее ему, ускользает от рефлексии и принимается лестью, которой оно окружено, надеждой на желанные будущие намерения, сиянием пеленой света, разлитого во всем ряду представлений, воспоминаний, составляющих текущий материал нашего познания. Мало-помалу то, что прежде оставалось незамеченным, обретает содержание, и мы чувствуем силу медленного, бессознательного, но постоянного обольщения, и тем сильнее, чем больше оно приспосабливается к нравственной среде и увлекает за собой, парализуя их, другие склонности нашей аффективной жизни". Бержье утверждал, что движения страстей не добровольны и что человек просто пассивен, когда он соглашается с ними или подавляет их: нет; пассивность начинается постепенно, лишь с того момента, когда мы принимаем в свою душу зародыш страсти; но, если бы внимание было более бдительным к крепости сердца, силы торможения могли бы отклонить и отразить коварное нападение страсти, и она была бы пресечена прежде, чем ее признали жизненно важной.

11.- У преступников состояние страсти прорастает из контраста противоположных идей и чувств; идея, чувство какого-то блага, которого нам не хватает или которого мы лишены, и идея и чувство ненависти к тем, кто либо противостоит ему, либо противится его обладанию. Именно по этой причине Плутарх писал, что ненависть - это предрасположенность и желание наблюдать за возможностью творить зло^[97]; а Макиавелли - что ненависть порождает страх и что от страха мы переходим к обиде. Между идеей блага, на которое надеются или которое теряют, и убеждением, что кто-то в нем виновен, пролегает пропасть, в которую падают все добрые намерения, альтруистические чувства, идеи симпатии и благожелательности к ближним. Обычно это можно проверить как концентрированную немую ненависть. Усиление чувства отвращения к человеку противника; болезненный отголосок преданной привязанности, полученной обиды; повторяющиеся всплески внутренней эмоциональной энергии; пустота, которая образуется вокруг повторяющейся и первоначальной причины тревоги, страдания, неуверенности, поглощают всю личность и затуманивают разум. Характерна мимика, которая внешне выражает внутренние движения. В начале страсти, если она не проистекает из сильного болезненного импульса, душу охватывает приятная веселость или возбуждение, проистекающее из сознания собственного превосходства перед лицом врага. Как только чувство отвращения сгустилось и реактивная идея оформилась, человек становится озабоченным, мрачным: иногда его лицо закрыто мрачными мыслями; иногда, при внезапной вспышке лестной надежды на месть, сардоническая улыбка с показным весельем касается его губ; глаза блестят зловещим светом, а сердце предвкушает удовольствие от кары, предназначенной для врага. Все реже

и реже спокойствие навевается повседневными занятиями, отвлекающими интересами; но в тот момент, когда мотив ненависти всплывает вновь, душа зловеще сотрясается, и вместе с болью, которая стала острее, мы чувствуем отвращение, неприязнь, усиливающиеся, пока не добавляется чувство особой злобы, которое заставляет и тянет нас к действию.

У женщин ненависть глубже, менее подвержена подавлению: особенно когда она проистекает из страсти преданной любви или ревности, и даже достигает формы бреда.

12. Криминальный психолог должен очень внимательно относиться к этой последней сильной причине ненависти, которая обычно выливается в жестокую месть". Мантегацца попытался дать определение ревности, сказав: ревность правильно означает боль в чувстве любви, которая возникает из-за обиды, нанесенной нам неверностью любимого объекта. Эта боль естественна для всех людей, во все времена и почти во всех расах. Это обида нашего имущества, нанесенная любви[98]. Лучше, однако, Метастазियो:

O di soave pianta amaro frutto,
Несправедливая и жестокая ярость,
Кто ядом питает тебя,
E dal fuoco d'amor gelida nasci.

Декуре в книге, которая, тем не менее, имеет психологическую ценность, пишет: "Ревнивец, тиран и раб друг друга, позволяет себе увлекаться безудержным гневом или гнусно молится: самые причудливые предположения будоражат его больной мозг: поэтому он никогда не успокаивается, ибо подозрения и страхи преследуют его даже во сне. В его жестах, поступках, а особенно во взгляде есть что-то зловещее, пугающее и гасящее всякое сочувствие к страданиям, которые он испытывает. Оправдаться перед ревнивцем невозможно: если движение жалости позволяет ему дать какое-то свидетельство о привязанности того, кого он обвиняет, то в его глазах это свидетельство - не что иное, как ловко рассчитанная диссимуляция. Тогда его подозрения удваиваются; он оскорбляет и угрожает, или, даже поддавшись движению убеждения и раскаяния, признает доказательства, которые ему дают; но вскоре он снова впадает в свои мнимые ужасы и возвращается не менее несправедливым и не менее яростным, чем прежде.

"Вообще, ревнивец старается скрыть от всех муки, которые его мучают; он стыдится их, как гнусной слабости: нередко можно услышать, как он презрительно отзывается о тех, кто предается ревности. Но если он предписывает себе такую сдержанность перед незнакомыми людьми, он компенсирует себя ростовщичеством по отношению к своей жертве, особенно если он приобрел право на нее, чтобы утверждать. Обычно последствия этой страсти наиболее ужасны при глухом и скрытом насилии домашней тирании, ибо тогда происходит борьба между силой и слабостью, и у последней остаются только слезы для защиты"[99].

Греческое искусство запечатлело в Федре и Меее страстное преступление женщины, доведенное до исступления. Эти два типажа Еврипид задумал удивительным образом. Фаэдра, охваченная слепой любовью к своему пасынку Ипполиту, впадает в истерику, отчаивается и, наконец, доходит до болезненного, физического и морального истощения. Она понимает, что является рабыней Ципригны, и борется со слепыми порывами, которые овладевают ею: то молчит, замыкаясь в себе и уходя в домашние стены и семейные заботы, то в отчаянии признается во всем своей кормилице.

Она прекрасно понимает, что в ней наследственно воспроизводится жестокая страсть ее матери Пасифаи, которая влюбилась в белого быка, увиденного в долинах Иды на Крите, и, *запутавшись в щепках* деревянной телицы, сделанной Дедалом, создала свою копию, в результате чего родился минотавр. Кормилица Федры пытается помочь ей и рассказывает об этом Ипполиту, который в ужасе грозит рассказать обо всем отцу. Фаэдра, терзаемая неудовлетворенной страстью и мучимая страхом позора, решает покончить с собой, но в то же время она задумывает преступный план - отомстить добродетельному юноше, выдвинув против него самое позорное обвинение. Своей кормилице она признается:

Сегодня, уходя из жизни, я, такая счастливая
Поступлю с Циприньей, что на гибель меня ведет.
От горькой любви я умру; но, преследуемый
Но и другому я смерть свою подарю,
Чтоб видел он зло моих печалей.
Альтеро и уйдет. И он, доказав свою роль
Из этих бед пусть он научится смиренью .[100]

Она вешается, но в надписи говорит, что сделала это потому, что ее оскорбил Ипполит!

Медее - олицетворение ярости ревности. Она, выданная Ясоном за другую женщину, скрывает свои глубокие страдания, притворяется спокойной и покорной и, чтобы наказать своего обидчика, убивает его невесту, убивает собственных детей и признается в своей радости от того, что сделала это! .[101]

13.- Преступник, совершивший преступление в порыве страсти, жертва пылкого, аберрантного влечения, редко придерживается заранее разработанного плана совершения преступления. Он безрассуден; он использует первое попавшееся под руку оружие; он наслаждается демонстрацией свершившейся мести . Он встречает опасность с безрассудной смелостью именно потому, что твердо уверен: без выхода страсти, в которой он взбудоражен, существование будет невыносимым: любой ущерб, который может последовать, будет меньше, чем буря, которая приводит его в смятение. После совершения поступка преступник, охваченный страстью, не избегает осуждения общественного мнения, которое, как он знает, благоприятно для него; он отдается на волю общества и без умолку признается в своем поступке.

Как только наступает спокойствие, его охватывает раскаяние, и под тяжестью постигшего его несчастья он сожалеет, плачет, показывает себя покорным и удрученным". Ломброзо справедливо замечает, что такие преступники в гораздо большей степени, чем обычные преступники, похожи на импульсивных безумцев, а лучше на эпилептиков, из-за стремительности, мгновенности и свирепости их поступков, некоторые из которых, отметим важную аналогию, часто лишь неполноценно помнятся.

Сходство тем более верно, что они - жертвы *гнева*, вспышку которого Гораций и Петрарка сравнивали с *кратковременной яростью*. Древние, как и современные писатели, имели полное представление о нем, а Сенека написал три книги о *гневе*, с которыми я бы пожелал ознакомиться тем, кто хочет получить ценные знания по этому вопросу. "Некоторые мудрецы, - пишет он, - говорят, что гнев - это краткое безумие, ибо он также лишен способности управлять собой; он не помнит чести, не помнит дружбы: упрямый и стремящийся к тому, что он когда-то начал, он закрывает путь к разуму и совету и, возбуждаемый тщетными причинами, не способен отличить добро от зла, подобно развалинам, которые рушатся и разбиваются о то, что они угнетали. Но чтобы вы знали, что те, над кем властвует гнев, безумны, обратите внимание на их одежду: ведь как смелый и грозный вид, меланхолический

лоб, мрачное и горькое лицо, торопливая походка, беспокойные руки, изменившийся цвет кожи, густой и тяжкий вздох являются верными признаками безумия, так и признаки гневливого человека. Глаза - пурпурные и огненные, весь облик - жгучая краснота; кровь кипит в самых глубинах предсердий, губы шевелятся, зубы стиснуты; волосы вьются и встают дыбом; дух в них сужен и кричит, конечности, извиваясь, гудят; Они вздыхают, режут и говорят прерывистыми голосами, которые плохо поддаются объяснению, и их руки часто ударяют друг друга; они бьют ногами по земле, и все их тело движется, произнося множество угроз гнева, и их лица уродливы и страшны на вид, ибо они искажены и распухли. Нельзя сказать, есть ли более отвратительный или уродливый порок. Другие вещи можно скрыть и замаскировать, а гнев прорывается наружу и выходит на лицо, и чем он сильнее, тем явственнее выплескивается наружу. Разве вы не видите, как у всех животных, как только они поднимаются, чтобы причинить вред, они подают знаки, и что во всем теле они выходят из своей обычной и спокойной привычки, и возмущают свою гордость? У свиней изо рта идет пена, они скрежещут и точат зубы, хрустя ими; быки шевелят рогами на ветру и разбрасывают ногами песок; львы дрожат; змеи поднимают шею; разъяренные суки страшны на вид. Нет такого страшного и пагубного по своей природе животного, которое, будучи охвачено яростью, не проявлялось бы в нем с новой гордостью. Я знаю, что другие привязанности никогда не скрываются, что похоть, страх и дерзость дают о себе знать и могут быть предотвращены. Ибо нет такого бурного размышления, пробуждающегося в нашей душе, которое бы не двигалось в лице. Так в чем же разница? Что появляются другие привязанности, то обнаруживается и проявляется более всего эта"[102].

И Сенека проводит различие между действиями, которые можно отнести к страсти гнева, и действиями, которые являются следствием *нанесения ран*; как в случае с теми, кто обычно жесток и жаждет человеческой крови, не получив увечий: не стремясь бить и рвать людей ради мести, но ради удовольствия. Он приводит в пример жестокого Ганнибала, который, увидев яму, полную человеческой крови, сказал: "О, прекрасное зрелище!"; и пример Волесо, который, будучи проконсулом Азии при божественном Августе, за один день обезглавил триста человек и, проходя с гордым лицом среди мертвых тел, как будто совершил величественный поступок, достойный восхищения, воскликнул по-гречески: "О царственное дело!" Философ заключает: что бы он сделал, если бы был царем? Это был не гнев, нет, но большее и непоправимое зло! .[103]

14.- В трудах по криминальной антропологии вы найдете множество примеров, иллюстрирующих краткие психологические наблюдения, изложенные здесь; и разве не достаточно повседневного опыта зала суда? Лучше, я думаю, напомнить читателю о самом совершенном трагическом представлении, дошедшем до нас из древности, о типе преступника по страсти: я имею в виду Ореста. С ним имели дело Эсхил, Софокл и Еврипид: первый трактовал преступление страсти с глубиной, проистекающей из интуиции самых аскетических тайн человеческой природы; второй - с сентиментальностью и фантазией искусства, черпающего вдохновение и краски в гармоничной красоте граней и контрастов; третий - в соответствии с имманентной и спонтанной реальностью обычных явлений жизни. Замечено, что у Ореста много общего с Гамлетом: сходство в исторических событиях мести, навязанной необходимостью событий, в мучительном контрасте между видимостью действия и глубинами души, в одинаково неблагоприятном конце. Разве что Орест, соизмеряющий действие с неопровержимой волей богов и неперенным толчком судьбы, имеет меньше личного содержания и изображает в себе психологическую неясность той греческой жизни, которую великий поэт назвал тенью мечты. Гамлет - это современный человек, весь в размышлениях, скептицизме, сильном чувстве, сдерживаемом сомнениями выбора, нерешительностью поступка.

Орест, действительно изгнанный из дома, растёт по милости друга, питая в сердце надежду, страсть к мести своей матери Клитемнестре, а также своему обидчику Эгисту, виновному в убийстве его отца Агамемнона. Электра, сестра Ореста, присоединяется к делу мести, душа, теперь уже мрачная или симулятивная, но упорная в своей ненависти, вдохновляющая на средства, вполне соответствующие намерениям: она с наводящей сентиментальностью устраняет сомнения из головы брата, побуждает его к действию. У Эсхила^[104] сцена, в которой Орест после убийства Эгиста предаёт свою мать смерти, отличается слепым, бурным порывом человека, порабощённого властной страстью: напрасно женщина напоминает сыну о той груди, из которой он нежными губами сосал живительное молоко и на которой столько раз засыпал. Орест испытывает не жалость, а сомнение и просит совета у Пилада: на напоминание ему об оракулах Аполлона и священных клятвах отвергнутый сын говорит

Винс, я чувствую.

Твое справедливое мнение - следуй за мной; я
Там, у него, в обмороке. Он жив
Ты ценишь больше, чем отца моего:
Мертвый теперь лежит с ним; тогда, что ты любишь
Такого человека, а того, кого ты должен был любить, отвратил.

Но как только расправа совершена, преступника страсти охватывает своего рода психическая эпилепсия, с функциональными нарушениями и галлюцинациями. При хоровом восхвалении он, который чуть раньше демонстрировал удовлетворение от двойного преступления, восклицает:

Ахи-ахи! Что я вижу?

Как Горгоны, закутанные в черные одежды,
Вот они, о женщины, и с толпами змей
крутят свои гривы... Я не могу больше оставаться.

Хор зовет его обратно и спрашивает, какие фантазии его тревожат; Орест отвечает:

Не фантазии, не фантазии: фурии
Его матери.

Хор:

Свежая кровь

На руках твоих: поэтому бойся.
На душу твою она падает.

Орест:

О сир Аполлон!

Толпа растёт, они толпятся, и из их глаз
Кровь сочится из глаз.
Мужайся; Аполлон приближает тебя к алтарю:
Он освободит тебя от этих бед.

Орест:

Вы

Вы не видите их: я вижу их; и я слышу,
Я чувствую, как они давят на меня, и я не могу больше оставаться!

Софокл[105] представляет Ореста несколько спокойнее: в нем ненависть, улегшись, имеет меньше подобия импульса: Электра более свирепа. Пока Орест закалывает свою мать, а она умоляет его о пощаде, дочь насмехается над ней; а когда несчастный кричит: "Ай! Я ранен!", она подстрекает убийцу, говоря: "Еще, если можешь, рани!"

У Еврипида[106] резня осуществляется с предварительной координацией времени и места и с выбором средств. Клитемнестру обманом заманивают в дом Электры, которая обручена с крестьянином; Эгист встречает Ореста и Пилада с приветливостью, подобающей двум гостям, и приглашает их принять участие в жертвоприношении. Сначала убивают его самого, а затем его жену. И здесь Орест колеблется перед мыслью предать мать смерти, но Электра убеждает его сделать это. Совершив преступление, они охвачены волнением и раскаянием: они видят пропасть под ногами и пытаются вызвать жалость: Орест, однако, замечает:

То разум твой, то душа твоя
Твоя вертится, как ветерок дышит.
Теперь ты благочестив в чувствах, благочестив в мыслях:
А раньше такой ты не была,
Когда, о сестра, сказать
Ты побуждала брата, который не хотел, к действию.
Ты видела, как одежды твои
Срывает несчастный,
Обнаженная, мучительно показывая мне свою грудь...
Ай, ай, отпусти меня! ...и колени мои на земле.
На колени поставила, несчастная! И я был лишен
От жалости и горя!

С большей естественностью замысла Еврипид в другой трагедии, "Орест", изображает последствия преступления. Орест, охваченный безумной яростью, впадает в состояние крайнего истощения, лицо его мрачно, волосы щетинятся, и он непрерывно лежит, вытянувшись в постели. Время от времени на него нападают приступы галлюцинаций: Электра, которая из угрызений совести видит, как *лучшая часть ее жизни прошла в стогах и стенаниях, в бессонных и слезных ночах*, помогает ему, утешает его; но она прекрасно видит, что это *безумные порывы*; хор говорит о *бушующей мании*, а Менелай хочет знать, когда она впервые разразилась.

Когда возникла опасность быть побежденным аргивянами, он восстановил свои силы, вернулся к своей обычной ярости и встретил гнев врагов неустрашимым, *положив смерть за смертью*, как выражается Менелай; и, как он сам говорит, он никогда не уставал убивать царских женщин. По мере нарастания опасности страсть разгорается и превращается в порыв разрушения: он готов поджечь дворец и в присутствии отца предать пламени другую жертву (Гермиону): та, Менелай, просит пощады, но тот тверд и приказывает Электре зажечь пламя внизу, а Пиладу - поджечь высокие помосты. Злой замысел был бы осуществлен, если бы Аполлон не явился вовремя, чтобы успокоить буйную душу Ореста и положить конец печальной истории насилия и преступлений.

Таким образом, Греция, в которой гармонично сочетаются способности и действия, искусство и практическая жизнь, восторг перед красотой и героическое самопожертвование ради торжества добра (что Сократ, применительно к дидактике, выражал словом "музыка"), олицетворяет тип преступника по страсти, окруженного сходными с ним субъектами и материализованного в форме искусства, которому наука все же завидует в совершенстве интерпретации истины и деталей.

15.- Мы завершим рассмотрение психологии преступных действий, написав о преступнике случая.

Ломброзо, признавая существование преступника возможности, считает, что последний не представляет собой однородного типа, как это мог бы сделать преступник рождения или преступник страсти; он состоит из многих разрозненных групп, и прежде всего из псевдопреступников, а затем из собственно *криминоидов*^[107]. Итак, Ферри отмечает, что из двух состояний, в которых преступность психологически обусловлена моральной бесчувственностью и непредусмотрительностью, в первом случае преобладает преступление случая, а во втором - врожденная и привычная делинквентность; Потому что, если у врожденного преступника прежде всего отсутствие нравственного чувства не удерживает его от преступления, то в преступлении возможности, напротив, это нравственное чувство существует и гораздо менее тупое, и только, не помогаемое живым предвидением последствий преступления, оно уступает внешнему импульсу, без которого было и было бы достаточно, чтобы удержать путь прямым^[108]. Я считаю, что приведенные здесь наблюдения, хотя и содержат, по-видимому, определенную значимость, не объясняют психологического генезиса преступления упущения. Предвидение, в большей или меньшей степени, последствий собственных действий или действия стимулов, которым мы подвержены, не побуждает нас понять, почему на практике так много недобросовестных людей, которые все время расхищают свои экономические состояния и совершают плачевные ошибки, но которые, однако, когда сталкиваются с преступными мотивами, умеют им энергичнее противостоять.

Психологический генезис преступления случая - это преступная энергия, которая за отсутствием организации остается в латентном состоянии, не имея такой степени развития, чтобы вызвать индивидуальные отчетливые тенденции. Таким образом, зародыш преступления есть; не хватает лишь почвы, на которой он мог бы оплодотвориться и вырасти. Вот почему у случайных преступников нет ярко выраженных типов, и Ломброзо пришлось искать их среди разрозненных групп и особенно среди псевдопреступников. Жизнь взаимоотношений с внешним миром и окружающими людьми - это комплекс стимулов, которые при благоприятных обстоятельствах побуждают нас нарушать этические нормы и санкции закона. Когда психическое равновесие хорошо укреплено и стабилизировано, сила стимула либо остается незамеченной, либо легко преодолевается.

ГЛАВА XI.

Психология преступных совокупностей.

1. Отношения между индивидуальными сознаниями.-2. Законы интеграции и дезинтеграции сознания при его излучении во внешний психический мир.-3. Свет и тепло излучаемых энергий; качество рефлекторных токов.-4. Динамический ритм конкурирующих психик.-5. Бессознательная душа толпы: виды вменяемости совершаемых ею преступлений.-6. Организация энергии толпы.-7. Эмоции толпы; их ритм депрессии и экзальтации.-8. Экзальтация в форме психоза с эпидемическим влиянием; болезненная страстная заразительность чувств и идей.-9. Действие *meneurs* в толпе.-10. Ассоциация для совершения преступления; прорастание и развитие микроба ассоциированного преступления.-11. Форма и выражение эмоций и комплекс этических принципов, лежащих в основе ассоциированных преступных действий.-12. Душа толпы и душа преступных сообществ.

1.- В другой работе[109] мы писали: индивидуальное сознание следует рассматривать как центр многих сходящихся деятельностей, как энергию, возникающую в результате накопления агрегатов компонентов, которые в череде внутренних состояний, преобразуясь, сохраняют свою сущностную природу. Выходя из сферы чисто индивидуальных действий и согласовывая их с действиями других индивидов, мы понимаем, что между индивидуальными сознаниями могут существовать отношения, открывающие путь к очень важным понятиям, представляющим интерес как для студента общей психологии, так и для криминального психолога.

Индивидуальное сознание, как деятельность, излучает во внешний мир и передает свою энергию, вовлекая в свою орбиту концентрическую деятельность сознаний других людей. Слово "концентрическая" выражает условие, при котором центры сознания должны быть схожими, то есть иметь характеры, которые не устраняют друг друга, нейтрализуя передаваемые энергии.

В той мере, в какой сознание излучается во внешний мир, оно подчиняется законам интеграции и дезинтеграции, описанным ниже:

1^a Психические элементы активного сознания, не находя контраста сопротивления в элементах пассивного сознания, отдают свою энергию таким образом, что новая психическая совокупность представляет собой ассоциативное соединение предшествующих элементов, дополненное ассимилированными элементами.

Интегративное или дезинтегративное действие одного сознания на другое происходит путем сложения или вычитания: содержание внутренних состояний увеличивается за счет участия активности; тон личности изменяется за счет частичного лишения тех черт, которыми была отмечена прежняя индивидуальная психическая физиономия. Все это происходит через ассоциативный акт психических элементов; ибо в области сознания прогрессивный ряд состояний производится последовательными связями отношений и процессов.

2^a Пассивные психические элементы, ассимилируя участвующую энергию, дифференцируются; и, либо еще более интегрируя предшествующую совокупность, либо дезинтегрируя ее, они остаются, по мере своего преобразования, в содержании активного сознания.

Дифференциация психических элементов при аналогичной интеграции системы свидетельствует о прогрессе пассивного сознания, что, впрочем, происходит и в отношениях между учителем и учеником, начальником и подчиненным. В гипотезе дезинтеграции, с другой стороны, пассивное сознание теряет свое особое содержание и моделируется на интимной природе сознания, чьей поглощающей энергии оно не смогло противостоять. Это

встречается в слабых или неразвитых характерах, которые очень легко подчиняются подавляющему влиянию других.

3^а Трансформация, интеграция или дезинтеграция, пассивного сознания происходит из-за сходства его элементов с элементами сознания других людей.

Любое психическое изменение, как следствие энергии участия, зависит от степени специфической восприимчивости элементов, из которых состоит совокупность; эта степень соответствует большей или меньшей идентичности элементов по отношению друг к другу. Элементы сознания, хотя и входят в состав агрегатов, сами по себе являются соединениями примитивных психических коэффициентов; поэтому между ними, как между материальными частицами, действует закон когезии, обозначающий взаимное притяжение молекул одного и того же тела, то есть молекул, которые не распадаются на атомы, а обладают органической идентичностью. Для Ардиго *психическая когезия* - это закон, по которому в психических образованиях элементы состоят из мелких или крупных связок. Сплоченность максимальна в *восприятии*, средняя в *идеальных* образованиях, минимальная в *логических* отношениях: фундаментальное правило состоит в том, что сплоченность находится в обратной зависимости от сложности психической работы.

4^а Из участвующих энергий те, которые из-за недостатка способностей пассивного сознания не были ни парализованы, ни ассимилированы, порождают импульсивное состояние автоматического ассоциативного действия.

Движение, передаваемое столкновением, так сказать, двух психических агрегатов, либо входит в поле зрения пассивного сознания, и тогда последнее преобразует содержание в новую систему коэффициентов; либо оно частично останавливается за порогом сознания, и тогда, продолжая притягательную импульсию, оно действует и втягивает, с автоматическим действием, элементы, подчиненные его орбите.

3.- Помимо интегрирующего или дезинтегрирующего воздействия на агрегаты сознаний, излучаемые энергии содержат, в отношении передачи психической активности, степень *света*, имеющего свой онтологический эквивалент в *истинной* коммуникации, а также степень *тепла* для вызываемых *аффективных* явлений.

Излучаемые или передаваемые токи, выходя наружу, возвращаются, отражаясь, в центр происхождения, усиливая интенсивность зрительного поля. Это будет легко понять, если учесть, что поглощение, о котором мы говорили, со стороны активного сознания есть не что иное, как накопление активности, которая притягивается и возвращается в исходную точку импульсивного движения. Кто хочет получить пример этого, подумайте, насколько укрепляется сознание убеждения того, кто, поставив себя в связь с другими, убежден, что он пользуется их одобрением.

4.- От союза двоих до более сложной формы толпы правонарушителей динамика конкурирующих психик следует ритму дифференциации, которая начинается с идентификации двух волей в одной и приходит к формированию коллективного сознания, крайним выразителем которого является результат, в котором мы имеем только зародыши в участвующих индивидах. Как и в динамике мозга, каждая *психическая клетка*, по выражению Геккеля, живет собственной жизнью, но в согласии с бесчисленными другими клетками превращается в элемент органа мысли; в составе индивидов, хотя каждый сам по себе является интегрированным сознанием, в союзе с другими он вносит вклад в психическое формирование коллектива, который выполняет более или менее разнообразные функции. Суггестия и имитация, к которым прибегали для установления

причины динамического феномена психической совокупности, являются лишь кажущимися или случайными данными: глубинный механизм заключается в синхронизме токов энергий, передаваемых и накапливаемых в едином центре, который, не имея отдельного или независимого существования, проявляется в совершенствовании единой *сложной деятельности*, подобно тому как мысль и индивидуальное сознание следует рассматривать как результат бесконечных психофизических компонентов, которые, взятые отдельно, имеют свою собственную жизнь и энергию.

В глубине души толпы много бессознательного, того бессознательного, что является отголоском совпадающих энергий, которые из-за стремительности действий и неполного ритма, присущего неустойчивому равновесию страстных чувств, замирают за порогом сознания и, кружась, время от времени побуждают к неточным намерениям. Верно, что действенность идеи, общей мысли, к которой относится начальное движение действия, распространяется на всех собравшихся индивидов; но верно и то, что между наступившим эффектом и его побудительной причиной, хорошо обдуманной, никогда не будет найдено ни логической пропорции, ни динамической эквивалентности. Бессознательное, о котором мы говорим, заключено в жестах, в неустойчивости воли, в неосознанных акцентах, в бессмысленных действиях, которым вторят чувства ненависти, симпатии без ясной причины; стремительное разворачивание свирепых действий, немыслимых для каждого из соратников; буйная экспансивность для целей либо неизвестных, либо самих по себе трудно просчитываемых.

Я, который в качестве адвоката наблюдал за процессами по делам о преступлениях, совершенных толпой, убедился, что ослабление ответственности присуще общему состоянию бессознательности, которое сопровождает одновременное участие всех, кто принимал участие в действии. Создается впечатление, что все, кроме тех, кто заранее спланировал действия, действуют в условиях *психологического автоматизма*, вплоть до того, что забывают, что каждый из них сделал, и отрешаются от того, чего все, с очевидного согласия, хотели добиться. Судья часто не верит в чистосердечность признаний обвиняемых, подозревает их в недобросовестности и бежит за фантастическими и надуманными обвинениями агентов общественной безопасности, которые, не зная, как углубить свои суждения о том, что действительно происходило на их глазах, прибегают к таинственной работе подстрекателей и выдвигают преступные намерения, которые никогда не были в голове у осуждаемых.

Проблема ответственности за коллективные действия никогда не будет решена, пока не выработается привычка игнорировать, для оценки общих действий, работу отдельных людей. Короче говоря, ответственность толпы должна быть освещена концепциями, совершенно отличными от тех, которых мы обычно придерживаемся при оценке индивидуальных преступлений, независимо от того, совершаются ли они в одиночку или являются следствием коллективных мотивов. Большее или меньшее участие, подтверждаемое совпадением нескольких человек в преступлении, может зависеть от большей или меньшей воли и действий во внешних актах. Для толпы все обстоит иначе. Самые волевые, самые активные не всегда самые опасные; но таковы те, на чьей психике наиболее сильно ощущается притягательное или отталкивающее совпадение психик других людей. Именно они слабее всего сопротивляются, и в этом их нельзя упрекнуть; ведь в психической совокупности нескольких конкурентов отражение и сопротивление даются легко, но в толпе это труднее всего, поскольку по закону торможения все усложняется тем, что нам не дают отделить нашу индивидуальную энергию от энергий окружающей среды, которым мы подвергаемся.

Сигеле пишет, что толпа - это почва, в которой очень легко развивается микроб зла и в которой почти всегда гибнет микроб добра, не находя там условий для жизни; это происходит потому, что в толпе добрые способности индивидов, вместо того чтобы складываться, ускользают. "Они ускользают, во-первых, по естественной и, я бы сказал, арифметической необходимости; как среднее из многих цифр не может, конечно, быть равно высшей из этих цифр, так и совокупность людей не может отражать в своих проявлениях высших способностей, свойственных некоторым из этих людей; она будет отражать только средние способности, живущие во всех или, по крайней мере, в огромном большинстве индивидов. Последние и лучшие пласты характера, сказал бы Серджи, те, которые цивилизация и образование сумели сформировать в немногих привилегированных индивидуумах, затмеваются перед средними пластами, которые являются достоянием всех; в сумме они преобладают, а остальные исчезают"[110] .

6.- Наблюдение Сигеле и Серджи очень острое, но его объяснение кажется не совсем ясным. Почему лучшие индивидуальные качества затмевают средние слои общей массы людей? Причина кроется в большей организованной энергии тех состояний сознания, которые с течением времени и под действием естественного органического отбора приобрели большую компактность и единство. Ствол дерева всегда более устойчив, чем лист и маленький цветок, последними проросшие на его ветвях. Преобладающие и исключительные качества индивида, по сравнению с фундаментальными и стратифицированными качествами сознания, имеют меньшую силу сцепления при передаче своей энергии на дно души сообщества. Отсюда сила обычаев, привычек, общепринятых верований, предрассудков. Преступление очень часто является плодом чувств и идей, проросших в моральной среде ложных принципов, ошибочных убеждений, бессознательных и слепых страстей. Толпа - это прежде всего жертва этой моральной среды. Предложения, советы, действия немногих привилегированных не могут поколебать, разрушить злой слой общего сознания. Напротив, случается, и это редкость, что в силу естественного динамического закона поглощения немногие в конце концов уступают место большинству не только потому, что материально бессильны сопротивляться, но и потому, что их энергия, вливаясь в широкий поток чужой энергии, преобразуется и исчезает, уносимая течениями, существенно изменяющими их характер. Если чистая вода попадет в нечистое течение реки, она быстро потеряет свою чистоту и окажется отождествленной с огромной массой жидкости, с которой она смешалась.

Это постоянный закон, что энергии, физические или психические, находящиеся в контакте, имеют тенденцию к взаимопроникновению и объединению. Преобладающий центр притяжения, или ядро новой совокупности, фиксируется сродством подобных энергий; результирующая не только включает в себя их сумму, но и отмечает степень их *идентификации*.

7.- В толпе, в частности, необходимо оценить состояние эмоциональности. Эмоции, по мере того как они складываются, усиливаются и нарастают. Это происходит в прямой зависимости от индивидуальных стимулов и в обратной зависимости от контрстимулов, устраняемых или ослабляемых средой преобладания противоположных тенденций.

Эмоции толпы сначала возникают с *депрессивным* характером, со временем принимая характер *экзальтации*. Контрстимулы спокойствия, порядка подавлены: тогда возникает импульсивность к подчиненным и некомпетентным действиям. Ритм непостоянен: хаотическое состояние или смятение, которое тревожит совесть и заставляет каждого, неуверенного в себе, колебаться и колебаться в неустойчивом равновесии чувств и идей, сменяется течением активных токов, которые, фиксируя один или несколько центров

эмоций, завершаются запечатлением на новом агрегате физиономии и тона непредсказуемых поступков. Экзальтация производит эффект приостановки автономного функционирования каждого сознания: над духами агрегатов растекается пеленой печальный свет, собирается облако, которое, лишая зрителя возможности легко различать характерные черты и физиономию каждого участника, устраняет индивидуальные инициативы, путает и отождествляет их в единстве синергетического продукта.

Преступное действие, для тех, кто игнорирует его генезис в близких или далеких мотивах, имеет вид вспышки молнии: оно удивляет стремительными фазами; у него нет других границ, кроме случайных трудностей момента; оно течет с пугающей быстротой бурного потока и, когда оно заканчивается, оставляет после себя разрушения и убожество, но не доказательства того, кто должен нести ответственность.

8.- Иногда экзальтация, вызванная благоприятными обстоятельствами времени, настолько овладевает душой толпы, что порождает настоящую форму психоза с эпидемическим влиянием. -Росси, которого я считаю истинным основателем коллективной психологии в Италии за его глубину и оригинальность видения, пишет: "Чувство или идея, которые распространяются с более или менее большой скоростью; которые завоевывают, более или менее быстро, многих людей, которые твердо и решительно верят в них, - это психическая эпидемия. Таким образом, это "идеозэмоциональное состояние, которое распространяется от одного или нескольких человек ко многим так быстро и интенсивно, что приводит к остановке потока сознания и доминирует над ним, порождая странные явления психологии и невропатии". Таким образом, элементов эпидемии или психической заразы три: идеозэмоциональное состояние, аномальное распространение, остановка и увеличение поля сознания, способное породить аномальные явления тела и психики. Мы сказали "идеозэмоциональное состояние", то есть состояние сознания, поскольку одна идея или одна эмоция сами по себе не могут вызвать такого поведения, такого изменения характера, как психическая эпидемия. Которая для тех, кто ею охвачен и увлечен, дает новую личность. Этого бы не произошло, если бы содержанием эпидемического психоза не были мысли и чувства, так как теперь известно, что характер дается не меньше чувствами, чем мыслями. Кроме того, как мы уже неоднократно говорили, те, кто составляет большинство толпы, - это аморфные или частичные люди - характеры, то есть либо не вполне определенные, либо неполные; тогда как *meneurs* - это, по классификации Рибо, характеры, которые "активны или противоречивы в последовательности". И те и другие - ментяры и толпа - для того, чтобы сформировать новую личность или изменить старую, должны проникнуться всем своим существом; они должны переделать или создать свой характер, а это - как мы знаем - не менее мысль, чем чувство, не менее идея, чем эмоция"[111] .

Зараза страстей парализует способность к ожиданию у людей, которые в силу других обстоятельств показали себя способными сдерживать или направлять волю, желания и убеждения многих. Общий беспорядок или потрясение в душе приводит к тому, что человек теряет представление о ясной причине своих действий: импульсивные и отталкивающие потоки овладевают зрительной плоскостью ума; даже инстинкт самосохранения ослабевает, потому что кажется, что все вот-вот рухнет; что законы, обычаи, интересы больше не имеют никакого значения, что жизнь находится во власти события, на которое либо надеются, либо воображают, либо боятся. Это эффект урагана, который сметает все на своем пути, сносит посевы и деревья, сметает, перемешивает, тащит и уносит в далекие бездны все, что ему предлагают; что особенно часто случается при взрывах коллективных эмоциональных состояний. Но есть и другие примеры, в которых идея, чувство медленно систематизируются:

есть период инкубации и период расцвета; во время первого совокупность организуется, во время второго она живет своей собственной жизнью и оставляет неизгладимые следы. Удивительно и в то же время ужасающе видеть, до каких пределов может дойти эпидемическая зараза верований и предрассудков во времена и среди людей, которые в других отношениях остаются достойными восхищения в истории человеческой цивилизации! Достаточно упомянуть эпидемию верований в колдовство в XV и XVI веках с сопутствующим оккультизмом, чтобы убедиться в том, какой вред наносят человечеству предрассудки и ложные убеждения, когда они распространяются среди масс и приобретают силу омрачать совесть общества. Подобные верования, - пишет Канту, - сохранялись на протяжении всего Средневековья, так что легенды полны ими, в которых смешались мистика и нечестие, грандиозное и гротескное; их отвергали законодатели и врачи, но вульгарные люди упорно хранили, пока они не смешались с грибовидным облаком оккультных наук": северяне объединили с ней дань своих саг, валькирий, стариков, гномов и элементарных духов; арабы - своих фей"[112]. "В 1484 году Иннокентий VIII издал против них очень суровую буллу и послал двух инквизиторов, Энрико Институторе и Джакомо Шпренгера, с полномочиями истреблять подобные бесчинства любыми средствами. Поддерживаемые Максимилианом I, эти инквизиторы хвастаются тем, что за пять лет в епархии Констанца они отправили на смерть четыреста восемь человек; в одном только курфюршестве Треверы, говорит Мёхсен, за несколько лет было предано суду за колдовство шесть тысяч пятьсот человек; во Фландрии в 1459 году было убито множество людей; в Женеве за три месяца было осуждено более пятисот убежденных; Испания и Франция были залиты кровью. Питер Креспет утверждает, что во времена Франциска I насчитывалось сто тысяч ведьм; но Тrespаль, осужденный в 1571 году и оставшийся безнаказанным, признался, что их было гораздо больше. Николас Реми, глубокий криминалист и великий юрист, близкий советник герцога Лотарингского, хвастается тем, что за пятнадцать лет убил девятьсот человек: говорят, что Генрих IV отправил на костер более шестисот только в провинции Лабурда; в Силезии в 1651 году было сожжено двести человек; в 1627 году - пятьдесят восемь, а в Вюрцбурге - 28, включая четырнадцать викариев и пять каноников. В Италии этой катастрофой особенно отличилась епархия Комо, инквизитор которой в 1485 году сжег сорок одного человека; а Бартоломео Спина утверждает, что за один год там судили более тысячи человек, и более ста были сожжены"[113]. Не было недостатка в независимых духах, свободных от опасений, в борьбе, то открыто, то под покровом более направленной и просвещенной религиозной веры, с ошибками, столь пагубными для человечества; даже знаменитый Реджинальд Скотус, который отрицал, что дьявол может изменить ход природы. Мольбы и сожжения множились повсюду; народное воображение было возбуждено, подпитываемое публичными проповедями, суффумиксами и помазаниями, тайной судебных процессов, которые почти всегда заканчивались признанием пациента, полученным под пытками. Когда думаешь о последствиях психической эпидемии, продолжавшейся, возможно, до нескольких столетий назад, возникает глубокое сомнение: не имеют ли столь многие убеждения, которые сегодня считаются научными и неопровержимыми, своей основы в работе внушения и иллюзии, и не является ли то, что мы называем истиной, субъективным продуктом преходящего состояния сознания!

Вышеупомянутый Росси отмечает, что "толпа в своих проявлениях несет на себе отпечаток тех, кто ее составляет; масса, которая иногда аморфна, иногда не имеет характера, и на которую *мэтры* отбрасывают огромную тень своей собственной психики. Таким образом, действие толпы возникает из встречи *мэтров* и людей с активным фоном с другими людьми с инертным, пластичным фоном, легко поддающимся доминированию, и в зависимости от того, направлены ли активные на добро или зло, нормальны они или нет, действие толпы является хорошим или печальным, нормальным или преступным. Так вот, в преступной

толпе, кроме тех *мэтров*, которых мы видели, преобладают прирожденные преступники, безумные, привычные, которые ведут ее к преступлению, охватывая аморфных, ненормальных, частичных в сферу преступной страсти и делая их преступниками страсти'[114]. Верно, что *meneurs*, предлагая толпе, придают ей любую форму, чаще всего преступную; но верно и то, что они попадают в сети души совокупности и в зависимости от характера последней бессознательно формируют свои убеждения и страсти. В среде, какого бы вида она ни была, господствует сила энергии преобладающих индивидов, но они, в свою очередь, являются результатом самой среды: что можно было бы упростить в законе, что между индивидами и толпой существуют отношения взаимозаменяемого влияния; с той особенностью, что окончательная сила равна сумме конкурирующих сил, а направление действия накладывает отпечаток на импульс индивида, чья внушающая деятельность накладывает свой отпечаток на деятельность компонентов совокупности.

Среди форм преступных сообществ, наиболее привлекающих внимание психолога, следует отметить *преступное сообщество*. Национальное законодательство, воспроизводя в статьях 248-251 предписания закона, которому следовали на протяжении веков, попыталось регламентировать эту форму преступности, которая, хотя под влиянием цивилизации и утрачивает более серьезные методы, столь частые в прежние времена, тем не менее вызывает большую тревогу, поскольку содержит наибольшую угрозу для частного права и общественного порядка. Преступные сообщества, то есть, согласно не очень удачному, но меткому определению Занарделли, те, кто объединяется не для совершения того или иного преступления, а в целом для совершения ряда правонарушений, для занятия, так сказать, преступным ремеслом, связаны узами общности чувств, мыслей и желаний, а стремления, которые их одушевляют, образуют единую энергию из множества энергий, почти как организм, состоящий из слияния конкурирующих тел и пронизанный мощной связующей силой. Поэтому динамика чувств и идей не подвергается, как в толпе, антагонизму и чередованию действия и реакции из-за случайного слияния энергий сходной или различной природы; но связанные энергии организуются и объединяются более спонтанными и прочными связями, именно потому, что они имеют сходную природу и соединяются после взаимной селективной проработки.

Психология любого вида преступного сообщества протекает в силу *скрытых* притягательных энергий и имманентного действия поглощения *явных* и *настоящих* энергий.

Благоприятные обстоятельства располагают среду к тому, чтобы принять и прорастить микроб связанного с ним преступления. Так в городе, в регионе, в силу семейных занятий, появляется человек, склонный к пороку, склонный к озорству. Действуя как зародыш зла, он начинает окружать себя людьми, которые обладают качествами, схожими с его собственными; чаще всего это молодые люди, с более экспансивным нравом, с более восприимчивым умом и склонные поддаваться миру подражания. Воображение неопитов поражает притягательность тайны; их умы будоражит надежда завоевать без больших жертв и усилий место, пользующееся уважением и авторитетом среди товарищей; добродетели лидеров, восхваляемые сотоварищами, обладают очарованием легенд: Мало-помалу, благодаря слиянию посторонних элементов, образуется особый консорциум, который, сначала ограниченный немногими, а затем все более широкий, теснит сообщников в маленьком мирке, льстит и привлекает к нему других, льстит их воле обещанием сладких наград, укрепляет их желания и врожденные наклонности, облегчая их способность к экспансии и облегчая осуществление их надежд. Обязательство хранить тайну, пассивное послушание, незнание причин приказов или действий, которые им предписываются; а затем - рассказы, подслушанные шепотом, о подвигах, о странных страстных приключениях

товарищей, которые начинают выходить на первый план; Удовольствие удивляться добросовестности других, насиловать их владычество, считать себя вне закона, смеяться над престижем его служителей - вот множество стимулов для того, чтобы преступное сообщество обрело последовательность, пустило прочные корни, расширилось, навязало себя.

Скрытая и злая энергия членов ассоциации развивается: преодолевая сопротивление этических, социальных и юридических контрстимулов, они совершенствуются и, поначалу неуверенные в себе, в конце концов укрепляют свою власть, пока, пользуясь случаем, не приносят первые плоды в виде действий, которые являются либо беспорядочными, либо порочными, либо преступными. Узы, возникающие между людьми, которых влекут к злу не столько ясные намерения, сколько внушение общности и единообразия наклонностей, по прошествии некоторого времени становятся более тесными и прочными; главным мотивом этого является сознание общности интересов, взаимное доверие к намерениям, составляющим цель или цели союза, оживляемого и поддерживаемого каким-либо благом или накоплением благ, положенных в основу новой совокупности.

11.- В ассоциациях к организмам, состоящим из людей, связанных медленным процессом, преступными целями, осуществляемыми приказами и иерархическим повиновением, следует помнить о двух основных коэффициентах: форме и выражении эмоций и комплексе этических принципов, определяющих действия.

Те, кто изучал некоторые из обширных преступных сообществ, таких как *"Мала вита"* и *"Каморра"*, процветающих в крупных промышленных и торговых центрах, могли наблюдать, как нездоровые токи страсти устанавливаются среди сообщников, которые ослепляют и влекут их к преступлению по причинам ревности, а не в целях серьезного интереса и пользы: Месть, дух мести, симулированное подавление под видом справедливой реакции - ненадежные причины, чтобы объяснить нам логическую подоплеку поступков, настоящая причина которых - в подавляющем чувстве цивилизации, в выработанной привычке к господству низких страстей, которые гасят мысль о долге, о предусмотрительности, об уважении к ближним. На шкале нравственного упадка человека последняя ступенька отмечена полным отсутствием чувства порядка или заботы о собственном благополучии в соответствии с законами, защищающими благополучие других: узы общительности, солидарности разорваны, и человек, собрав свои усилия в высшем конате эгоизма, погружается в погибель!

Привычка к неверию в силу морали и закона, унижение в консорциуме, лишенном ресурсов личного достоинства, пассивная слепая покорность чужой воле, навязанная идеей иерархического превосходства, в итоге иссушают в душе связанных с ними преступников источник то ли раскаяния, то ли рассудительности, порождая состояние бессознательности, показатель полного морального распада. За исключением лидеров, масса последователей мало дифференцирована, аморфна и неудобоварима: преступление желанно, оно совершается скорее инстинктивно или из ревности, чем по необходимости или достаточному мотиву; и именно поэтому совокупность этих ассоциаций, образовавшихся в результате медленного процесса и в результате скрытой энергии, которая была организована, не представляет социологу или мировому судье никакого определенного плана доказательств или аргументов для заключения о вменяемости всех или части обвиняемых и для определения степени ответственности каждого из них.

В толпе, скопившейся и влекомой внезапным страстным побуждением, есть коллективная душа, которая вибрирует и навязывает себя: не то в преступных сообществах, о которых мы

говорим. Не имея абсолютного единства цели, а индивидуальные воли распадаются на изолированные преступные действия, объединенные лишь единством тенденций, энергии гармонизируют в рыхлые компактные ряды, удерживаемые вместе внушающей силой непреклонной и абсолютной власти в порядке иерархии. Преданность и честь, выставляемые напоказ в любой момент, уместно или неуместно, являются среди соратников легким предлогом для бесчестных поступков, бесчестных даже для тех, кто использует слово "честь" как щит защиты от справедливых призывов внутренней совести, предупреждений морали и угроз закона. Привычный дух таких несчастных, распространяющийся на все хорошие или предосудительные действия их существования, - это пессимизм, который становится легким и изменчивым благодаря индифферентизму характера, вызванному отсутствием чувствительности, обычно физической, обычно моральной. Имитаторы и диссимуляторы, нередко защитники и судьи поддаются чувству искренней жалости к ним, смягчая их вину аргументами, которые проистекают либо из сомнения в доказанности ответственности, либо из убеждения, что они скорее несчастные, чем преступники.

Чтобы разочароваться в себе, достаточно по окончании процесса узнать, какое впечатление произвела на их души мягкость обвинительного или оправдательного приговора: отталкивающая ухмылка, циничная насмешка сопровождают приговор мирового судьи! -Я помню одного известного лидера *преступного* сообщества, приговоренного к небольшому сроку за разряжание оружия в драке, абсолютно не считаясь с другими преступлениями: в течение часа или около того разговора на следующий день после суда он смеялся, он безудержно смеялся, утверждая, что судебная система должна реформироваться, чтобы *отправить домой* (его слова) таких неумелых людей, как этот президент, которые были одурочены его поведением и обещаниями о невиновности! И надо сказать, что на слушаниях этот хитрец так хорошо все смоделировал, что и я, а вместе со мной и публика, убедились в искренности и правдивости того, что он утверждал!

ГЛАВА XII.

Жизнь преступника.

1. Индивидуальная и коллективная жизнь преступности.-2. Историческая жизнь преступности.-3. *Необходимость* в возникновении преступности; теория Бовио: закон непрерывности в явлении преступности.-4. *Качественный* и *количественный* коэффициент в жизненном процессе преступности.-5. Причинность и однородность явлений; методическое и научное содержание статистики; уголовная психология и статистика.-6. Задача уголовной статистики: *доказательное* значение статистических законов.-7. Основополагающий принцип исчисления вероятностей в применении к преступной жизни: правила, касающиеся числовых данных статических и динамических законов преступности; мнение Ферри о влиянии различных криминальных факторов на детерминацию преступности; опровержение.-8. Критерии, которыми следует руководствоваться при вероятностном исчислении статистики преступлений.-9. Этнографическая криминальная психология, ее задача и основные цели.

1.- Преступность, как совершенно естественное явление, имеет индивидуальную жизнь и коллективную, историческую жизнь. Индивидуально преступность зарождается и проявляется как действие беспорядка, вызванного статическими и динамическими коэффициентами антропологической нетипичности и функциональной аномалии в

эволюционном или рассасывающемся процессе внешних или внутренних мотивов. Рассмотрение состояний становления и развития этого процесса позволяет нам сделать вывод, что преступление, от его коэстетического генезиса до его внешнего завершения, есть лишь экспликация той формы *энергии*, которую мы назвали *преступной*. Таким образом, в преступлении мы имеем две крайности, необходимые для жизненности или реальности любого природного явления, - *энергию в действии* и *предел, пространственный и временной*, в котором оно происходит. Более того, из того, что мы сделали в предыдущих главах, следует, что жизненная активность преступности из индивида проецируется в сообщество, как из-за последствий частного и общественного ущерба, так и из-за возможности различных форм организации в совокупности. Криминальная энергия находит свой путь к функционированию как через индивидуальные, так и через коллективные действия: в обоих случаях она подчиняется тем механическим законам, фундаментальным выражением которых является принцип *причинности*.

2.- Преступление, наконец, имеет историческую жизнь. Исторический фактор, действуя с накоплением коэффициентов, образующих его среду, предрасполагает криминальную энергию проявляться в определенных эффектах, предпочитая их другим. Отсюда изменение видов преступлений в зависимости от эпох, то есть исчезновение одних преступлений вследствие изменения исторического климата или вмешательства новых элементов прогресса и цивилизации; ослабление других вследствие устранения причин, от которых они раньше становились более серьезными.

Личность, общество, история - вот три фазы, которые проходит преступность, подтверждая свою жизнеспособность. И эта жизненная сила, следует отметить, *непрерывна*, в силу закона постоянства энергии; и модификации, в которых она проявляется внешне, не лишают ее *идентичности* содержания, поскольку в бесконечной вариации форм она сохраняет кульминационную ноту психофизического функционального дисбаланса и антропологической аномалии.

Классическая школа, абстрагируя понятие преступления от природной реальности, создала из него *юридическое лицо*; позитивизм, исходя из унитарного или монистического представления о природе, видит в преступлении жизненную силу, сопровождаемую характером необходимости и постоянства. Необходимости, потому что в ней индивидуальные, коллективные и исторические факторы действуют в силу причинности; постоянства, потому что криминальная энергия связана с общим законом сохранения, с эквивалентностью, энергии вообще.

3.- Бовио обладал интуицией влияния *необходимости* на возникновение преступлений. Он разделил эту необходимость на природную, историческую и социальную. Вспомнив о трех возможностях преступления согласно школе юристов, а именно: возможность умысла, возможность ущерба и возможность преобразования умысла в ущерб, он спрашивает: "Является ли это учение о возможности полным или оно ущербно, абстрактно, односторонне, руководствуется слепыми предпосылками старой и метафизики Больса? Я спрашиваю: является ли субъективная возможность полностью индивидуальной или в нее в более или менее плотной дозе входит естественная необходимость? Я снова спрашиваю: входит ли историческая необходимость в объективную возможность, и в какой степени? Наконец, я спрашиваю: входит ли социальная необходимость в исполнительную возможность и каким образом? Является ли необходимость, в общем, чем-то или ничем в истории человека, значительную часть которой составляет преступление? Поэтому было бы очень желательно видеть эти три необходимости рядом с этими тремя возможностями. Но ничего: свобода всегда считалась безграничной, по-рыцарски ревнивой к самой себе и

презирающей всякую необходимость; человеческий индивид считался полностью автогенным, автономным и продуктом одного-единственного фактора, одного только себя; и поэтому были придуманы эти три великие лжи, которые назывались тремя возможностями.[115] - "Природа определяет судьбу каждого вида, не исключая и человека, и дает характер и физиономию каждому человеку, как и каждому народу: из раскрытия этого характера в стремлении к своей судьбе вытекает настоящее, в котором состоит общественная необходимость; поэтому общественная необходимость вытекает из исторической необходимости, а та - из естественной необходимости. Всякая свобода проистекает из свободы, всякая необходимость - из необходимости: свобода необходима, необходимость свободна. Кодексы рассеивают эту глубокую гармонию противоположностей, они нарушают диалектику мира, они отделяют свободу от необходимости, личность от народа, народ от времени, время от природы, и с помощью одного фактора, как они полагают, находят исторический и социальный продукт"[116]. В заключение Бовио провозглашает, что в каждом преступлении соучастниками становятся *природа, общество и история*, а также индивидуальная воля.

Да будет так. Но Бовио, еще не освободившийся от влияния силлогистической системы, считает, что он поколебал основу права на наказание только потому, что в него вошли элементы, которые глубоко изменяют способы его применения. А что такое необходимость, оторванная от закона *непрерывности* явления; что такое карательная причина, оторванная от естественной причинности и от единства механического закона, направляющего воспринимаемые нами явления? Вы можете отрицать уголовную пропорцию и говорить, что она, находясь между преступлением и наказанием, которые являются разнородными понятиями, по своей сути абсурдна: но преступление существует, и существует социальная необходимость бороться с ним и смягчать, если не устранять, его последствия.

Явление, человеческое или чисто материальное, само по себе и в пределах познания имеет не абсолютное, а относительное существование. Относительна частичная энергия по отношению к универсальной силе; относителен способ ее существования и появления; относительно то, как мы ее воспринимаем; относительно знание о ее прошлом и будущем. И все же, разве в такой относительности нет чего-то определенного, чего-то постоянного? То же самое можно сказать и о преступлении: его индивидуальное, коллективное и историческое бытие - это фазы, на которых отмечен его путь: жизненная сила, присущая ему, в преступной энергии является одним из многих способов реализации универсальной силы, динамичной и логичной причиной явлений дисбаланса и аномалий, чертога тьмы, который порой заслоняет свет, освещающий и украшающий наше земное существование.

4.- Вывод из вышеизложенных идей таков: преступность, имеющая жизнь, сменяющие друг друга фазы в индивиде, в социальном коллективе и в истории, по необходимости должна быть затронута статическими и динамическими коэффициентами, которые качественно и количественно определяют ее рождение и развитие. Таким образом, в жизненном процессе преступления необходимо обнаружить два вида коэффициентов: коэффициент, относящийся к *качеству*, и коэффициент, относящийся к *количеству* его внутреннего и внешнего содержания: качество и количество, которые отвечают в одних и тех же явлениях статическому и динамическому элементу. Статический элемент преступления - это то, что остается от него в формах, принимаемых на различных стадиях; динамический элемент - это то, что меняется во внешнем виде и действии, то есть то, что присуще многообразным и изменчивым последствиям в нарушении индивидуальных и коллективных прав. Динамический элемент можно обнаружить в серии актов совести, , которые подготавливают, сопровождают и следуют за психофизическими стадиями преступного функционирования,

будь то индивидуального или коллективного, а также в последовательных формах, в которых преступность ослабляется, усугубляется и трансмутируется в ходе исторического прогресса или регресса.

5.- "Из общего причинного закона, - пишет Таммео, - вытекает как дедукция общая однородность явлений, которая, в свою очередь, является результатом сосуществования частичных однородностей. Это означает, что общий ход природы однороден, потому что однороден ход бесчисленных явлений, из которых состоит природа. При определенных условиях тот или иной эффект необходим, и, наоборот, любое данное явление необходимо, поскольку оно проявляется; это значит, что оно могло бы быть иным, если бы причины, его породившие, были иными. Казалось бы, это вульгарное понятие; однако оно не является таковым, если заметить, что почти все, оценивая социальные факты, забывают рассматривать их как необходимые следствия неизменных причин. Причинный закон объясняет единообразие явлений, то есть механизм природы и социальных фактов"[117].

Причинность и единообразие явлений: так, в социальных фактах преступная энергия, жизненный принцип имманентности и постоянства преступления, должна быть изучена и продемонстрирована путем наблюдения за действиями, которые в своих аномальных и неуравновешенных характеристиках сохраняют механизм, необходимый для производства каждого природного образования, будь то физического или морального. Таким образом, числовые расчеты в больших массивах данных наблюдений, когда их целью является установление пространственной или временной устойчивости преступности, должны рассматриваться не только как работа метода, но и как дело науки.

Однако именно из-за пренебрежения истинными принципами статистики продолжают споры между теми, кто признает в ней только метод, отрицая ее характер науки (Ло Савио, Герри, Кёрёзи, Лилиенфельд, Гумплович, Бенини и др.), и теми, кто признает в ней науку и метод (Майр, Конрад, Энгель, Роусон, Блок, Вагнер, Бодио, Феррарис, Габаглио и др.) .[118]

Совокупность и перечисление социальных фактов, даже если они являются плодом точного наблюдения, никогда не будут достаточными для того, чтобы научить нас какой-либо научной концепции, если они не освещены истинами и законами, изученными ранее и выведенными из универсальных и неконкретных принципов. Поэтому статистика, если она хочет помочь нам познать понятие преступной жизни, не должна ограничиваться простым сбором и сравнением данных; она должна интегрировать их с психологическими уголовными нормами, т. е. должна уметь связать их с общими механическими законами психики преступника, независимо от того, изучается ли он в отдельности или в составе коллективной совокупности.

Что такое чудесное зрелище миров живых существ для тех, кто знает только их феноменальную внешность, для тех, кто не понимает их внутренних законов и не умеет поднять свою мысль к тому единству универсальной силы, которое объясняет и упрощает все в абсолютной концепции сохранения вещества? Что такое цифры для тех, кто не может прочесть в них, в безмолвных, но красноречивых символах, психический процесс преступления, естественное образование антропологических, физических и социальных факторов?

Вероятность статистических законов приобретает определенность благодаря идеальному сопоставлению и интеграции с неоспоримыми истинами наук, к которым относятся обрабатываемые данные. Чтобы не ошибиться в своих выводах, криминальная статистика должна прибегать к помощи нашей дисциплины. Хотите пример? Предположим, что в данном населенном пункте в определенное время быстро растет среднее число кровавых

преступлений. Государственный деятель отметит это явление и, чтобы объяснить его, гипотетически прибегнет к повышенному потреблению алкоголя, к случайным вспышкам ожесточенных политических распрей, к недостатку общественной безопасности, к отсутствию эмиграции, столько раз служившей спасительным клапаном перед лицом перемещенных лиц, нуждающихся в работе или большем расширении деятельности.

Каковы же выводы? Что все эти причины могли повлиять на детерминацию роста кровавых преступлений; но как, почему? Криминальная психология, вмешавшись для этой цели, изучит психофизический процесс роста специальной преступности, т. е. расскажет, как действуют данные социальные коэффициенты, превращаясь в индивидуальные энергии, возбуждая и подтверждая скрытые или действительные преступные наклонности; изменяя состояния сознания, порождая неуправляемые импульсы, создавая моральную среду преступности. Короче говоря, для нас статистика - это и метод, и наука: метод, потому что она показывает нам полезность наблюдения и индукции, направленных на сбор численно известных фактов для получения окончательных выводов; наука, потому что она служит для количественного упрощения рациональной точности кодов, относящихся к дисциплинам, к которым относятся данные, собранные в больших массах.

6.- Поняв статистику таким образом, можно сделать вывод, что она должна помочь нам в изучении преступной жизни.

Преступная энергия, дезорганизуя деятельность социального порядка, взятая изолированно, в отдельности или в коллективе, составляет содержание криминальной психологии; изученная в количественной средней по времени и месту, она входит в область криминальной статистики и учит нас (а) как и почему психическое событие преступления, расширяя деятельность в количественных пределах больших числовых цифр, достигает определенной степени интенсивности преступной энергии; (б) как и почему механизм, статический и динамический, временных и пространственных случайных обстоятельств влияет, чтобы запечатлеть направление преступных тенденций; (в) как и почему нужно прибегать к выбору определенных средств, предпочтения, чтобы препятствовать большему увеличению предрасполагающих причин к преступлению.

Статистические законы выражают не *необходимость* события, а приблизительную степень его *вероятности*. Их содержание в значительной степени обусловлено изменчивой средой социальных факторов: именно по этой причине Рюмелин отрицает приписывание им значения законов в абсолютном смысле этого слова и вместе с Майром называет их *закономерностями и нормальностью*.

Тем не менее, даже в ограниченной сфере вероятности законы статистики, когда им предшествует индукция на основе точно собранных фактов, имеют очень важное логическое значение; ведь в субъективных пределах знания они служат аргументом, позволяющим приравнять их к интуиции, которая иногда имеет эффект предсказания. Гершель писал: "Было изобретено выражение *"вероятность"*, которое показывает наше невежество в анализе событий и действенных причин, которые *обязательно* направляют последовательные шаги, по которым они происходят, не в общем смысле, а в особом и личном для того, кто использует это выражение, так что физическое отношение, историческое изложение, будущее событие могут иметь степени вероятности, весьма различные для глаз сторон, по-разному информированных об обстоятельствах, действующих причинах, репутации правдивости авторов, которые свидетельствуют, или о случаях, когда они имели возможность знать факты, о которых идет речь.

"Шкала вероятности, рассматриваемая в ее наибольшей протяженности, простирается, очевидно, от полной *невозможности* рассматриваемого события до *уверенности* в том, что оно произойдет. Общий интервал между этими крайностями, каждая из которых представляет собой полное знание, занят более высокими или более низкими степенями ожидания или веры, определяемыми посредством частичного знания, которым нам дано обладать, и может рассматриваться как естественная единица, способная быть разделенной численно на дробные части, подобно тому как интервал между точкой замерзания и точкой кипения воды на термометрической шкале может быть разделен на аликвотные части или градусы. На самом деле не существует естественной числовой *меры* для психических впечатлений, так же как и для телесных ощущений; Но в обоих случаях мы уверены, что более высокие степени числовой шкалы вполне могут представлять большую интенсивность впечатлений, и в обоих случаях есть доказательства того, что равное увеличение определенного элемента, который является чисто идеальным для одного и может быть существенным для другого, соответствует равным числовым различиям в шкале, и что большее или меньшее обилие этого элемента *определяет* тем или иным образом степень интенсивности рассматриваемого впечатления." [119]

7.- Исчисление вероятностей, основанное Паскалем и постепенно усовершенствованное и осуществленное Ферматом, Лейбницем, Гюйгенсом, Гудде, Галлеем, Бюффоном, Бернулли. Де Муавр, Лаплас, Кетеле и т.д., примененные к установлению законов преступной жизни, должны основываться на том принципе, что в *эволюционном процессе психических образований, при соответствии интегративных или дезинтегративных воздействий социального порядка, постоянство действующей энергии, трансформируясь, сохраняет качественно и количественно способность к повторному появлению при стечении благоприятных обстоятельств.*

Установив исходную точку, или фактическую стабильность энергии, логически следует вывод, что вероятность повторного появления определенных видов преступлений лишь *случайно* является следствием предрасполагающих обстоятельств, поскольку, по сути, она опирается на постоянную работу преступной энергии, которая была приглушена или исчезла, но не уничтожена. Короче говоря, уголовная статистика должна, прежде чем приступить к численным расчетам, выяснить динамическую основу преступности или видов преступности; первый вопрос таков: обладает ли такой-то народ, в таком-то районе такой-то склонностью, такими-то способностями, проявляющими такую-то *преступную энергию*, свойственную кровавым преступлениям, кражам и т. п.? Утвердительный ответ не должен быть дан цифрами, если он не согласуется с представлением о причинах, рассмотренных сначала в *отдельности*: увеличение или уменьшение числа убийств может быть случайным и преходящим делом политических потрясений, разбойничьих нападений, местных конфликтов; что скажет об этом количественный подсчет?

Переведите статические и динамические законы преступности в числовые измерения; примените к прогрессивной или регрессивной жизни преступности во времени нормы, сопровождающие колебания индивидуального преступного сознания, и вы получите ключ, позволяющий без страха заблудиться ориентироваться в запутанном лабиринте человеческих действий, противоречащих морали и закону. Кетеле, отвечая на вопрос о том, подчиняются ли действия нравственного и интеллектуального человека законам, писал: "Невозможно решить такой вопрос *a priori*: если мы хотим действовать безопасно, мы должны искать решение в опыте. Лишив его индивидуальности, мы устраним все случайное; а индивидуальные особенности, которые практически не влияют на массу, отменят себя и позволят нам понять общие результаты" [120]. Из высказываний самого Кетеле стоит

напомнить и о других наблюдениях: очень трудно определить разделение между человеческими и материальными силами, действующими в явлениях; видно, что законы материального мира бесконечно чаще изменяются силами природы, чем вмешательством человека *вообще*; и, кроме того, *индивидуальное* действие человека можно рассматривать как чувственно ничтожное^[121]. Я согласен с Кетеле в том, что касается изменения феноменальных законов; и я согласен, что отдельные случаи должны быть проигнорированы для расчета вероятности: но было бы непростительной ошибкой преувеличивать теорию до такой степени, чтобы стереть *первоначальный* и *окончательный* отпечаток индивидуального действия в логическом порядке социальных законов. Семья, общество, нация - это лишь абстрактные понятия, представляющие лишь субъективный логический интерес; реальным является только человек. Точно так же обстоит дело и в познании жизни преступления; историко-социальная фаза, в конце концов, есть лишь исполнение индивидуальной фазы: короче говоря, она представлена комплексом случайных причин, временно систематизированных для того, чтобы в постоянных формах производить увеличение или уменьшение жизненной силы преступной энергии. Преступное действие, будучи немыслимым без субъекта, которому оно присуще, не может быть даже воспринято, если оно не воспринимается как эффект *единой энергии*, динамического центра совпадения случайных коэффициентов и первой причины в действии.

Ферри, рассматривая влияние различных криминальных факторов на детерминацию преступности, писал: "Когда мы наблюдаем движение преступности в течение определенного ряда лет в той или иной стране, с общим ритмом увеличения или уменьшения, невозможно даже предположить, что это зависит от подобных постоянных и накопленных вариаций антропологических и физических факторов. В самом деле, если абсолютные цифры преступности далеки от того, чтобы демонстрировать стабильность, которая была сильно преувеличена начиная с Кетеле, то пропорциональные цифры, с другой стороны, по антропологическим факторам, из-за вклада различных возрастов, полов, семейного положения и т.д. в движение преступности, фактически представляют минимальные различия, даже в течение длительных рядов лет. Что же касается физических факторов, то если некоторыми из них и можно объяснить, как я уже показывал, резкие колебания в определенные эпохи, то, очевидно, ни климат, ни состояние почвы, ни состояние погоды, ни смена времен года, ни годовые температуры не могли претерпеть за последние полвека таких постоянных и общих изменений, которые даже отдаленно не могут сравниться с тем непрерывным ростом преступности, с неумолимой чередой настоящих волн преступности, которые мы наблюдаем сейчас в некоторых странах Европы. - Таким образом, именно социальным факторам, тем "другим причинам, как говорит Тарде, которые более или менее легко искоренить, но о которых мы недостаточно беспокоимся", мы должны приписать общую тенденцию роста преступности и по этим другим причинам. Во-первых, вариации, которые произошли или могут произойти в некоторых антропологических факторах, таких как различный вклад возраста и пола в преступность и большая или меньшая свобода взрыва антисоциальных тенденций, врожденных или вызванных психическим отчуждением, зависят, в свою очередь, от социальных факторов, таких как учреждения, связанные с защитой брошенных детей, промышленный труд детей, участие женщин во внешней и коммерческой жизни, профилактические или репрессивные меры безопасности по изоляции опасных личностей и так далее: и, следовательно, являются опосредованным эффектом тех же социальных факторов. Во-вторых, поскольку эти социальные факторы преобладают в правонарушениях, вызванных возможностью и приобретенной привычкой, и поскольку они составляют наибольший контингент общей преступности, очевидно, что социальные факторы в значительной степени ответственны за тенденцию к росту или снижению преступности в течение длительного ряда лет. Это

настолько верно, что если крупные преступления, особенно против личности, то есть те, которые преимущественно представляют врожденную преступность и психическое отчуждение, отличаются постоянством ритма, поистине необычайным, с небольшими повышениями и понижениями, то общее движение преступности, напротив, принимает свою физиономию от тех мелких, но очень многочисленных преступлений против собственности, личности, общественного порядка, которые носят более случайный характер и, почти микробы преступного мира, более непосредственно зависят от социальной среды"[122] .

Сначала мы обсудили влияние социальных потребностей на преступность. Общество, сообщество благ и зол между индивидами, которые в нем участвуют, является источником условий и мотивов для преступлений; это почва, в которой прорастает микроб преступления. Однако большой ошибкой было бы путать почву, пригодную для культуры, и всхожесть посеянного в ней семени. Социальный фактор вторичен по сравнению с антропологическим; преступное событие - это психический эффект индивида, вне сферы которого динамические законы уже не относятся к ряду человеческих, а к ряду материальных явлений. Именно для индивида и вместе с ним силы, физические или социальные, складываются и объединяются в сознательные психические образования; преступление - одно из таких образований. Что, кроме того, подтверждается аргументом, что крайняя степень ущерба, частного и общественного, производимого нашими действиями, выводит характер наказуемости, или причину простого гражданского возмещения, из субъективного элемента факта. Таким образом, и как динамический генезис, и как эффект вреда, в преступлении индивидуальный антропологический фактор преобладает над социальным. Эти наблюдения отчасти опровергают выводы, к которым пришел Ферри.

8.- От индивида к обществу, от общества к истории, жизнь преступности, со статическим и динамическим ритмом увеличения и уменьшения, с эффектами, которые то интегрируют процессы психофизического дисбаланса, то растворяют личность, сохраняет постоянство организации и эффектов.

Статистика, в смысле науки и метода, имеет целью предоставить нам числовые данные и законы, чтобы познать жизненные процессы преступности в пределах пространства и времени: для того чтобы это удалось, она не должна упускать из виду две вещи: а) логический смысл, который следует приписать расчету вероятности преступных событий; б) разграничительные условия этого расчета.

Лаплас сказал: "Вероятность частично относится к нашему знанию и частично к нашему незнанию". Далее он пояснил: "Все наши знания лишь вероятны; и в том небольшом количестве вещей, которые мы можем знать с уверенностью, в самих математических науках, основные средства достижения истины, индукция и аналогия, основаны на вероятности".[123] - Более точно наш Марио Пагано заметил: "Область вероятности примыкает к области определенности, но она отделена от нее. Наивысшая вероятность находится в уверенности, но она отличается от нее. В вероятности разум видит не интуитивно истину, не путем необходимой демонстрации, а путем предположения, которое, в большей или меньшей степени, может приблизиться к демонстрации. В последнем случае разум интуитивно видит необходимую связь средней идеи с крайними точками пропозиции, из чего он делает предположение о необходимой связи двух крайних точек"[124] .

Если предположить, что степень вероятности воспринимаемых событий обусловлена аргументами, повышающими возможность возникновения в нас состояния уверенности, то

можно заключить, что чем больше эти аргументы основаны на неоспоримых представлениях о совершенно естественных принципах и законах, тем большее влияние они должны оказывать на прекращение в нас логической убежденности в определенности событий.

В случае со статистикой преступлений расчет вероятности должен основываться, прежде всего, на знании психологических законов, как индивидуальных, так и коллективных, процесса эволюции и распада события преступления. Но и этого недостаточно: вероятность должна простирается между двумя крайними пределами познания; первый, субъективный, заключающийся в синтетическом представлении о законах, присущих *криминальной энергии*; второй, объективный, заключающийся в предписаниях уголовного закона, заключающих в себе упрощение различных видов преступлений. Но для того, чтобы все это было исполнено, уголовная статистика, вместо того, чтобы придерживаться закона или, лучше, средства больших чисел, должна заботиться о том, чтобы делать свои наблюдения над накоплением случаев, изученных при свете или критериях, выведенных из законов уголовной психологии. Увеличение или уменьшение того или иного социального мотива лишено научной ценности, если не известно динамическое действие этого мотива на генезис и жизненную и постоянную организацию преступности в социальной или исторической среде. Поэтому желательно к практическим средствам, используемым статистикой, добавить окончательное или синтетическое суждение о *причине* преступления и о *том*, как оно произошло в преступнике: чтобы, собрав все эти суждения через некоторое время, иметь представление о психической и социальной эквивалентности динамических факторов преступления и обнаружить законы, по которым преступная энергия остается органически жизненной в социальных и исторических формах.

9. Следует также добавить, что на практике правила общей уголовной психологии были бы недостаточны для освещения статистической работы: известная относительность способа функционирования преступности в определенных местах говорит нам, что для получения возможно точных статистических результатов необходимо заблаговременно знать *этнографическую* уголовную психологию региона, в котором будет проводиться наше исследование.

Здесь стоит упомянуть два наблюдения Кетеле: Первое, что растения и животные, как и мир, подчиняются неизменным законам природы, и что эти законы, несомненно, действовали бы с одинаковой регулярностью для одних и других, если бы не вмешательство человека, который оказывает на себя и на все вокруг настоящее *возмущающее действие*, интенсивность которого, кажется, развивается в зависимости от его интеллекта, и последствия которого таковы, что общества не могли бы больше походить друг на друга в две разные эпохи[125]; -второе наблюдение заключается в том, что человек в обществе - это аналог центров тяжести тел; он - среднее, вокруг которого колеблются социальные элементы; он, если хотите, фиктивное существо, для которого все происходит в соответствии со средними результатами, полученными для общества .[126]

Человек является разрушительной силой в неизбежном функционировании законов природы, а также центром притяжения социальных явлений. Таким образом, первой и основной задачей этнографической криминальной психологии является изучение *генезиса и развития процесса разрушительной криминальной энергии как центра тяжести однородных социальных элементов в данной местности*. Задача эта сложна и решается в следующих обязанностях: а) точное описание местности, избранной для исследования; съемка всех физических данных, имеющих отношение к явлению преступности; б) обзор

обычаев, верований и предрассудков, могущих влиять на возникновение и обострение преступных мотивов; в) выявление основных антропометрических примет в массе в зависимости от возраста, пола, социальных и экономических условий; г) оценка *аномальных* и *нетипичных*, наследственных или преходящих качеств.

После такой фактической информации приходится, опираясь на психологические понятия, делать субъективные выводы о людях, выясняя среднюю степень общей чувствительности, культуры и склонности к этическим убеждениям, принципам прогресса и привычкам цивилизации. Последний тип рассмотрения основан на спенсеровской сентенции о том, что мораль есть не что иное, как адаптация к хорошим привычкам, и должен рассматриваться как синтетическое понятие индивидуальных и коллективных психических качеств, поскольку то, что относится к нашим аффективным и волевым способностям, предполагает основу чувствительности и интеллекта.

Окончив работу анализа, перейдем к установлению, в порядке научных воззрений, видов местных преступных наклонностей, разделяя ряд преступлений на общие категории, например: а) преступления против личности (физические и нравственные); б) преступления против собственности (простые или отягченные); в) преступления, относящиеся к нравственной и физической жизни отношений (нарушения общественной и частной веры, свободы, нравственности и т. д.).

При оценке преступных наклонностей необходимо помнить о том, что обусловлено органической и психической конституцией, традицией верований, обычаев и предрассудков, своеобразными аномалиями и, в частности, наиболее привычными пристрастиями к азартным играм, алкоголю и т. д.

Государственный деятель, желающий, в конце концов, разработать законы *государства*, преступности или *развития*, поймет, что числовые элементы на практике являются показателем, колеблющимся, но показательным, генезиса и эволюции преступной жизни в трех ее фазах - индивидуальной, социальной и исторической. Выполняя это намерение, он обеспечит нашу дисциплину числовой помощью расчета, то есть подтвердит ее законы вероятными данными, которые сделают наше знание менее абстрактным и более реальным.

ГЛАВА XIII.

Динамическая теория вменяемости.

1. Внутреннее и внешнее равновесие сил; идея и ощущение вниз. *stille*. -2. Что понимается под *принципом причинности*. -3. Три концепции вменяемости; намерения криминальной психологии. -4. Две фундаментальные проблемы вменяемости - этическая и юридическая детерминистская: значение и содержание позитивной морали. -5. *Аффективная необходимость*; органический детерминизм или витальный детерминизм; последствия в отношении вменяемости. -6. Развитие динамической теории намерений. -7. Обязанность на практике придерживаться элементов *конкретного намерения* в каждом преступлении. -8. Доктрина *темперамента*. -9. Два метода исследования умысла; объективный метод. -10. Субъективный метод: основополагающий принцип *индукции*; попытка логики психологии. -11. Правила, налагаемые на судью при расследовании умысла. -12. Доказательство злого

умысла в косвенных процессах; *гипотеза* вменяемого факта.-13. Теория *вины*.-14. Психология *предвидения* в вине.-15. *Неосторожность* и вина.-16. Теория *случая*.

1. Преступность, как мы показали, является в сложном ритме динамического социального агрегата центром активности с отклоняющимся движением, то есть с нарушающим гармонию сил, связанных общей целью прогрессивного благосостояния. Мы также сослались на истинность спенсеровского принципа, согласно которому всеобщее сосуществование антагонистических сил, порождающее всеобщность ритма и разложение всех сил на разнонаправленные, делает необходимым и конечное равновесие.

Чтобы лучше понять выводы, к которым мы придем, мы должны вспомнить некоторые истины, ясно выраженные самим Спенсером: "те явления, которые мы субъективно называем состояниями сознания, объективно являются режимами силы: что определенное количество чувства соответствует определенному количеству движения: что совершение любого телесного действия есть превращение определенного количества чувства в эквивалентное количество движения; что это телесное действие борется с различными силами и используется для их преодоления; и, наконец, что то, что делает необходимым частое повторение этого действия, есть частое возвращение сил, которые должны быть преодолены этим действием". Таким образом, существование у индивида эмоциональных стимулов, которые находятся в равновесии с определенными внешними требованиями, буквально является привычным производством специализированной порции нервной энергии, эквивалентной определенному порядку внешних сопротивлений, с которыми он привычно сталкивается. Таким образом, конечное предельное состояние, к которому ведет нас эволюция, - это состояние, в котором виды и количество психических сил, ежедневно вырабатываемых и преобразуемых в движение, эквивалентны различным порядкам и степеням сил окружающей среды, которые борются с этими движениями или находятся в равновесии с ними"[127].

Если предположить, что преступление - это центр деятельности, нарушающий социальный порядок, то оно представляет собой действие, отклоняющееся от состояния или намерения окончательного равновесия, к которому направлены действия индивидов, как конечная цель их усилий по достижению наилучшего желаемого блага. Отсюда следует, что по естественному динамическому закону возмущающему действию преступления должна противостоять реакция коллектива, которая будет происходить теми путями, которые предполагает степень социального прогресса, в соответствии с необходимостью удовлетворения потребностей, соответствующих состоянию этического и правового сознания человека.

Субъективно воспринимаемая человеческая тенденция к интеграции социального равновесия породила первобытные чувства и первую идею справедливости, которая возникла благодаря утверждению инстинкта эгоизма, сдерживаемого осознанием ограничения собственной свободы для обеспечения свободы других. "Сродство, лоза, психика - они возникают из тех же сил, из которых существуют их субъекты; и они представляют собой результат, который, как таковой, особым образом отличается от производящих сил. Так и справедливость возникает из тех же властных автономий индивидов и является *отдельным видом бытия*, естественно вытекающим из их сосуществования"[128]. - И Спенсер: "ясно, что эгоистическое чувство справедливости является субъективным атрибутом, который соответствует тому объективному требованию, которое составляет справедливость, требованию, что каждый взрослый должен получать последствия своей собственной природы и последующего поведения. Ибо если все способности не имеют свободы проявлять себя, эти последствия не могут быть ни получены,

ни перенесены, и если нет чувства, которое благоприятствует сохранению поля, подходящего для этой свободы, это поле будет захвачено, и свободное проявление способностей будет предотвращено"[129] .

Под принципом причинности мы понимаем синтез двух понятий: представления о *последовательности* нескольких явлений и отношения *необходимости* перехода от одного явления к другому.

Не будем спорить, ибо здесь не место для этого, вытекает ли *принцип причинности* из чисто чувственного наблюдения постоянной изменчивости вещей (Локк); или он есть не что иное, как простое отношение последовательности, которое мы считаем постоянным в силу воспоминания и ассоциации идей (Юм); или он относится к внутренней силе актов сознания, то есть к воле (Мэн де Биран); или, отнюдь не будучи эмпирическим продуктом, он является одним из составных элементов, одним из принципов нашей способности познания, одной из *категорий* (Кант): Для нас, как уже было сказано, в принцип причинности должны входить разумный элемент, последовательность, и субъективный элемент, вытекающий из экспериментальной уверенности в сохранении энергии через превращения явлений; из этого следует, что это сохранение при данных условиях постоянно производит данные следствия, и что субъективный элемент или причинная связь между вещами является *необходимой*.

3. В слове "*вменяемость*" обычно видят только юридическое значение, хотя это значение имеет в качестве своей предпосылки логический смысл отношения причины и следствия. Говорят, что агент был причиной правонарушения, поэтому он должен быть вменен в вину. Кто, однако, продвинет исследование дальше, увидит, что причинная связь предполагает, в свою очередь, понятие *необходимости*, которое содержит два термина, один логический и субъективный, а другой объективный. Логический термин преобразуется в известный принцип противоречия, согласно которому то, что есть, не может не быть; объективный термин идентифицируется в универсальном законе сохранения силы и материи, т.е. законе субстанции, согласно теории Геккеля. Следовательно, во вменяемости целесообразно различать: а) динамическое фундаментальное понятие, переходящее в реальный эквивалент преступной энергии; б) логическое понятие о необходимости причинно-следственной связи; в) юридическое понятие о правовой санкции, возлагающей ответственность за последствия на лицо, совершившее наказуемое деяние.

Криминальная психология, рассматривая генезис вменяемости, вынуждена исходить из динамического фундаментального элемента, из которого в процессе эволюции постепенно определяются психофизические коэффициенты, начиная с действенности мотива и заканчивая актами воления и действия.

Последователи антропологической школы и вообще позитивной ориентации уголовного права считают, что пресечение преступности равнозначно обязанности социальной защиты; но откуда берется обязанность защиты, если не из естественной необходимости восстановить баланс коллективных энергий, нарушенный аномальным действием преступника? Преступление дезинтегрирует или стремится дезинтегрировать совокупность; репрессивный закон стремится восстановить ее. Это в ритме социальной жизни - не что иное, как контраст или антагонизм сил с тенденцией к достижению окончательного равновесия. Криминальная энергия, уходя от генезиса психофизического состояния дисбаланса, нарушает функциональную гармонию коллективного организма: закон, предвидя печальные последствия, заботится о том, чтобы обеспечить средство защиты,

которое преобразуется в угрозу наказания автора факта, то есть в юридическую санкцию той вменяемости, которая имеет свое естественное и логическое происхождение в выражении криминальной энергии.

Эти идеи заставляют нас задуматься над двумя проблемами, лежащими в основе вменяемости: этической проблемой руководящих принципов человеческого поведения и проблемой правового детерминизма.

Изгнав из позитивной науки дуалистическую ориентацию и приняв унитарную монистическую концепцию, наука о морали, опираясь на принцип относительности, также освободилась от метафизических трансцендентальных абстракций, ограничившись выяснением отношений, которые можно требовать между компонентами человеческого консорциума. Морселли пишет: "Именно XIX век задумал и сформировал эмпирическую или научную, независимую, утилитарную, преобразующую, социологическую мораль, то есть естественную и человеческую в истинном значении этих терминов. *Эмпирическая*, потому что она черпает свои принципы исключительно из опыта, как и любая другая научная дисциплина; *независимая*, потому что она освободилась от ига, наложенного на нее религиями, и приобрела полную автономию; *утилитарная*, потому что она направлена исключительно на благо, которое в таком случае является коллективным благом, и она направляет и предписывает поведение индивида к этому, не забывая при этом о преимуществе выполнения индивидуальной деятельности; *трансформистская*, поскольку она сводится к развитию чувств, которые не отсутствуют в низшей животности и носят в человеке лишь отпечаток осознанности благодаря их представлению интеллекту; наконец, *психо-социологическая*, поскольку она выводит существование этического чувства из анализа составных элементов человеческой природы, как в индивиде, так и в роде и расе"[130].

5.- Таким образом, идея добра, долга, моральной ответственности больше не зависит от трансцендентальных представлений религиозного или метафизического порядка; она присуща человеческой природе, имманентности природных факторов, результатом которых она является; она не отличается от производства явлений, обусловленных законами универсальной динамики. *Аффективная необходимость* - это не фатальность человеческих действий, ибо они не предопределены сущностью, чуждой спонтанному ходу вещей, а подчиняются эволюционному процессу постоянства энергий через сменяющие друг друга внешние формы. Никто не сомневался, что физические и химические явления являются результатом действия законов, которые при одинаковых условиях приводят к идентичным эффектам: Клавдий Бернар показал, что так же должно быть и с органическим детерминизмом, или детерминизмом витальным, провозгласив, что знание числа и назначения всех органических функций является отправной точкой детерминизма, а его точкой прибытия является то, что самая строгая гармония также является законом вещей жизни: почему бы тому же принципу не объяснить психические явления, которые имеют такое же динамическое происхождение, как и органические? Эта последняя экспериментальная истина содержит и подытоживает доктрину, которую мы до сих пор развивали относительно психического события преступления; и мы прямо заявили о ней, потому что она изменяет многое из того, чего мы уже придерживались и отстаивали в других местах относительно этического основания вменяемости .[131]

6.- К доктрине вменяемости относится теория *злого умысла и вины*. Мы обсудим ее в пределах, требуемых нашим исключительно психологическим предположением; для этого

мы обратимся к тому, что мы написали несколько лет назад, и что, за исключением некоторых понятий и мнений, которые лучше развиты и исправлены, тем не менее, остается, в ясном синтезе, наброском динамической теории, широко объясненной в этой книге.

В учении о боли - мы пишем -[\[132\]](#) должны присутствовать: а) исходный фактор; б) психологический фактор; в) физико-психологический фактор; г) сознательная деятельность.

Любая действующая сила имеет начало и конец, "до" и "после". Начало дается импульсивным действием другой силы, с которой человек находится в контакте; конец - исчерпанием энергии, или отношения в действии. Поэтому, когда мы говорим "*начальный фактор*", мы имеем в виду общее представление о мотиве, к которому мы пассивны, и импульсивное действие, оказываемое на нашу силу. С этого момента начинается процесс превращения пассивной энергии в активную энергию эго; время, которое он занимает, больше или меньше зависимости от большей или меньшей *качественной* пригодности мотива по отношению к нашей силе и степени сопротивления, определяемой либо нашей предыдущей конформацией, либо преходящим состоянием слабой адаптации к действию стимула. Напротив, если действующий стимул является внутренним, то адаптация происходит легче, так как все, что представляется в виде чувства или идеи, уже существенно связано с природой нашей психики; ибо нелогично представлять себе, что сила определяет себя в данный эффект, не имея соответствия установки. Действие или *эффективность* идеи, как говорил Романьози, на наши психические способности имеет все импульсивные характеристики внешних стимулов: если для них начальным периодом является физическая чувствительность, то для идеи - сентимент (или *сентиментальный тон*): разница заключается в эволюционном моменте энергии в действии; но обе формы агентов отождествляются в психической пассивности. Легко понять, что после того, как был дан стимул, между двумя энергиями, которые либо стремятся к равновесию, либо сталкиваются, устанавливается отношение согласия или противостояния. В первом случае результирующая энергия обладает большей силой и преобразуется в интимное удовлетворение, которое является первой степенью *удовольствия*; во втором случае либо импульс побеждает, и мы имеем первую степень *психического принуждения*; либо он побежден, и *спонтанность* факультета преобразуется в склонность к действию. Сознание этих первых стадий психической деятельности подвержено некоторым заметным ограничениям: если импульс приходит извне, мы должны различать, принадлежит ли он к среде, в которой мы живем, и составляет ее часть, или же он возникает изолированно от случайных связей; в первой гипотезе трансформация энергии происходит без нашего ведома, бессознательно; во второй гипотезе мы осознаем ее, когда другие одновременные стимулы не отвлекают нашего внимания. И сознание, пробуждаясь, замечает лишь связь *времени* или *последовательности* между внешним существованием стимула и внутренним существованием, которую дает так называемое сенсорное восприятие, понимаемое в смысле утверждения существования некоего чуждого нашему организму предмета, вступившего с ним в контакт. Если стимул внутренний, т.е. возникает из идеи, преобладающей над другими, которые в мысленной одновременности демонстрируются, то необходимо также различать, возникает ли эта идея новая, или имеет отдаленные зародыши в более ранних идеях: В первой гипотезе, ее эффективность может быть минимальной или максимальной, в зависимости от характера или особой природы, которая отличает ее и делает ее соответствующей ряду идей и чувств, с которыми она связана в настоящем внутреннем состоянии; во второй гипотезе, ее эффективность сильнее, потому что скрытое происхождение, к которому она привязана, приводит к большему качеству адаптации к нашей психике, и большей способности сопротивления сопутствующим идеям, которые имеют тенденцию преобладать.

Сознание, в этой двойной гипотезе, является функцией не только степени стимула, но и предшествующих состояний привычки: если стимулирующие идеи или подобные идеи уже появлялись в психическом мире, сознание, адаптировавшись несколько пассивно, менее склонно удивляться новому преходящему состоянию внутренней активности; если же идея новая, сознание более остро ощущает ее присутствие или переносит ее действие.

В описанных фактах, наряду с выделением первоначального фактора злобы, мы также поняли физиологический и физиопсихологический фактор. Мы понимаем, что в сложном факте сознания, в самом обычном значении, какое только можно себе представить, физиологическое состояние индивида является первой постоянной датой любого внутреннего изменения.

И если мы выделили физиопсихический фактор, то это означает момент перехода от стадии пассивности, внешней или чувственного восприятия и внутренней или ощущения, к состоянию сознательной или бессознательной активности.

Указав на возникновение сознания, мы выполним предположение об изучении его деятельности в различных степенях, в которых оно функционирует.

Эффективность стимула, приведенного в действие, становится *мотивом*, то есть участвует в механическом или динамическом воздействии на эго, позволяя ему действовать тем или иным образом. Сознание в этот момент переходит от состояния квазипассивности к первой стадии активности: ведь конкурирующие энергии идей и чувств приводятся в действие с особой направленностью и уже показывают, что они направлены на конкретную мечту. Если одновременно возникающий другой стимул не сдерживает, реагируя на него, или не поворачивает первоначальную активность в другое русло, первый мотив превращается в победный импульс, и разум предстает не в качестве агента или стимула, а как конечная цель, которую нужно достичь, как цель действия. Разум, используя свою *рациональность*, видит *причинно-следственную* связь между характером *побуждения* и *целью*, и *решает*, продолжать ли начатую деятельность или остановить ее тенденцию. Как это может происходить?

При столкновении энергий мотивов подразумевается, что преобладает тот, который обладает большей силой, но это не так в отношениях между мотивом и психикой. Мотив, каково бы ни было его происхождение и природа, обладает лишь динамической силой; в психике же существует *рациональная* энергия, то есть осознающая свои действия, или такая, которая следует за ходом любого движения, с сознанием цели. Это действительно психологическая проблема, и мы можем продемонстрировать ее только по аналогии с остальными природными силами.

Подобно *тому, как химическое сродство, жизненная сила растений и жизненная сила животных*, как говорят, преобладают на определенном плане существования, так и в человеческих явлениях рациональная сила является преобладающей силой в высшей степени психической функции, и та, которая, опираясь на количественный результат коэффициентов конкурирующих энергий, объясняется в деятельности функции в отношении выбора средств, которые должны обеспечить удовлетворение потребности. Короче говоря, *мотив* сообщает психике механическую энергию; он снимает с себя характер *рациональности*: сначала он действует как импульс, затем приобретает характер *цели* и вновь входит в сферу избранной спонтанности. Подразумевается, что в этот момент *детерминация* становится необходимой, подчиняясь *причинности* цели, идеальная действенность которой поглощает активность и переносит нас к исполнению цели или к использованию выбранных средств.

Подводя итог, скажем, что в *злом умысле* есть синтез психических способностей, направленных на определенную цель; этот синтез состоит из: а) *мотива*, преобразуемого в *цель*; б) *выбора* средств, подходящих для действия; в) *решимости* действовать. К этим факторам следует добавить, что даже если цель, так сказать, может быть достигнута законными средствами, безнравственность средств всегда по своей сути предосудительна и, следовательно, является причиной уголовного наказания. Следовательно, умысел можно определить как: *решительность выбора средств, направленных на достижение преступной цели*. Я говорю "*решительность выбора*", чтобы обозначить истинный психологический момент, в который умственная пассивность преобразуется в сознательную активность, то есть в видении, измерении и выборе тех средств, которые сами по себе содержат признаки обдуманности или склонности к достижению одной цели, а не другой; то есть, например, к удовлетворению желания отомстить, а не к соблюдению закона, чтобы добиться справедливости за нанесенную обиду. Кроме того, я говорю о *средствах, направленных на преступную цель*, чтобы выразить не только характер размышлений, но и качество этих средств, а также особую цель, на которую они направлены, чтобы служить уголовно наказуемым последствиям". Я нахожу достойным внимания следующее замечание Нани: "Решительность воли зависит от того, что она действует на основе внутреннего принципа своей деятельности и обладает избирательной силой, регулирующей ее деятельность, так что из объектов, представленных рассудком, выбирается тот, который может быть отвергнут. Рассудок - это та способность, с помощью которой человек познает и различает абсолютные и относительные качества нескольких объектов, обнаруживает их целесообразность или нецелесообразность и, устанавливая сравнение между различными последствиями, которые возникают или могут возникнуть, приходит к размышлению о предпочтении мотивов, в связи с которыми воля определяется скорее для одного объекта, чем для другого"[133]. Как видим, от мысли Нани не ускользнул присущий воле активный принцип в соотношении с избирательной силой или функция интеллекта по обдумыванию предпочтения мотивов, что в целом подводит черту под современной динамической теорией преступной энергии, дополненной применением закона сохранения сил и качественным и количественным преобладанием одной энергии над другими, конкурирующими в формировании явлений природы.

До этого момента, как я уже говорил, я писал несколько лет назад. Тем не менее, я придерживаюсь мнения, что учение о *злом умысле*, изложенное в общих чертах или в виде теоретических принципов, имеет лишь весьма относительную ценность на практике. Ученый будет удовлетворен ею, но судья не получит никаких преимуществ; более того, она может, и это бывает редко, стать для него источником трудностей и неопределенности, когда он захочет неукоснительно применить ее к фактам, по которым он должен вынести решение.

С другой стороны, будет очень полезно отбросить чисто доктринерские представления о злобе вообще и углубиться в анализ качеств и элементов, свойственных той или иной конкретной злобе, то есть вывести психофизические коэффициенты каждого субъективного преступного события из вида и характера каждого отдельного преступления.

А этого недостаточно. Как и в медицине, так и в вопросе вменяемости, вместо того чтобы заикливаться на общенаучных нормах, гораздо полезнее наблюдать и лечить индивида. При неустранимом, потому что легко изменяемом, несхождении индивидуальных психофизических качеств судья обязан не отступать от случайных фактов и субъективных элементов, которые его подготовили и вызвали. Но так как, отдаваясь на волю изменчивых и неопределенных случайных понятий, можно легко впасть в систему опасной казуистики, то мы считаем необходимым установить пределы исследования, известные не только из тех

представлений, которые были сделаны до сих пор, но и из тех наблюдений, которые мы добавим.

8.- Психофизический или субъективный фон индивида содержится в видах его *темперамента*. Древние понимали его важность и пытались с помощью достаточно точных теорий и различий очертить его научную концепцию. Вундт отмечает, что "то, чем является возбудимость по отношению к сенсорным ощущениям, темперамент является по отношению к эмоциям и инстинктам. Мы можем различить постоянную возбудимость и, в свою очередь, непрерывные колебания этой возбудимости; точно так же и темперамент проявляется, проявляется как в виде постоянных, так и в виде переменных доступов, которые могут зависеть от внешних и внутренних причин"[134]. Темперамент - это результат действия отдельных факторов; это не просто сумма этих факторов, а характеристика, которая вкладывает и направляет наши склонности и способности действовать таким образом, чтобы отличать одно действие от другого.

Бежье предупреждал, что мы должны остерегаться путать темперамент с конституцией и идиосинкразией. Это три выражения, которые можно чередовать, потому что вместе они выражают общее состояние экономики; но слово *темперамент* выражает преобладание одной функциональной системы над другими; он вполне может оказывать влияние на конституцию; последняя, однако, предлагает особые черты. Под конституцией следует понимать общее состояние, которое возникает в результате коллективного действия различных актов экономики и в которое влияние темперамента вносит свою лепту. Идиосинкразия, напротив, является общей предрасположенностью, которая определяет конкретную тенденцию, более или менее выраженную, к сокращению или избеганию той или иной патологической формы. Темперамент и конституция, конечно, способствуют ее развитию; но это отнюдь не гипотеза, и, помимо этих двух последних влияний, мы находим идиосинкразию, которую мы никак не можем распознать *a priori* и о которой мы судим по ее результатам, часто столь необычным и представляющим собой факт, причина которого нам совершенно неизвестна.

9.- Обвиняемый факт известен судье в синтетической форме или выражении. Он знает о нем только то, что ему говорят свидетели или он узнает из документов. Как он должен оценить обстоятельства, чтобы установить наличие, качество и количество умысла?

Перед судьей стоят два метода, которые он должен использовать: один объективный, другой субъективный. Объективный метод заключается в упорядоченном сборе всех обстоятельств, которые предшествовали, сопровождали и следовали за преступным деянием; в установлении мотива или мотивов, которые действовали, чтобы вызвать желание или побуждение к действию, приблизительной степени важности самого мотива или мотивов, а также очевидных доказательств, с помощью которых субъект мог доказать, что он ощущал их воздействие. Предшественники преступления сводятся к причинам, постоянным или случайным, возникновения новых отношений между преступником и жертвой; между психическим состоянием субъекта, предшествовавшим возникновению в нем желания или побуждения к правонарушению, и временем, когда произошло внутреннее изменение; между первым преступным побуждением и серией внешних действий, свидетельствующих о борьбе, которую он ведет, чтобы уклониться от преступления или избежать его; между степенью эффективности мотива или мотивов и преступной энергией, проявленной в момент совершения действия.

Сопутствующие обстоятельства образуют совокупность аргументов для установления не только рода и вида преступления, но и доказательства *причинной связи* между мотивом или

мотивами и действием; что побуждает разум сблизить два крайних пункта исторического хода преступления, момент субъективного генезиса намерения действовать вопреки закону и момент, когда внутренняя энергия проявляется во внешней деятельности. Наконец, обстоятельства, последовавшие за деянием, хотя они часто не имеют интересной связи с вменяемыми деяниями, тем не менее, должны быть хорошо исследованы, так как они могут быть верными признаками или доказательствами того, что преступник намеревался достичь своими действиями. Следует помнить, что в логическом процессе преступления *мотив* действия преобразуется в *намерение* действия, так что доказательство цели ряда внутренних и внешних действий является для нас логическим материалом для того, чтобы не сбиться с пути, прослеживая от последнего совершенного действия до ближайших и отдаленных причин, объясняющих мотив действия.

10.- Субъективный метод основывается на использовании *индукции*, которой помогает стремление связать свои представления о факте с рядом исторических обстоятельств этого факта.

Индукция - и кто может игнорировать это?основывается на принципе единообразия явлений природы; которое имеет место не только в общем, но и в частном смысле, т.е. в том смысле, по мнению Бейна, что в единообразии природы есть категории, так сказать, радикально отличные друг от друга: так что выражение *закон природы* должно рассматриваться как эквивалент двух утверждений: 1°что природа единообразна; 2°что это единообразие включает в себя большое число различных единообразий .[135]

Бэйн, применяя общие дедуктивные и индуктивные принципы , хотел заложить основы логики психологии; и он полагал, что выполнит это предположение, рассмотрев проблему атрибутов духа, постоянного союза духа и тела и аспектов, под которыми предстает каждый феномен духа; затем он перешел к рассмотрению психологических пропозиций, логических методов психологии и логики науки о характере[136] . Попытка, на мой взгляд, осталась неполной, потому что содержание логики психологии не должно останавливаться на генезисе и формах состояний сознания, а должно предлагать нормы воспроизведения в нас, согласования и объединения фактов психики в их временном и пространственном порядке; то, что относится к процессу *представления* других психических явлений. Метод интроспекции может быть использован как для понимания того, что внутренне происходит в нас, так и того, что порождено усилиями рефлексии и воображения на основе воспоминаний о фактах и внутренних состояниях, принадлежащих другим людям: именно таким образом мы имеем возможность в репрезентативной форме наблюдать, как бы рефлекторно, субъективные данные важных социальных событий, рождающихся из жизни отношений между единомышленниками и проявляющихся с внешними эффектами. Очевидный пример - судебная служба по расследованию субъективного элемента преступления. Любая формальная логика, касающаяся видов и качества судебных доказательств, будет недостаточна, если судья, хорошо используя индуктивный метод, не обладает способностью воспроизводить и представлять в себе, хотя бы в мимолетной форме, внутренний процесс агента, соединяя объективное целое факта с тем комплексом субъективных динамических факторов, который должен в конечном итоге дать нам понять логическую причинную связь между психическим событием преступления и его появлением в действии.

11. Мы уже не раз повторяли, что наше познание подчиняется закону *относительности*. Здесь мы имеем в виду не ту относительность, на основании которой Спенсер, вслед за Гамильтоном, заключил, что реальность, существующая за видимостью, неизвестна и всегда должна быть неизвестна; а относительность, ограниченную знанием человеческих явлений.

Такая относительность зависит отчасти от субъекта, который знает, а отчасти от объекта знания. Психолог, желающий понять законы тех или иных явлений сознания других людей, должен обладать всеми способностями и возможностями, чтобы воспроизвести эти явления в себе, качественно и количественно; что невозможно.

Кроме того, даже если предположить, что он обладает необходимыми качествами, он столкнется с трудностями, которые ему не под силу; ведь внутренние факты, если они должны быть точно воспроизведены, должны быть известны в их самых отдаленных причинах и во всех бесконечных случайных связях, которые ускользают от самого пристального и тщательного наблюдения.

Мы хотели обратить внимание читателя на эти замечания, чтобы он увидел, сколько препятствий стоит на пути судьи, желающего исполнить свою обязанность выяснить субъективное состояние и элемент злонамеренности подсудимого. Тем не менее, с судьей происходит то же, что и с каждым исследователем психических фактов. Он должен позаботиться, прежде всего, о том, чтобы *обусловить* субъективное знание факта, помня о том, что писал Гамильтон, что *мыслить - значит обуславливать, и что условное ограничение является основным законом возможности мысли*.

Судья, чтобы убедить себя в обоснованности событий, доверенных его суждению, должен уметь выделять и согласовывать интересные обстоятельства, устранять лишнее и улавливать незаметные моменты, которые являются промежуточными звеньями между вещами и которые, мало ценимые внешне, сами по себе имеют неоценимую ценность. Секрет заключается в том, чтобы не упускать ни одной данности, которая не была бы предварительно связана с другими субъективными предшествующими данными, поскольку, по словам Спенсера, "каждый полный акт сознания, наряду с отношением и различием, предполагает также сходство: прежде чем состояние сознания станет идеей или составит элемент знания, оно должно быть не только известно как отдельное в своем роде от некоторых предшествующих состояний, с которыми оно, как известно, связано последовательно, но оно должно быть также известно как принадлежащее к тому же виду, что и предшествующие состояния"[137].

Причины предшествующих логических связей вытекают отчасти из практики жизни, отчасти из общей психологии и, главное, из нашей дисциплины: полученный результат, как материал окончательного суждения, будет содержать уверенность, пропорциональную оснащению индивидуальной культуры и умственных упражнений; хотя, по словам самого Спенсера, "вещь только тогда совершенно известна, когда она во всех отношениях подобна определенным вещам, ранее наблюдавшимся; и она остается неизвестной пропорционально числу отношений, в которых она отличается от этих вещей: более того, когда вещь совершенно лишена атрибутов, общих с известными вещами, она совершенно выходит за пределы знания"[138].

12.- Наибольшие трудности возникают при доказательстве умысла в косвенных процессах. В этом случае судья будет исходить *из гипотезы*. То есть, оценивая факты, он будет исходить из предположений, которые будут в наибольшей степени соответствовать как очевидному характеру преступления, так и произошедшему событию. При этом необходимо предупредить, ^{1°}чтобы гипотеза о событии не была ни произвольной, ни вдохновленной страстными впечатлениями, потому что в противном случае либо отклонятся от логической

следственной связи, либо преувеличить, за или против, оценку качества и количества преступной энергии, вызвавшей преступление. Сколько бы мы ни привыкли изучать и рассматривать явления преступности, мы не в состоянии избавиться от впечатления, которое каждое из них вызывает в нашей душе: Отвращение, которое каждый испытывает к злу; чувство жалости, отвращения к страданиям других; живая окраска, которую придает факту воображение; сугубо личный подход к оценке человеческих поступков; влияние, оказываемое на наше размышление сотней явных и скрытых мотивов, - вот множество причин, которые мешают или вводят в заблуждение разум, не давая ему понять истинное положение вещей. Чтобы не ошибиться при исследовании логической причины того или иного явления, необходимо освободиться от озабоченности, или *идолов* разума, как назвал их Бэкон. Кроме того, 2°, необходимо, чтобы гипотеза имела свою последовательность в каком-нибудь существенном обстоятельстве факта; обстоятельстве, которое делается очень ясным и которое служит исходным пунктом для понимания нравственного состояния субъекта-агента, первого пробуждения в нем побуждений, которые преобразуются в медленные или быстрые действия для дальнейших внутренних преступных деяний. При этом следует отметить, что при выборе основного обстоятельства гипотезы мы подчиняемся не только выработанной привычке воспринимать вещи и оценивать их своеобразно, но и внушениям свидетелей, сентиментальности событий и тому интересу, который, часто сами того не сознавая, мы придаем данным гипотезам в силу наших личных душевных предрасположений, воспитания и культуры. *Подсказка* (из *указателя*) намекает на истину; но тот, кто не овладел ею путем предшествующих и длительных упражнений ума, ошибается в терминах суждения и, встав на ложный путь, ошибается в рассуждениях и в выводах.

Если *вина* - мы уже писали в другом месте^[139] - заключается в определении выбора средств, то *вина* заключается в отсутствии определения выбора; то есть в отсутствии оценки связи между желаемым действием и достигаемым эффектом. Это состояние души можно разделить на следующие понятия: а) мотив, побуждающий нас к действию; б) ближайшая и предвидимая цель, которую мы должны достичь; в) отдаленная цель, находящаяся за пределами нашего предвидения; г) выбор средств, аналогичных непосредственно ближайшей цели, косвенно - отдаленной цели. Соотношение между этими терминами, на котором основано различие между злонамеренностью и виной, заключается в том, что мотив преобразуется только в ближайшую цель, а выбор средств соответствует только этой цели; в то время как вменяемость деяния вытекает из пагубной отдаленной цели. В целом, наша доктрина ничем не отличается от той, которая помещает суть вины в *избегаемую ошибку*^[140], в результате которой наступило непреднамеренное вредное последствие. *Неблаговидный поступок*, о котором говорили толкователи римского права,^[141] всегда решается в непредсказуемости или незнании некоторого эффекта, который может быть связан со средствами, предназначенными для другой цели. Клейншрод объясняет эту концепцию, отмечая, что "ошибка несомненно связана с определением воли, поскольку в ошибке явно заложен недостаток воли использовать в действии то усердие, к которому каждый обязан, и, таким образом, недостаток воли устранить ошибку, которая могла и должна была быть легко обнаружена. Каждый человек в здравом уме может и должен знать, что он обязан проявлять определенную степень усердия, чтобы не нарушить права других. Каждый хороший человек в большей или меньшей степени задумывается над тем, насколько важны его поступки, соответствуют ли они справедливости и не вытекает ли из них какое-либо нарушение права. Каждый человек также знает, что его действия подлежат наказанию, если он виновно нарушает законы. Поэтому, когда человек виновен, у него нет воли приложить необходимое усердие к своим действиям: он, действительно, не хочет преступать закон, но он не дает себе мысли, что должен, не преступать его. Поэтому он подлежит наказанию, так как пренебрег вопреки закону этим усердием, не избавился от ошибки и тем

самым произвел нарушение закона: он подлежит наказанию, в общем, потому, что не употребил силу своей воли на преодоление ошибки, которой легко можно было избежать. Если умышленный преступник совершает противоправное деяние силой своей воли, то можно сказать, что виновный преступник совершает его по слабости своей воли, не используя должного усердия"[142] .

14.- Многие авторы отстаивают теорию, которая ставит вину в *зависимость от прилагательной* связи действия с ущербом; и мы считаем, что она заслуживает одобрения в случае вины, возникающей из гражданских квазигражданских преступлений; но не в случае вины, наказуемой уголовно. Вменяемость, как мы видели, является юридическим эквивалентом сознательной причинности или, как в случае с виной, причинности, сознание факта которой лишено использования способности - предвидения, принадлежащей к общему способу функционирования психики, чтобы избежать возможного причинения вреда другим.

Предсказуемость или предвидимость факта и вытекающих из него последствий зависит от двух факторов, одного *психологического*, другого *логического*: психологический фактор заключается в хорошем использовании *внимания*; логический фактор - в критерии *возможности* избежания вероятных вредных случайностей.

Начиная с первого фактора, мы рассмотрим: *а)* что понимается под вниманием по отношению к вменяемому вредному последствию; *б)* на сколько категорий следует делить виновные преступления по способу и видам, по которым различается внимание; *в)* механизм внимания по отношению к непредвиденному вредному объекту; *г)* в чем состоит невнимательность.

В предыдущих главах мы уже не раз имели возможность говорить о внимании и его психическом функционировании: используя определение Джеймса, мы скажем, что это акт, посредством которого ум овладевает в ясной и живой форме одним из многих объектов и несколькими потоками мыслей, которые представляются одновременно возможными.

Имея своим источником *аффективные состояния*, причиной которых являются склонности, потребности, аппетиты, внимание в конечном счете связано с тем, что является самым глубоким в человеке, - инстинктом сохранения (Рибо): оно становится условием жизни и сохраняет тот же характер в высших формах, в которых, переставая быть фактором адаптации к физической среде, оно становится фактором адаптации к социальной среде.

Ограничивая эти понятия нашим предположением, предположим, что внимание как избирательная причина концентрирует сознание на объектах и реальных отношениях, которые, рассматриваемые сами по себе или как последствия того или иного действия, содержат нарушение права других лиц и подпадают под превентивную или репрессивную санкцию уголовного закона. Следовательно, поскольку отсутствие внимания является психологической причиной преступных посягательств, то разнообразие объектов, к которым оно относится, представляет собой различные категории или ряды вменяемых фактов. Первое разделение внимания - *сенсорное* и *интеллектуальное*, в зависимости от того, касается ли оно объектов, воспринимаемых органами чувств, или идеальных или представляемых объектов. В порядке виновных преступлений к дефекту чувственного внимания относятся те факты, которые могут нанести вред физической целостности человека и которые зависят именно от того, что мы не предвидели определенных *материальных событий*, находящихся в *непосредственной* зависимости от некоторых наших действий. Я сказал "материальные события", чтобы показать реальную и ощутимую причину травмирующего факта; как, например, травма, нанесенная огнестрельным оружием,

когда акт выстрела, имеющий ощутимый характер, приводит к непроизвольной ране: я сказал "непосредственная зависимость", чтобы указать на прямую связь между актом выстрела и тем, что стало его результатом, без вмешательства каких-либо других мотивов. С другой стороны, те виновные преступления, которые вменяются в вину по строго превентивным причинам и потому, что они присущи служебному долгу, которому человек был обязан, относятся к интеллектуальным; таковы, например, неуведомление об обнаружении ребенка (ст. 389 УК РФ); недонесение о преступлении должностного лица (ст. 180 УК РФ); пренебрежение обязанностями по содержанию заключенных (229, п. 2^о), а также преступления, предусмотренные статьями 439, 471, 477, 482 УК РФ.

Более серьезные трудности возникают при изучении механизма, который, по мнению Рибо, до сих пор сильно запущен, и от которого зависит не только завершение теории ассоциации, но и концепции качественного и количественного измерения видов и степени сознания, необходимые для заключения о предсказуемости определенных эффектов в соотношении с определенными причинами. Чтобы действовать по порядку, напомним о различии внимания на *естественное* или *спонтанное*, *добровольное* или *искусственное*.

"Первое, - отмечает Рибо, игнорируемое большинством психологов, - является истинной примитивной фундаментальной формой внимания. Вторая, изучаемая лишь большинством психологов, является лишь имитацией, результатом воспитания, обучения, адаптации. Неустойчивая и колеблющаяся по своей природе, она черпает все свое содержание из спонтанного внимания, в котором одном она находит точку опоры. В этих двух формах внимание не является неопределенной деятельностью, своего рода *чистым актом духа*, действующим таинственными и незаметными средствами. Его механизм по сути своей *двигательный*, то есть оно всегда действует на мышцы и для мышц, в основном в форме ареста, поэтому эпиграфом к этому исследованию можно было бы выбрать фразу Модсли: "*Кто не способен управлять своими мышцами, тот не способен и к вниманию*"^[143].

Для интереса к вредным последствиям, т.е. в соотношении с виной, стоит отметить некоторые основные характеристики внимания. Оно, как мы уже говорили, находится в аффективном состоянии ума, то есть движется и определяется *интересом* или *стимулом*; поэтому оно было разделено на *непосредственное* и *производное*. Непосредственное, по мнению Джеймса, - это когда стимул интересен сам по себе, без связи с чем-либо еще; производное - когда стимул интересен только благодаря ассоциациям, которые он вызывает с каким-либо другим, более непосредственно интересным объектом. Кроме того, внимание, состоящее в замене относительного единства сознания множественностью состояний, в изменении, которое является его правилом, и являющееся продуктом, наряду с сознанием, связи психических образований (Вундт), имеет свойство лучше воспринимать, представлять, различать, запоминать и увеличивать сами познавательные силы. Этот последний характер зависит от научной аксиомы, согласно которой сила не создается, а только преобразуется; следовательно, увеличение познавательной силы может означать только преобразование в распоряжении интеллекта органической силы (Брофферрио).

Из того, что было сказано в отношении психологии вины, мы считаем, что следующие истины являются незыблемыми: а) Предсказуемость, которая опирается на спонтанное внимание, требует меньше усилий, чем та, которая опирается на добровольное или искусственное внимание; ибо первое происходит благодаря внутренней силе и естественной и в значительной степени наследственной адаптации; второе же подвержено внешним и надвременным силам. Отсюда большая ответственность или большая степень вины в тех фактах, которые относятся к обычному образу жизни, к общему опыту; то есть к использованию того внимания, которое является спонтанным следствием природы; как

меньшая степень вины в тех событиях, для которых требуется развитое воспитание, правильное направление, привычное использование добровольного внимания. б) Выраженное здесь общее правило терпит исключение в случае уменьшения предвидимости для состояния *удивления* или *изумления*, что является большим признаком вины в использовании добровольного или искусственного внимания, чем в использовании спонтанного внимания. Иногда случается, что новые и необычные объекты или факты вызывают восхищение, а с *эмоциональной* стороны ограничивают силу сознания таким образом, чтобы задержать ход наших идей и зафиксировать нас на созерцании одной точки восприятия. Такое явление, не столь уж редкое, является обычной причиной непредсказуемости, и поэтому его необходимо принимать во внимание. Степень вины, которую оно порождает, выше при добровольном, чем при спонтанном внимании, по тому логическому принципу, что *тот, кто добровольно берется за какую-то операцию, следуя искусству, которому его научили особые способности и обучение, обязан лучше позаботиться о том, чтобы какое-нибудь случайное событие не застало его врасплох и не сделало невольным виновником вреда для других.*

Например, хирург, который берется за операцию, должен ждать, чтобы не случилось кровотечение; и если оно застанет его врасплох, то он, не сумевший его предвидеть, будет нести ответственность за незначительную провинность. в) Спонтанное внимание лучше приспособлено к внешним объектам; добровольное внимание, или размышление, лучше к внутренним. Дарвин хорошо сказал, что последнее - это способность к сложному видению, перенесенная с внешних объектов на внутренние события, которые нелегко понять.

Все виновные правонарушения, относящиеся к исполнению служебного долга, должны быть включены во второй вид умышленных или рефлекторных полномочий: степень ответственности, с субъективной стороны, обусловлена более значительным и продолжительным отношением ожидания; то, что относится к преступному виду *небрежности*, т.е. в упущении того, что принято не упускать при исполнении требуемого долга.

15.- Чтобы завершить изучение первого фактора предвидения, психологического фактора, мы должны сказать о *невнимательности*.

Тот, кто ждет, концентрирует свою психическую энергию на фиксированной точке, сужая в ней поле зрения так же, как тот, кто использует линзу для сбора лучей над одной линзой; тот, кто не ждет или ждет плохо, рассеивает сознательную деятельность и либо остается лишенным восприятия, либо дает повод для путаницы идей и суждений. Отсюда состояние *рассеянности*, которое возникает либо из-за неспособности ума зафиксировать себя устойчивым образом и из-за подвижности перехода от одной идеи к другой; либо из-за поглощенности одной идеей, которая не оставляет уму свободы обратиться в другое место и занять себя иначе. Явление это очень сложное, так как оно вытекает из определенных физических условий и сходной психической адаптации: достаточно сказать, однако, вместе с Гельмгольцем, что мы не воспринимаем все те впечатления, которые не имеют для нас ценности, как знаки, полезные для *различения вещей*. Между тем, независимо от того, являются ли, согласно Мюллеру, токи впечатлений, не воспринимаемые определенными центрами, разрядами других, более низких путей, или сила концентрации постепенно уменьшается пропорционально привычному функционированию мозга, позволяя состоянию сознания переходить в бессознательное, несомненно, что невнимательность является

объектом серьезных исследований, которые интересуют и педагогику, и психиатрию и по-прежнему ищут объяснения проблем, которые остаются нерешенными.

Что касается вины, то состояние рассеянности обычно считается основанием для наказания: но насколько это верно? Есть нормальные состояния рассеянности, которые зависят от дурных привычек умственного употребления или от легкомыслия характера, и для них, мне кажется, нет сомнения в необходимости репрессивных средств. Но есть и другие состояния, в которых проявляются болезненные черты характера, хотя и не всегда очевидные; и говорить о репрессии было бы равносильно тому, чтобы противоречить основополагающему принципу вменяемости.

Бианки очень точно говорит об уменьшении силы задержания в сознании, а также о селективной регулирующей силе, которая исчезает, потому что все, что вторгается в сознание не по воле субъекта и даже часто против его воли, не наталкивается на отталкивание. "Оно свободно врывается в поле сознания, лишая его в большей или меньшей степени силы восприятия и прежде всего силы апперцепции. Здесь всегда речь идет о двух фактах, которые связаны с этим патологическим состоянием и характеризуют его: с одной стороны, неспособность удержать в сознании идейную констелляцию, которая является объектом волевого внимания; с другой стороны, неспособность удержать вне сознания другое количество идей, которые не имеют отношения к первым, и против которых волевая сила внимания слабо и неэффективно осуществляется"[144].

Сам Бианки вспоминает об отдельных более или менее патологических состояниях внимания; о явлении *гипопроцессии* (ослаблении внимания) вследствие утомления; об ослаблении его силы, скорее распределительной, чем фиксирующей, производимом эмоциями (Фере, Бине, Пик, Моссо); о том, что происходит в области бессознательного, при психических автоматизмах, при неврастенических состояниях и т. д.

Мы уже говорили, что вторым фактором предвидения является логический фактор, состоящий в возможности предвидеть вероятные вредные последствия наших действий. Невозможность предвидения порождает *случайность*, а значит, и отсутствие ответственности за поступок. Что такое случайность? В обычном смысле - это все, что не может быть связано с законом; в логическом смысле - это незнание этого закона, то есть невозможность вспомнить его через накопление случайных обстоятельств или предвидеть его в причинной связи между известными нам фактами и событиями, к которым они привели бы.

Теория случайности во всех психических связях основывается на теории вероятности, именно потому, что, согласно Миллю, мы можем предположить, что выводы относительно возможности факта основываются на знании пропорции между случаями, в которых факты этого рода производятся, и теми, в которых они не производятся; эта пропорция, кроме того, может быть найдена специальным опытом или выведена из предыдущего знания причин, действие которых благоприятствует производству данного факта, по сравнению с теми, которые могут нейтрализовать его.

Применяя эти нормы к логическому понятию вероятности в предсказании вредных последствий собственного факта, мы получаем следующие следствия: 1° степень вероятности предсказания неизвестного эффекта относительно известной причины находится в прямой пропорции к случаям, в которых эффект происходит, и в обратной пропорции к случаям, в которых может произойти обратное; 2° уменьшая случаи

вероятности, мы вступаем в область непредсказуемого: которая обозначает неопределенный ряд состояний сознания, неисчислимых *априори* и варьирующихся от самой рефлекторной проницательности до самой привычной невнимательности; 3° для психофизического функционального единства нашего ума все, что прямо или косвенно уменьшает или нарушает способность ожидания, делает предсказание менее вероятным; Таким образом, правильное воспитание внимания и постоянное использование тормозных способностей, устраняя причины ошибок, способствуют предсказуемости и делают нас более готовыми к устранению случайных причин, которые конкурируют с одним из наших действий, приводя к последствиям, которых мы должны избегать.

ГЛАВА XIV.

О некоторых правовых формах криминальной психологии

I.

Провокация.

1. Динамическое происхождение аффективного состояния.-2. *Задерживающее* действие в аффективных явлениях.-3. Субъективность провокационного акта.-4. Аномальные формы чувствительности при провокации; *иллюзии*.-5. *Галлюцинации*.-6. *Внутренний язык*; расщепление эго, пример солилоkvита Ланселота в "*Венецианском купце*" Шекспира.-7. Юридические последствия расстройства сознания в состоянии галлюцинаторного возбуждения.-8. *Бессознательная* ненормальность внутреннего провокационного процесса.-9. Провокация и *истерия*.-10. Провокация у *неврастеников*.-11. Психология *интенсивной боли*.

Состояние страсти, которое, как мы уже говорили, является причиной импульсивной склонности к преступлению, не должно игнорироваться законодателем, который призван соразмерять ответственность со степенью субъективной силы действия, уменьшенной любым мотивом, нарушающим его естественное функционирование. Это фундаментальный динамический закон, согласно которому любому действию соответствует равная реакция; точно так же мы инстинктивно склонны отвечать на обиду обидой, возмущаясь тем, кто посягает на личное благополучие или изменяет психофизическую экономику жизни. Отсюда первый вид репрессивной справедливости, возложенной на личную месть, и первое появление той борьбы за права, которая является гарантией сохранения своего существования. Отсюда вытекает обязанность в социальной совокупности ограничивать индивидуальную деятельность соответствующими предписаниями, которые, унижая ответственность за зло, оправдываемое расстройством страсти, санкционируют наказание с целью предотвратить необузданное проявление жестоких инстинктов мести и восстановить правило взаимного уважения между гражданами.

Понятие провокации, изложенное нашим законодателем в статье 51 Уголовного кодекса, заставляет нас вернуться немного назад во времени и вспомнить то, что было сказано о происхождении эмоций, особенно гнева и ненависти, и о динамических законах, по которым аффективные состояния совести возникают в нас и являются причиной внешних действий, противоречащих хорошему социальному порядку. Прежде всего, мы должны помнить, что

любое ощущение есть не что иное, как изменение движения, которое преобразуется извне в наше внутреннее состояние и является признаком силы, действующей в конфликте или в конкуренции с другими внешними силами.

"Сенсация, - пишет Фуйе, - это не пассивное отражение реальности: это сама реальность в труде и ощущении своего труда. Если бы не было ощущений, а были бы только не ощущаемые движения, то в мире вообще ничего бы не происходило. Если предположить, что этих движений было бы достаточно, чтобы произвести те же эффекты, которые производятся сегодня, сохранить организованные существа от разрушительных воздействий извне, обеспечить им преимущество в борьбе за существование, то ощущения, будучи *бесполезными*, не производились бы вообще, и механические явления не испытывали бы потребности добавить к себе этот посторонний эпифеномен."^[145]

Необходимость, которую Фуйе выводит из логически вытекающего аргумента, является лишь выразителем биологического закона действия сил на органическую материю, а не другого закона реакции органической материи на силы^[146], в общем смысле, то есть, что сила, воздействующая на наш организм, изменяя его прежнюю экономию, сама должна претерпеть соответствующую дифференциацию.

Законодатель, приписывая повод к оправданию, к провокации, моменту *порыва* страсти, гнева или сильной боли, предполагает, что судья не пренебрегает предшествующими аффективными состояниями души агента; более того, он хочет, чтобы он должен был произвести их тонкий анализ, чтобы в отдельных случаях заключить, в какой степени страсть унизила сознание и свободу поступков, чтобы потребовать применения наказания не в полной мере, как того желает закон. Человека можно рассматривать как комплекс явлений, которые склонны к определенной систематизации: каждая из его физических или моральных частей стремится организовать себя по своему усмотрению, и часто эта организация одной части осуществляется за счет другой части (Paulhan). Что, при ближайшем рассмотрении, является источником нашей спонтанной активности, которая, начиная с сохранения органической экономики, имманентна всем актам существования и, проявляясь в явлениях внутренней и внешней жизни, обретает силу в борьбе с вечными препятствиями, которые она встречает. Поэтому эта концепция приемлема для тех, кто видит в аффективных явлениях лишь *заторможенную тенденцию*, или, другими словами, по мнению Паулана, более или менее сложное рефлекторное действие, которое не может преуспеть в том, к чему оно могло бы прийти, если бы организация явлений была полной, если бы существовала полная гармония между организмом или его частями и их комбинацией существования, если бы система, образованная сначала на основе человека, а затем на основе человека и внешнего мира, была совершенной.^[147]

3.- После этого он приходит к выводу, что первым и самым важным элементом оправдания является *несправедливый поступок*, который дезорганизовал равновесие наших способностей, став причиной остановки того нормального психического функционирования, которое является необходимым условием нашего благополучия. Этот акт, как предписывает отмененный Сардинский кодекс и в соответствии с учениями доктрины, должен оцениваться субъективно по отношению к провоцируемому; при этом, по словам Каррары, "если поступок не является совершенно беспричинным и зверским, то даже ошибочное легкоеверие в том, что человек пострадал от возмущения, что у него есть основания опасаться неизбежных побоев или нанесения ущерба личности, должно быть оценено в соответствующих терминах. В противном случае человек будет отвечать за незнание собственного интеллекта или за невольную ошибку. Если, разбуженный ночным шумом, я увижу незнакомца, пробирающегося в мою комнату, и, полагая, что он вор или убийца, выстрелю в него из

оружия, то не буду ли я более оправдан, если окажется, что он не вор и не убийца, а несчастный лунатик или скрытый любовник горничной, ошибшийся комнатой?"[148] .

Справедливость или несправедливость поступка соотносится с переменной концепцией, выводимой из совокупности обстоятельств, которые его вызвали, и в зависимости от степени чувствительности, с которой этот поступок был воспринят пассивным субъектом.

Степень действенности провоцирующего мотива определяется рядом обстоятельств, повлиявших на несправедливость и вызвавших чувствительность пострадавшего лица.

Отсюда вытекают следующие два следствия: 1° *степень действенности провокационного мотива увеличивается обстоятельствами, которые в меньшей степени извиняют несправедливость поступка и благоприятствуют склонности к реакции;* 2° *уменьшается обстоятельствами противоположными.*

Несправедливость поступка и чувствительность субъекта - вот два термина, которые, соединяясь в единое преходящее состояние сознания, должны служить нам для вывода об оправдании вменяемости у тех, кто, реагируя, был транспортирован для совершения зла. Первый термин воспринимается субъектом с быстротой суждения, которое простирается до констатации противоречия между действиями других и его собственным правом на уважение; отсутствие необходимости в правонарушении, умаление личного достоинства, принуждение сделать то, что он не собирался делать. Это элементы или способы одного суждения, которое занимает внимание человека и, ослабляя или затушевывая все сентиментальные и идеальные факторы противоположного, поглощает всю его энергию в реактивном усилии, с забвением даже опасности, с которой он сталкивается.

Под чувствительностью мы понимаем способность субъекта к восприимчивости или пассивности, то есть степень, в которой он склонен отражать в себе впечатления с большим или меньшим сентиментальным тоном, фантастической окраской, аффективным чувством.

Говоря о страстях в целом, мы отметили тип импульсивного или порывистого преступника. Чтобы завершить предположение, мы должны разобраться с некоторыми аномальными формами чувствительности, которые так часто встречаются в преступлениях, которые, как говорят, вызваны предшествующей провокацией.

Речь пойдет прежде всего об *иллюзиях* и *галлюцинациях*. Нередко приходится наблюдать допрос подсудимого, который просит судью оправдать провокацию по фактам, которые потерпевший отрицает и которые не смог установить ни один свидетель. Если испрашиваемая выгода не является тщетным предлогом, подсказанным хитростью или интересом добиться смягчения наказания, то в соответствующих случаях она может быть обоснована гипотезой об иллюзии или галлюцинации. Иллюзия - это обманчивая видимость, ошибка чувств: ее можно определить как *измененное восприятие объекта, которому вследствие ассоциативного расстройства или функционального расстройства органов чувств приписываются кажущиеся качества, не соответствующие истине и являющиеся продуктом плохо организованной памяти, оживленной воображением.*

Общий закон восприятия состоит в том, что, *хотя часть того, что мы воспринимаем, поступает от объектов, находящихся перед нами, через наши органы чувств, другая часть, и возможно, что большая, всегда поступает (по словам Лазаря) из нашего собственного мозга (Джеймс).*

Материал опыта и культуры остается в мозговых центрах логической связкой воспоминаний и образов, организованных в функциональное единство психического равновесия. Располагая органы чувств по отношению к внешнему миру, мы познаем предметы с точностью, соответствующей не только объективной *реальности*, но и субъективной *истине*: отражая в себе внешний мир не обманчивым зрением, мы можем, с уверенностью убеждения, судить о существовании и важности приобретенных понятий. Но иногда воспоминания, образы обрывочны, логические связи между идеями слабы и неустойчивы, и на просторах сознания мысли колеблются неопределенными течениями, не имея достаточной силы внимания, чтобы остановить их бурный ход. Не исключено, что вдруг возьмет верх какое-то сенсорно-идеальное воспоминание, стимулированное ощущением внешнего объекта, оживленное внутренним импульсом, и сознание, словно удивленное, остановится в своем колебании: тогда перед глазами предстанет видение, не соответствующее действительности, но тем не менее овладевающее нами с такой силой, что мы ощущаем его воздействие до самых глубин души. Нам кажется, что мы видим то, чего нет; и, что особенно важно, обман оказывает свое пагубное влияние на мозговую ткань, подавляя прежний психический ритм и придавая неожиданное направление нашим действиям.

Это явление гораздо чаще возникает среди эмоциональных идей, именно потому, что иллюзии, будь то физиологические или патологические, прорастают в психической среде, подготовленной предыдущими прерванными импульсами, подавленными или задушенными чувствами, приятными или болезненными ощущениями, которые не были полностью рассеяны, живыми тенденциями, которые были плохо подавлены.

Я знаю ревнивого мужа, который клялся, что видел на щеке своей жены отпечаток поцелуя ее любовника; другого мужа, который, наблюдая за глазами новорожденного ребенка, клялся, что они небесного цвета и похожи на глаза подозреваемого мужа его жены; тогда как, без сомнения, они были черными. Я знаю одного обвиняемого, который видел, как его противник бросился на него с вооруженной рукой, в то время как тот не двигался с места и только сжимал кулаки в знак негодования по поводу оскорблений, произнесенных в его адрес; другого обвиняемого, который говорил, что видел в руках жены портрет своего любовника, что он действительно узнал его, в то время как это было, и это было доказано, изображение святого!

Что касается провокационных мотивов, то существуют иллюзии, которые с патологической стороны менее значительны, чем серьезные сенсорные расстройства, но, тем не менее, тем более важны с психологической стороны. Я имею в виду восприятие, измененное внутренним расположением духа, в первую очередь сентиментальным, депрессивным или чрезмерно возбужденным тоном, доминирующей идеей в ассоциативном процессе, прерывистостью рефлекторных сил.

Объект, или воспринимаемый акт, настраивает и отражает способ чувствования и мышления: не осознавая ошибки, мы находимся под впечатлением от нее. Улыбнулся ли оппонент с безразличным воздухом? Мы видим в ней насмешку и радуемся ей. Произнесли ли другие слова совета? По тону голоса и жестам мы читаем намерение презрения и обиды.

Обычно мы говорим, что это *обманчивые ошибки*, но если присмотреться, то можно увидеть, что дефект не в интеллекте, а в чувствах, и что ошибочное суждение зависит от иллюзии.

5. подобно заблуждению, но с более серьезными нарушениями чувств, является *галлюцинация*. "Галлюцинация, - пишет Бианки, - это *субъективное восприятие*. Если в иллюзии объект воспринимается плохо, потому что субъект снабдил его коннотациями, которыми наполнено его сознание и которые ему не принадлежали, то в галлюцинации

внешний стимул даже отсутствует, а воспроизводятся оригинальные, примитивные, из сенсорных центров, образы, которые, возможно, были сформированы и зарегистрированы в соответствующих центрах. То есть, они возникают из коннотаций, обеспечиваемых различными ощущениями в разное время, и теперь связаны в конкретный образ творческим свойством мозга в тех же сенсорных областях, в которых образы формируются и регистрируются физиологическим процессом, так что они пробуждаются, благодаря внутренней активности нервных элементов, и проецируются вовне, или, как можно сказать, объективируются"[149].

На практике мы должны сказать, что при оценке субъективных состояний гипотетическое эквивалентно реальному, и мы уже цитировали выше авторитетное суждение Каррара о том, что такое эффект ошибки: тем более в гипотезе иллюзий или галлюцинаций.

Галлюцинаторная психология, после классических исследований Бриера де Буамона, расширила свою область на широкие границы и стала доминировать в интерпретации явлений, которые когда-то принадлежали к религиозным верованиям и имели столь большой вес в исторических событиях отдельных людей и народов.

Идея, чувство, как мы видели, обладают собственной активностью, они являются лишь формами мозговой деятельности. Психический материал, в актуальности образований, имеет случайную связь с внешним миром: он сохраняет накопленные энергии, скрытые способности, способные возникать и действовать, независимо от сенсорного возбуждения. Спекулятивная научная работа, ведущаяся круглые сутки, совершенствование изящных искусств и бесчисленные акты психологического автоматизма показывают нам, что мир духа живет своей собственной жизнью, хотя богатства, находящиеся в его распоряжении, пришли к нему из других мест и постоянно увеличиваются или изменяются благодаря работе органов чувств. На механической фабрике можно наблюдать инструменты для гениальной работы: они приходят извне, но рабочие, завладев ими, используют их по своему усмотрению, не замечая этого. Именно так можно понять галлюцинацию - полностью внутренний феномен, свободный от влияния чувства, не имеющий отношения к объектам вне эго; психический факт, изолированный или оторванный от связи непрерывности с реляционной жизнью.

Интроспективный анализ дает нам понять, что воспринимаемые образы проецируются на глаз и, с неуверенным движением, принимают физиономию, соответствующую нашим аффективным желаниям, страстным состояниям печали, радости, симпатии, ненависти: это для каждого из нас источник того блуждания ума, то сладкого, то болезненного; то сомнительного, то оживленного уверенностью, то подавленного унынием.

Ощущение, зафиксированное в виде образа в памяти, возникает вновь и является причиной *ментального зрения*, которое, по определению Балле, "есть способность сохранять в виде образов более или менее ослабленную память о наших зрительных ощущениях, а также воспроизводить и оживлять эти образы под влиянием различных стимулов, путем ассоциации идей"[150]. И далее там же: "Эта способность существует у каждого из нас. Но она развита очень по-разному. В то время как одни люди сохраняют лишь смутное воспоминание и образ с нерешительными очертаниями предметов, другие оживляют свои зрительные образы с большой легкостью; эти образы с такой ясностью, что воображаемый объект имеет почти всю точность реального объекта"[151].

6.- Мы часто замечаем, что, помимо мысленного видения воспроизведенных образов, мы подвержены явлению, известному как *внутренний язык* или *внутренняя речь*, то есть мысленный слух, состоящий в пробуждении слуховых ощущений, воспринимаемых нашим

мозгом и удерживаемых в форме образов, особенно представляющих знаки языка (Ривароль, Эггер, Паулан, Тэн, Бине, Шарма, Балет и др.). Человек, чей образ предстает перед нами, должен был уже вступить с нами в контакт посредством какого-то действия, которое оставило у нас яркое воспоминание об отвращении или ненависти; как это бывает, например, в случае неприязни, неудовольствия или злобы. Если в данный момент мы испытываем лишь мимолетное впечатление, то с течением времени представление об этом поступке может усилиться и превратиться в галлюцинаторное видение, сопровождаемое даже слуховыми ощущениями языка противника. Если по странному стечению обстоятельств после этой работы аутосуггестии встречается предполагаемый враг, достаточно незначительной случайности, чтобы галлюцинация, до этого не очень живая, разгорелась и вспыхнула с бурной яростью.

В другое время, после внушения, скажем, злобы к кому-то по достаточной причине, состояние душевного равновесия ослабевает, личность разрушается, раскалывается; и мы видим, что эго поставило себя в противоречие с самим собой, удвоив себя в упорном воображаемом видении, в позиции открытого противостояния. Примитивное "я", поддерживаемое разумом, убеждающей силой воспитания и принципов порядка, пытается и стремится бороться с новым "я", которое все больше и больше восстает и бунтует, очерчивает личность противника отвратительными нотами, превозносит совершенный им поступок, очерчивает его темными оттенками; оно пробуждает из глубин животной жизни дремлющие инстинкты мести; оно заставляет человека слышать, с помощью слуховых галлюцинаций, сам голос, оскорбительный язык человека, которого он уже ненавидит; оно разжигает огонь гнева и, получив благоприятный повод, побуждает его к убийству.

Пример такого расщепления эго, с видением контраста между воображаемыми энергиями, символизируемыми демоном и совестью, мы имеем в солилоkvиях Ланселота в *"Венецианском купце"* Шекспира.

Конечно, это мой долг совести.

Обратить меня в служение этому еврею:

Дьявол в моих волосах; он искушает меня

И говорит: горбун или *горбунья Ланселот*,

Добрый Ланселот: добрый горбун:

Добрый Ланселот-горбун; давай, он тебя побьет,

Проваливай, проваливай! - Совесть

Ответы: *честный горбун,*

Честный Ланселот, береги себя;

Или также: *Честный Ланселот-горбун,*

Как я уже сказал, не уходи,

Не ищи помощи у Калеканьи.

И Димон, более оживленный, из Римбекко

Приказывает выселить: *"Прочь!"* - повторяет он:

Убирайся! Клянись небом! говорит демон:

Ты решился быть сильным, чтобы сказать: *"Возвращайся".*

Мой господин Демон, *и очищает поле.*

Тогда узнает сердце мое на шее его

Совесть, и с великой мудростью: *О мой*

Честный друг мой, Ланселот, добавляет,

Ты сын доброго человека:

А вернее: *баловня женщин.*

(Ибо к отцу моему иногда приливал
Я не знаю, какой еще аромат, я не знаю, какой вкус):
Совість, значит: *не шевелись*.
Говорит; а демон: *иди*; - Не *стой*, другой
Ответ- .[\[152\]](#)

7.- Кто бы ни спросил меня, как следует оценивать последний исполнительный акт внутреннего преступного намерения человека, находящегося в тисках вышеупомянутого состояния галлюцинаторного возбуждения, я отвечаю: закон намерен уменьшить ответственность пропорционально деградировавшей совести и свободе воли; он намерен вычислить среди критериев вменяемости, страха перед преступником, несправедливости деяния состояние душевного волнения подсудимого: если все это находит применение в рассмотренных выше видах, то почему бы не прибегнуть к помощи провокации? Судья всегда помнит приведенное выше высказывание Романьози: "Говоря точно, человек побуждается к действию не в большей или меньшей степени в зависимости от *реальности* пользы, то есть в зависимости от того, что его действительные причины, взятые сами по себе и в сочетании с природой и конституцией человека, могут постоянно и действительно приносить добро или зло; и не в меньшей степени в зависимости от того, что определенные комбинированные физико-моральные отношения могут особенно приносить пользу его ближним; даже не в той мере, в какой сам обдумывающий и совершающий правонарушения человек знает это более или менее *ясно*, или просто может ожидать этого с большей или меньшей *уверенностью*; но скорее в той мере, в какой его идея щекочет и привлекает его чувствительность с большей или меньшей силой."[\[153\]](#)

8.- Другая форма, более сложная для рассмотрения, аномалия внутреннего провокационного процесса (простите за выражение) - это та, которая, патологического или непатологического происхождения, вырабатывается в области бессознательного, ниже порога сознания, между наследственными инстинктивными действиями. Мы уже говорили об этом в других аспектах: полагаем, поэтому мы повторим это здесь с новыми приложениями.

Когда мы установили причину, поразившую нашу чувствительность, она нас тревожит; спокойствие скоро возвращается, и, сменяя друг друга, мы забываем даже воспоминание о происшедшем. Напротив, иногда, возвращаясь с размышлением к пережитому негодованию, мы удивляемся ему, уверенные в себе, в силе имеющегося в нашем распоряжении торможения, в силе сопротивления всякой, я не говорю преступной реакции, но невоздержанности поведения. Между тем со временем провокационный мотив, скрытый во тьме бессознательного, набирает силу благодаря контакту с энергиями, которые остаются в состоянии вечной потенции: не имея достаточно сил, чтобы выйти на поверхность зрительного плана, он остается в неволе, в своего рода эмбриональной жизни. Но - когда мы меньше всего думаем об этом - некое случайное обстоятельство останавливает внимание, заставляя врасплох, возникновение озабоченности, которая, появляясь среди воспоминаний о прошлом, заставляет сорвать завесу тайны и показать нам вновь пробудившуюся идею забытого *преступления*. Душа охватывается трепетом, и мы остаемся побежденными, обескураженными под гнетущим кошмаром чувств и печальной неопределенности. Против этого болезненного, тревожного состояния поднимается оружие разума; кажется, что при появлении чудовища, которое до тех пор оставалось скрытым во тьме, все добрые намерения обращаются в бегство. Нуждаясь в благоприятных обстоятельствах для возвращения к контакту с обидчиком, мы, прилагая чрезвычайные усилия, стараемся, обращаясь с ним и преувеличивая его близость, почти бросить вызов себе, чтобы предстать

превосходящими, побеждающими перед лицом эмоционального возбуждения болезненного воспоминания. Но, сами того не осознавая, мы тем самым подбрасываем приманку в огонь: в какой-то момент, когда случайно ослабляется наше бдительное рефлекторное сопротивление, стремительно поднимается волна, вызванная непредвиденным предлогом; буря поднимается из глубины, и нашу волю захлестывает неудержимый порыв гнева. Если вследствие этого совершается преступление, то не исключено, что судья, перебирая прецеденты и отмечая, исходя из внешнего вида событий, мнимого спокойствия подсудимого, недостаточности конечного мотива поступка, придет к выводу об отягчающем обстоятельстве - преднамеренности! И все равно такая несправедливость вызывает сожаление, со-ставляя не что иное, как незнание явлений, как ни странно, в равной степени соответствующих человеческой природе.

Говоря о видах и степени чувствительности, мере смягчения ответственности в зависимости от провокационных действий, нельзя не сказать об эмоциональном состоянии тех, кто страдает *истерией* или *неврастенией*, двумя болезненными клиническими формами, столь же распространенными в наше время, сколь и игнорируемыми в судах.

Истерия заключается в *ненормальном конституциональном состоянии* мозга, которое проявляется во всех функциях, *двигательных, сенсорных и психических* (Борри). Нарушения чувствительности и эмоциональности у страдающего полиморфны: яркая импульсивность или апатия в отношениях; реактивное восприятие, несоразмерное раздражителям; экзальтация воображения; непреодолимая внушаемость; преобладание автоматизма; живое представление и изменчивость характера на малейшие оттенки сентиментальности; странные ориентации сознания; случайная ассоциация между самыми несходными идеями; фиксация идей вплоть до одержимости; возникновение повелительных инстинктивных актов под влиянием малейшего аутосуггестивного мотива (Ласег, Эскироль, Жане, Питрес, Далли, Бианки и др.). Радость и печаль, спокойствие и буря, симпатия и антипатия, гнев и спокойствие - таковы в истерии противоположные эксцессы, в которых поляризуется жизнь духа; и все же это те многочисленные признаки, которые должны предупреждать нас, когда мы должны оценивать действия, совершенные в результате таких ненормальных состояний. Что ж, нас часто обманывают видимостью, чтобы мы квалифицировали как великодушные поступки, вдохновленные глубочайшим эгоизмом, и в которых нет ничего реального, кроме театральности, которая для истерика доходит до архитектуры самых причудливых проектов. Ложь и обман - вот оружие, которым истерик пользуется, чтобы дать волю плохо подавляемой ненависти, заранее намеченным намерениям мести: чувства не ограничиваются тем, что движут и вдохновляют обычные расположения души, различные настроения, а напротив, возвышаются и вырождаются в истинное движение страсти, психическую гиперестезию (Крафт-Эбинг).

Болезненная перевозбудимость истериков позволяет считать, что они чрезвычайно восприимчивы к возбуждению от любого провоцирующего мотива, особенно если он относится к сфере эротического аффекта, и поэтому способствует возбуждению ревности, злобы, тревоги контраста, отчаяния покинутости. Суггестивное действие, ставшее невозможным благодаря очарованию воображения, очень легко, в ничтожных случаях, придает тело тени, в итоге нарушает лабильное психическое равновесие, и гнев становится следствием преследовательского бреда, со вспышками или вспышками крайнего насилия.

В самых сложных уголовных процессах, в сенсационных прениях судья и особенно присяжные не могут объяснить жестокие преступления по мимолетным причинам, которые даже не заслуживают чести быть принятыми во внимание: обвиняемая либо не умеет защищаться, замкнувшись в мрачной боли постигшего ее несчастья, либо настолько

преувеличивает свои доводы, что ей не верят и почти всегда возникают вопиющие подозрения в злом умысле, симуляции или несуществующей диссимуляции.

Когда защитник, учитывая подобные случаи, попытается просить оправдания в виде провокации, пусть даже по тщетным причинам, но которые, в силу ненормального психического состояния истерика, стали причиной столь серьезных дезорганизующих воздействий на сознание и глубоких нарушений в области аффективности, обвинитель, если он не достиг научной высоты своего сана, начнет рассуждать о несоразмерности причины и следствия, чтобы вызвать убеждение, что, если в данном случае странно, что убийство было совершено по столь незначительному мотиву, было бы еще более странно признать, что обвиняемый заслужил пользу провокации!

Пока, запомните, абстрактные силлогистические афоризмы не будут изгнаны из залов правосудия, а вместо них не появится сдержанность, проистекающая из *относительности* наших убеждений, ошибка будет проникать в сознание судьи и нарушать самые святы принципы справедливости и истины!

Среди критериев для определения оправдания провокации Каррара предпочитал тот, который выводится из более или менее длительного промежутка времени, прошедшего между правонарушением и реакцией; именно потому, что, по мнению этого автора и других представителей классической школы, аффекты не могут служить оправданием, если они не имеют, среди прочего, характера *быстрого* и, в определенных пределах, краткого, *бурного* действия, которое преодолевает обычное спокойствие разума.

Мы согласны в целом признать указанные критерии, но горе, если на практике они будут иметь абсолютную силу! По прошествии времени может наступить спокойствие, после того как разум был взволнован каким-либо поводом для обиды; но, как это редко бывает, это может быть также причиной усиления обиды и последующей вспышки гнева, что обычно наблюдается у истериков и у тех, кто не обладает полной целостностью чувствительных и эмоциональных способностей.

10. После того как мы упомянули о состоянии чувствительности и эмоциональности у истериков в связи с последствиями провокации, мы скажем о *неврастениках*.

Неврастения, это невропатическое состояние, которое в настоящее время в такой степени поражает все социальные слои и является выразителем как истощения духа в его борьбе с самим собой, так и недостаточной траты энергии на нужды существования, в последнее время перешла из сферы изучения психиатра в сферу изучения психолога-юриста, и это для того, чтобы просветить судью в его постоянных сомнениях и трудностях, когда ему приходится выносить решение о степени вменяемости несчастных, которых иногда несправедливо считают самыми плодовитыми преступниками только потому, что они менее склонны пользоваться средствами сдерживания, предлагаемыми гражданским обществом. Имея в качестве дегенеративного фона *раздражительную слабость нервной системы* (Крафт-Эбинг), неврастению следует отличать от следующих психических характеров: общая атония, с функциональным изменением коэстетического чувства; пассивность сознания к любому внешнему или внутреннему раздражению; снижение дискриминационных способностей с относительным торможением ассоциативных процессов; бурная, насильственная аффективность; прерывистость сознания в переходные периоды безрассудства в поступках; непредсказуемость будущего; бурные приступы фиксированных идей, осаждающих душу и нарушающих ритм ее равновесия; склонность к

бурным страстям, особенно к гневу и мести; перевозбуждение, эмоциональность, доходящая до степени бредового помешательства. К еретической форме, в частности, относятся, по мнению Бианки, люди, часто вполне развитые в области чувств и интеллекта, но при малейшем стимуле становящиеся перевозбужденными, подвижными, преувеличенными в своих суждениях и действиях, над которыми они не могут осуществлять должный контроль, с бесполезной тратой энергии; они жестоки, импульсивны, их ничто не тревожит и они торопят события .[154]

Похвальной была мысль нашего законодателя добавить к старому понятию провокации, ограничивающемуся возбуждением гнева, даже гипотезу об уменьшении ответственности как следствие импульса сильной боли.

Мы уже обсуждали коэнестезию преступника и соматические сопутствующие боли факторы: чтобы дополнить наши знания об этом, мы должны проникнуть глубже в душу преступника и увидеть, как боль прорастает и смешивается с активностью преступной энергии, сгущается и захватывает самые скрытые и интимные части сердца.

Видите ли вы того человека, который, разбогатев благодаря удачному положению в обществе, пользуясь всеобщим уважением, жил спокойной и счастливой жизнью, украшенной домашним покоем, окрыленный радужными надеждами на будущее? Теперь он задумчив, устал, удручен; он не любит разговоров, мало пользуется удобствами, которыми располагает: иногда склонен к грусти, большую часть времени сосредоточен на мрачных мыслях, озабочен тайной, которую старается держать в себе, ревнуя, что о ее существовании догадываются. Если он работает, если он разговаривает, то зоркий наблюдатель угадывает в нем суматоху, нерешительность, робкое мелькание мыслей: вера в будущее поколеблена; ум, в промежутках, притупляется, и человек, который только что казался предметом зависти, становится знаком любопытного внимания публики, недоверчивого отношения близких. Сначала в его душу проникло подозрение, затем убеждение в предательстве супружеской веры, бывшей источником тихого блаженства, ревностного труда и терпеливого самопожертвования. В нем поселилась боль, которая, будучи более интимной, столь же печальна, сколь и тосклива: не находя выхода в ласковых признаниях, она концентрируется, осаждает душу и гасит любые возможности облегчения.

Не зная средств от столь тяжкого зла, несчастный знает только, как изводить себя; стремясь отстранить от себя горькую чашу, которую вынужден глотать капля за каплей, он уже не чувствует любви к жизни, ставшей театром горечи; стремясь сохранить высшее благо бытия - честь, он испытывает страсть ненависти и гнева, кипящую в его сердце против тех, кто был добровольной причиной тяжкого оскорбления: На краю бездны, вырытой под его ногами, он не боится ничего, кроме того, что не выполнит возложенного на него долга отомстить за нанесенное ему оскорбление, восстановить, пусть даже с помощью преступления, свое нравственное равновесие, нарушенное позором нарушенного брачного ложа".
Фиксированная идея, - пишет Бурже, - оказывает на наше сердце такое же воздействие, как яркая и неподвижная точка на глаза; она гипнотизирует доминирующее существо и ограничивает его чувствительность очень узким кругом ощущений".

Так, несчастный преданный супруг, жертва сильной боли или взволнованный всеми фуриями; ревностью, которая возвращает его к утраченной сладости наслаждений любви и отвращает его от тех, кто растратил его счастье, отдаваясь желаниям других; мыслью о бесчестии, нанесенном человеку, фамилии, детям, родственникам; убеждением в

непоправимом зле, не заполнит пустоту, вырытую бесчестием, иначе как прибегнув к крайним средствам мести!

Описанный пример - один из многих примеров сильной скорби по интимным причинам; но есть и другие, которые превращаются в причины преступления и оправдываются, как и закон, общим чувством жалости, жалости к печальным судьбам, неотделимым от несчастной человеческой жизни.

Эмоция, характерная для чередующихся или непрерывных состояний сильного горя, - это *печаль*, характерной физиологической и физиогномической чертой которой является парализующее действие, оказываемое ею на волевые мышцы (Ланге).

Она бывает отрицательной или положительной: в первой форме она вторгается в душу и заполняет ее собой, тянет ее вниз и лишает даже надежды на исправление; личная энергия опускается ниже уровня инстинктивной реакции; источник желания и воли иссякает; горизонт мысли затуманен; дух уничтожен, путь к надежде закрыт; даже сила протеста или просьбы о сочувствии со стороны других людей подорвана. Человек уничтожен, ибо он лишен всякой опоры для существования, а всем известно, что жизнь поддерживается иллюзиями, верой, идеалами; горе тому, кто лишает себя их и создает вокруг себя пустоту; горе тому, кого несчастье довело до такого жалкого состояния!

Но печаль может быть и активной (вторая форма), с чем, как правило, сталкивается на второй стадии сильная моральная скорбь. Человек начинает мало-помалу оживлять мотивы интереса к жизни; усилиями самовнушения он возвращает себе веру в себя и в других; горизонт мысли очищается, воля готова, нетерпелива к промедлению. Многие неразумные наблюдатели легко путают эту, скажем так, аккомодационную стадию интимной боли от обиды со спокойствием, порожденным убеждением и привыканием жертвы, отбросить обиду и смиренно переносить, даже в будущем, позор, причиненный прямо или косвенно. За кажущимся спокойствием может скрываться бурная ярость души Отелло или мрачное, непреклонное раздумье, ожидающее возможности отомстить, как в "Гамлете"; Но горе продолжает преобладать и, когда другие меньше всего верят, яростно рвется к мести, к изумлению тех, кто считал, что благодаря видимому спокойствию буря утихла, которая при встрече, скрытая в глубине души, нуждалась в новом порыве ветра, чтобы вырваться наружу и смести все!

II.

Законная оборона и состояние необходимости

1. Характер *законности* или *справедливости*, *необходимости* и *актуальности* в дискриминации самообороны.-2. Физиолого-психологическая стадия защитного механизма человека: физические, интеллектуальные и моральные коэффициенты.-3. Оценка *страха* как *естественного* основания правомерности правонарушения.-4. Психология страха; психическое равновесие; вторичные коэффициенты потребности в обороне.-5. Система, которой придерживается наш Кодекс.-6. Разграничение правомерной обороны.-7. Правомерная оборона в лице других лиц.-8. Состояние *необходимости*; его юридическое и логическое содержание.-9. Теория римских юристов.-10. Различие между состоянием необходимости и самообороной.-11. Крайности состояния необходимости.-12. *Тяжесть* и *неотвратимость* опасности.-13. *Случайность* и *неизбежность* опасности.-14. Состояние необходимости для спасения других.

1.- В дополнение к некоторым правовым формам криминальной психологии мы рассмотрим самооборону и состояние необходимости. При этом мы не будем касаться чисто юридических понятий, которые являются посторонними для темы данной книги.

Говоря о самообороне, мы написали следующие замечания^[155] в другом месте, которые, вспомненные через десять лет, служат новым аргументом, чтобы убедить читателя, что мы постоянно были убеждены, что единственный позитивный и эффективный подход к уголовным вопросам - это тот, который не отличается от научных принципов *динамической школы*, и что антропологи и социологи были неправы, отдаляясь от нее, когда они поддерживали свои теории либо исключительным соматическим элементом индивида, либо абсолютным влиянием социальных потребностей.

Почти все авторы предупреждают в свою защиту характер *законности* или *справедливости*; *необходимости* и *актуальности*. Все, что не делается против закона, или, скорее, для отражения незаконного нападения, законно, что уже не так, когда человек является первой причиной зла, которое он затем отражает с ущербом для других. Необходимость присуща непосредственной опасности угрожающего зла; она навязывается исключительным условием, когда человек уже не может прибегнуть к защите закона, а вынужден прибегнуть к частной силе, к индивидуальному труду. Актуальность, таким образом, содержит в себе обязательство прекратить право реакции, как только действие прекратится. Характер законности поддается объективной оценке на основе некоторого правового предписания, которое, определяя разрешенный или запрещенный характер наших действий, учит нас и тому, как его оценивать. Но характер необходимости и актуальности должен рассматриваться субъективно и в связи не только с особыми обстоятельствами, сопровождавшими насилие или нападение и правонарушение или реакцию, но и в связи с характером обиженного и правонарушителя и особым душевным состоянием, вызвавшим реакцию правонарушителя.

С помощью этого метода, возвращаясь к интимной и примитивной природе человека, можно увидеть, что дискриминатор правомерной защиты, вместо того чтобы основываться на осуществлении права или выполнении долга, а также на необходимости подчиниться принуждению, является спонтанным результатом динамического закона, который является постоянным; он руководит любой человеческой деятельностью, индивидуальной или коллективной, и осуществляется в *преобладании энергии сохранения существа, в столкновении с другими энергиями, которые разрушили бы его существенную природу или препятствовали бы его совершенствованию*. Борьба за существование или сохранение, составляющая естественное проявление *динамической* жизни одушевленных существ, если рассматривать ее в отношениях между индивидами, превращается в преобладание энергии сохранения именно потому, что, как мы уже отмечали, отдельные существа, и в частности человек, являются продуктом какой-то особой энергии, которая по своей природе, дифференцированной от остальных, одерживает верх в борьбе за непрерывное производство и преобразование существ и накладывает свой отпечаток на новый феноменальный облик, который является ее результатом. Человеку, который, подвергшись нападению, защищается, конечно, некогда думать о своем праве или долге, или оценивать состояние принуждения, в котором он оказался: в нем инстинкт сохранения мощно ревет из глубины сердца, и реакция является выполнением механического движения, которое спонтанно возникает и выражается.

Если вы хотите получить наглядное доказательство этого, посмотрите на наши автоматические и бессознательные движения в присутствии какого-либо факта, который внезапно и почти всегда случайно угрожает нашему благополучию: рука стремительно

отлетает от предмета, который вот-вот прольется на нас; глаз движением век защищается от опасности оскорбительного контакта с внешними объектами; отвращение обоняния к определенным продуктам говорит вам, что они плохо подходят для наших потребностей в питании и благополучии. В этих инстинктивных движениях заложена реакция обиды на несправедливое насилие, угрожающее ей опасностью, и причина, по которой все народы и все законодательства никогда не сомневались в естественном происхождении умеренности вины, как бы ни расходилось ее применение на практике.

2. Однако механизм защиты человека, в силу заложенной в нем способности к рациональному мышлению, хотя и начинается со спонтанного движения, но осуществляется в рефлекторных движениях: к простой первоначальной импульсивности фактического насилия добавляются различные коэффициенты, которые удобно классифицировать в трех порядках: физическом, интеллектуальном и моральном. К физическим относятся все те коэффициенты, которые, в зависимости от наличия боли или отсутствия удовольствия, определяют психическое состояние, удобное для выбора средств нападения, а не для обращения к защите власти или закона. В состоянии боли склонность к нападению настолько сильна, что иногда побуждает нас отвергнуть, вопреки себе, того, кто, причиняя нам мимолетную боль, намеревается обеспечить нам выздоровление от какого-то болезненного физического недуга. Животные, которые лучше нас чувствуют силу чисто физиологических инстинктов, отталкивают болезненное действие с такой же мощной реакцией, как и подчиняют его себе.

Интеллектуальные коэффициенты - это те, которые связаны с *отношением* событий, либо предшествующих, либо сопутствующих, либо последовательных: то есть которые ставят преобладание данной склонности в зависимость от одновременного совпадения психической эффективности всех *идей*, которые имеют отношение к произошедшему событию насилия и к той реакции, которая должна произойти, чтобы отразить его.

Моральные коэффициенты - это те, которые относятся к чувствам или страстям, подготавливающим или сопровождающим преступный конфликт нападения и защиты. Все эти коэффициенты можно свести к понятию и чувству: понятию *опасности* и понятию *страха*.

Опасность бывает либо физической, порождающей побуждение устранить причину, дезорганизирующую наше физиологическое состояние; либо интеллектуальной, представляющей собой синтез всех идей, являющихся плодом образования и воспитания, а также правовых и этических предписаний, и меру или пропорцию между ущербом, которого человек стремится избежать, и тем, к которому приведет обращение, с предпочтением, к использованию частной силы, а не к закону или компетентной власти. Опасность, в конечном счете, если она моральная, переходит в чувство *страха*, которое заключается в психическом расстройстве, то есть в расстройстве способностей с увеличением инстинктивной энергии сохранения и уменьшением энергии приобретенных способностей и причин, которые с ними связаны.

В контрасте тенденций каждая инстинктивная энергия берет верх; причина этого в том, что способности, которые мы приобрели или, лучше сказать, развили в силу нашего социального положения, предполагают, для того чтобы они имели какой-либо вес, условие правового порядка; это условие, когда оно исчезает из-за исключительного обстоятельства невозможности пользоваться защитой законов, влечет за собой ослабление или исчезновение силы мотивов, которые побуждают нас действовать в рамках законности и уважения к правам других. Те, кто следил за нами до этого момента в анализе динамической теории уголовного права, легко поймут, что состояние необходимой обороны

противоположно состоянию наказуемого правонарушения. Для преступника характерно преобладание преступной энергии с более или менее сознательным выбором подходящих средств для реализации мотива, превращенного в цель; для тех же, кто защищает себя законно, преобладание энергии направлено на действия по поддержанию порядка или восстановлению равновесия, естественного и гражданского, против которого направлено насилие агрессора. Поэтому если существуют законы, карающие за первое, то почему бы не существовать и закону, освобождающему от ответственности за второе?

Говоря о страхе, *естественной* основе законности реакции, некоторые хотели сформулировать исключительное предписание, как в случае с опасностью, которое было бы принято в качестве логического и постоянного правила. Поэтому говорили, что такое предписание может быть выведено из характера угрожающего ущерба, из серьезности и неизбежности этого ущерба, а также из типа средств, которые мы используем или можем использовать для его отражения. Каррара, например, пишет^[156], что для того, чтобы страх обладал этим мощным эффектом, позволяющим сделать законным действие, нарушающее права других и существенно противоречащее закону, во всех случаях необходимо, как *абсолютное* правило, чтобы угрожаемое зло отвечало этим трем требованиям:

1^{или} *несправедливость*, 2^{или} *серьезность*, 3^{или} *неизбежность*. И, говоря о требовании неизбежности, он добавляет: "Конечно, если мы могли бы спастись от угрожающего нам зла *иначе*, чем нарушив закон, то нарушение должно оставаться наказуемым; ибо произвол агента уже не ограничивается выбором между двумя одинаково тяжкими злодеяниями; и закон порядка может быть соблюден, если он избрал невинные средства, с помощью которых он избежал бы вреда как для себя, так и для других. Избежать зла, которое нам угрожает, можно либо с помощью *более раннего* предвидения, либо с помощью *более поздних* мер, либо с помощью *сопутствующих* средств. Таким образом, *неизбежность* опасности, которая побуждает действовать или реагировать, выводится из *трех* различных критериев: 1^(или) что она *внезапна*; 2^{или} что она *присутствует*; 3^{или} что она *абсолютна*"^[157]. Здесь линия рассуждений ошибается в сторону избыточности: ведь даже если удастся определить значение каждого из трех отдельных критериев, никогда не удастся указать в неопределенном ряду фактов гипотезу, в которой можно найти либо один, либо другой, либо все их вместе. Бернер^[158], отталкиваясь от необходимости защиты пострадавшего права, которое хочет сохранить себя от несправедливого и настоящего нападения, приходит к гораздо более *логичному* выводу, что "не обязательно, чтобы нападение было *непредвиденным*, и не обязательно, чтобы защищаемое право было непоправимым. Если придерживаться простой концепции самообороны, то есть того, что право не должно сгибаться перед несправедливостью, то очевидно, что она применима и к праву, которое подлежит возмещению". Преувеличивая в ограничительных системах, мы приходим к созданию чрезмерно абстрактных и произвольных норм, которые, если они угодны ученому, не могут не быть вредны судье, который не по вменяемости, а по вменению призван решать и обязан принимать во внимание все обстоятельства, сопровождающие факт и изменяющие его характер; они смягчают или отягчают его.

4.- Ошибка авторов, положивших теорию *принуждения* в основу правомерной защиты, заключается в том, что они превратили понятие страха из субъективной и относительной идеи в неизбежный и объективный критерий. Затем они приняли понятия *суровости* и *абсолютности*, которые не всегда соответствовали реальному положению вещей, а чаще всего были слишком гипотетичны. Страх, моральная причина оборонительных действий, не отделим от других физических и интеллектуальных причин, которые определяют выбор и применение частной, а не общественной силы и законов. Пока опасность чисто физическая, нетрудно прибегнуть к правовым средствам, подавляя акт инстинктивной реакции; то же

самое в случае опасности с интеллектуальным аспектом, потому что здесь легко укрепить намерение не реагировать из-за своевременного совпадения всех идей, которые являются источником права и долга; но это уже не относится к опасности, которая стала страхом, потому что в этом случае моральное равновесие либо ослаблено, либо разрушено.

Сказанное станет понятным, если мы рассмотрим несколько примеров. Тиций подвергается опасности со стороны Кая в результате произвольного или виновного действия. Опасность для Тиция уже физическая, потому что произошло нечто такое, что заставляет разум сомневаться в сохранности нашей телесной целостности; однако Тиций легко не реагирует.

Причина в том, что он точно знает, что преступление не повторится, и поэтому не требует его предотвращения или немедленного пресечения. Точно так же: Тиций угрожает Каю смертью; последний, если исполнение угрозы не будет немедленным, не подумает реагировать на нее применением собственной силы, потому что он думает о возможности в будущем не стать жертвой противника и получить справедливое возмездие, причитающееся ему от карающей помощи закона. Но совсем другое дело, когда физическая опасность, преодолевая всякую интеллектуальную сдержанность, преобразуется в чувство страха и овладевает нашей душой. Последовавшее за этим потрясение в несколько мгновений разрушает тяжелый труд хорошего и долгого воспитания, наследственные добродетели уважения к закону; оно исчезает или ослабляет силу, проистекающую из убеждения, что однажды придется нести возможную ответственность, отвечать за свои поступки, пусть даже и не преступные.

Однако уметь понять интимную связь между психофизическими энергиями, а затем увидеть состояние их нарушения - это лишь размышление над психологической проблемой умерить вину. Большую трудность представляет изучение дезорганизующей связи между энергией мотива, причиной опасности, трансформирующейся в чувство страха, то есть в причину неуравновешенности (поскольку она не соответствует нашей привычной природе), и психофизическими способностями, гармонизированными в рациональном единстве и стремящимися к сохранению правового порядка, который внешне отражает наш внутренний порядок. Ослабление или исчезновение совести - это состояние аффективного дисбаланса, поэтому даже с чисто моральной, субъективной точки зрения преступное деяние, совершенное в описанном состоянии, не будет иметь достаточных и веских оснований для уголовной ответственности.

Закон необходимости, *необходимой обороны*, является доминирующим законом реактивного действия: хотя он и не является полностью механическим, как в чисто автоматических явлениях, он подчиняется динамике сохранения и инстинктивно пропорционален энергии защитной тенденции целостности личности. Описанное здесь психическое состояние является нормальным состоянием для тех, кто реагирует, руководствуясь необходимостью защитить себя; то есть это состояние тех, кто прибегает к использованию частной силы, потому что они действительно и абсолютно не в состоянии прибегнуть к помощи закона. Но очень часто такой поступок является результатом совпадения нескольких других факторов, которые стоит рассмотреть. Первый и самый обычный фактор - это *месть*.

Страх ломает душу, чувство мести поднимает ее, и пассивность, вызванная неожиданностью нападения, преодолевается возобновлением активности реакции, которая автоматически становится сознательной. В этот момент из глубин сознания возникает второй фактор - представление о собственном праве в соотношении с обязанностью противника; право на уважение, обязанность, иными словами, не нарушать порядок, установленный законом и необходимостью социальной жизни. В то же время в голову приходит ряд идей, которые раньше не давали о себе знать; мысли о всех обязанностях, которые мы должны выполнять,

чтобы сохранить себя; мысли о пагубных последствиях, моральных и материальных, которые могут возникнуть, если не пресечь незаконный акт: К этому добавляется некий инстинкт, как бы ни был укрощен прогрессом и человеческой цивилизацией, столь же мощный (там, где не действуют обычные условия правовой жизни), чтобы чувствовать себя втянутым в уничтожение себе подобных под влиянием соблазнов превосходства, пусть даже грубой силой, против любого, кто осмелится встать на нашем пути. Право силы, осуждаемое моралью и подавляемое мифом закона, возрождается мощно, во всей своей жестокой силе, всякий раз, когда мораль и закон теряют свое господство: индивид заменяет общество, и в высший момент борьбы между собственным существованием, защищенным убеждением закона, и действиями других, противоречащими долгу, выбор не вызывает сомнений, поскольку сохранение бытия, как и спонтанное, является плодом привычного размышления и адаптации к социальному консорциуму, к которому мы принадлежим.

5.- В нашем кодексе правомерная защита ограничивается *личностью*, то есть, по выражению Занарделли, жизнью, личной неприкосновенностью и порядочностью, а не *имуществом*; если только насилие над *имуществом* не сочетается с посягательством на личность. Раздел 53 Уголовного кодекса Германии, из которого взята статья 49 нашего Уголовного кодекса, предписывает, что "необходимая оборона - это та, которая требуется для отражения от себя или другого фактической и несправедливой агрессии". При этом, согласно Бернеру^[159], поскольку основой самообороны является защита права, она распространяется не только на защиту тела, жизни, имущества и чести, но и на защиту семейных прав (супружеская измена), свободы, залога, сервитута и т.д.

6.- Эта теория, как уже было сказано, не принимается нашим законодателем.

Дзанарделли, комментируя статью 357 своего последнего проекта^[160], изложил причины следующим образом: "Возникло сомнение, следует ли признавать оправдание убийства и нанесения телесных повреждений, которое повсеместно признается, когда речь идет о защите личности, также и в случае защиты собственности. Наши проекты кодексов постоянно отвергали как непомерную теорию, принятую некоторыми писателями и в некоторых кодексах, согласно которой признавалось бы, что даже с единственной целью спасения имущества всегда законно убить вора. "Имущество (писал Николини) - такая легкая вещь по сравнению с честью и жизнью, что было бы слишком унижать эти суверенные блага, предоставляя им одинаковые привилегии; для него всегда есть время обратиться к суду. Если это насилие, всегда непростительное, *quoties quis id quod sibi debetur non per judicem reposcit* (L. 7, D. XLVIII, 7, ad leg. lul. de vi privata), то тем более должно быть так, когда в отместку за попорченное имущество человек переходит к гневу и крови"^[161]. Но если посягательство на собственность имеет такие характеристики или происходит при таких обстоятельствах, что почти неотделимо от посягательства на жизнь или личную безопасность владельца, то всякая сдержанность должна быть прекращена по отношению к вора и агрессорам; а те, кто подвергается опасности, имеют право отразить агрессию всеми средствами, которые для этого необходимы. По этим соображениям, ограничиваясь преступлениями убийства и телесного повреждения, оправдание самообороны, которое является целью ст. 50, № 2 (Проекта), распространяется на необходимость защищаться от лиц, совершающих насильственные посягательства на собственность, как это имело бы место в случае насильственной кражи или грабежа, или при отражении воров, которые забираются или врываются в дом в ночное время, или когда это происходит в дневное время, дом находится в изолированном месте".

7.- Самооборона допускается не только для отражения действительного и несправедливого насилия от самого себя, но и для отражения его от других. Тот, кто хочет узнать истинную и

скрытую причину этой заповеди, которая также санкционируется моралью, должен вернуться к двум очень важным понятиям прогресса человечества: во-первых, что те же законы, которые регулируют индивидуальную природу человека, регулируют его коллективную природу; во-вторых, что закон, через социальное состояние или постепенную интеграцию нашей личности, стал универсальным в своем содержании отношений и империи. Человек, соединяясь со своими товарищами, становится участником не только тех прав, которые он считает необходимыми и постоянными в жизни, но и всех других, которыми он может случайно воспользоваться: отсюда следует, что социальная семья, хотя она и представляет собой целое, состоящее из различных частей, каждая из которых имеет свои права и цели, является также органическим единством, связанным узами необходимости существования и потребностями, которые развились между ее членами по закону взаимного сосуществования. Любовь, симпатия между людьми, все альтруистические чувства, хотя и имеют отдаленный источник в эгоизме, в состоянии цивилизации настолько спонтанны и неизбежны, что для приведения их в действие не требуется усилий, но они являются откровением экспансивного характера нашей аффективной жизни и цели прогресса в сближении двух крайних полюсов социального существования, индивидуального и общечеловеческого.

Любая идея или закон, теоретически признанные и остановленные, прежде должны были быть сопровождаемы нами как постоянное условие отдельного существа или явления; характер всеобщности придается абстракцией, которая, рассматривая отдельные явления, возводится в ряд общих истин, абсолютность которых является причиной убежденности и уверенности, которые являются в нас, когда мы заставляем себя судить или действовать, руководствуясь светом уже приобретенных понятий. Религия, одухотворяя этот принцип, заставляя всех нас считать себя детьми одного отца: каждый чувствует, что он рожден не для того, чтобы жить в изоляции или для себя одного, но чтобы участвовать в благополучии своих товарищей; ибо возбуждение альтруистических наклонностей и голос моральной и юридической совести призывают нас к обязанности видеть в других себя и делать для них то, что мы хотели бы, чтобы делали для нас самих. "Что, по правде говоря, как замечает Николини, является всего лишь хорошо понятным принципом самосохранения. Ибо нет иного средства существования, кроме образования и глубокой старости; нет уверенности в том, что можно удовлетворить нужды, полезности, удобства и даже удовольствия жизни, не прибегая к помощи других. Если естественно обращаться к другим за помощью в любой из наших нужд, то природа велит нам не медлить, когда другие обращаются к нам за помощью. Кто из людей во время пожара, разорения, кораблекрушения или внезапного нападения, когда его поддерживает какая-нибудь справедливость, или даже хуже справедливости, кто из людей не желает иметь наготове руку помощи? И неужели, взывая к нуждам других, он не покажет себя не готовым, даже при своей опасности, броситься на помощь? Великий философ всех человеческих чувств и разума уже сказал: *тот, кто отказывается от бремени, отказывается от добра*^[162]. Но кто может сделать такое отречение, не погибнув? Поэтому такое бремя заложено в природе человека и является необходимым условием его существования"^[163].

8.- Теперь нам остается сказать кое-что о *состоянии необходимости*^[164]. Его юридическое содержание - в конфликте между своим и чужим правом в силу случайных событий или природных случайностей; его логическое основание - в абсолютном и неумолимом *imperium* закона необходимости. Борьба, происходящая между силой человека и другими силами природы, между личными правами и правами сограждан, является причиной столкновения интересов, которое доходит до того, что побуждает нас действовать во вред другим, не руководствуясь при этом чувством ненависти или мести к жертве".

9. Римское право выводило безответственность из соображений предпочтения большего блага меньшему; поэтому Лабейон пишет: "Если сила ветра загнала один корабль в якорные линии другого, а рулевые перерезали линии, то никаких действий не требуется, если человек не мог освободиться никаким другим способом, кроме как перерезав линии". Лабейон и Прокул считали, что это должно относиться и к случаю с рыбацкими сетями, в которые попало судно. Конечно, если это произошло по вине рулевых, то действие закона Аквилы^[165] будет иметь место. И Ульпиан добавляет, что тот, кто, спасая свое имущество, бросил в море чужое, не несет никакой ответственности. Но если бы он сделал это без уважительной причины, он был бы ответственен за действие факта (*in factum*); если со злым умыслом, то за злой умысел.^[166]

Дискриминационное основание для ответственности Гелсо, согласно сообщениям Ульпиана^[167], признавал, исходя из *justus metus*, что является чем-то большим, чем простое рассмотрение материальной сущности одного блага в сравнении с другим. Каноническое право и древние юристы пришли к тем же результатам.

10.- Согласно итальянскому законодателю, мы должны прежде всего отличать состояние необходимости от правомерной обороны; поскольку правомерная оборона направлена на отказ от насилия других, то есть агрессии, тогда как в состоянии необходимости конфликт между собственными и чужими правами возникает в результате случайного события или природных происшествий. Это различие лишь указывает на объективную сторону обоснования, о котором мы говорим; ее находят все, кто старался не отступать при определении правового основания состояния необходимости от формул, содержащих с большей или меньшей точностью конфликт между двумя противоречащими друг другу благами и обязанность пожертвовать меньшим ради сохранения большего.

Если бы это было так, как считают многие, то можно было бы спутать случай оправдания уголовной невменяемости с гражданской безответственностью; *необходимость*, даже в случае нарушения права, возмещаемого по гражданскому праву, могла бы исключить действие ответственности, если только не признать в этом факте некий след вины агента, связанный со случайным событием, вредные последствия которого вызывают сожаление. Мне кажется, что сущность дискриминационного фактора состояния необходимости должна быть уловлена в крайней степени *серьезной и неминуемой опасности*, то есть в таком состоянии духа, которое делает сомнительным то совпадение совести и свободы действий, которое для нашего законодателя является первым требованием любого уголовно наказуемого факта. И слишком хорошо известно, что существуют такие состояния совести, при которых интеллект и активность человека замирают либо из-за недостатка развития, либо по случайной причине, и возникающее действие должно быть связано скорее с чисто механическим действием первоначального побуждения, внешнего или внутреннего, чем с рефлекторным действием нашего разума.

11.- Крайности состояния необходимости: а) *серьезная и непосредственная опасность для человека*; б) *случайность и неизбежность* этой опасности; в) *необходимость спасения себя или других*.

Фактическим содержанием всегда является *опасность*, которая внешне преобразуется в *благо*, против которого направлено случайное событие, а субъективно - в состояние *справедливого страха*. Необходимость - это среднее понятие между угрожаемым благом и страхом, вызванным в сознании агента; среднее понятие, возникающее, когда перед мысленным взором индивида исключается любой путь спасения, кроме жертвования правом

других, и когда, таким образом, сознание выбора средств действия стирается или уничтожается психическим дисбалансом, вызванным неизбежностью грозящей опасности. И законодатель, чтобы сделать изложенные понятия менее двусмысленными, ограничил событие опасности для *личности*, с ограничительным значением, которое, мы клянемся, сохраняется юриспруденцией, чтобы она не преувеличивала в произвольных гипотезах.

12.- Опасность должна быть *серьезной и неминуемой*: откуда мы берем правила для ее справедливой оценки? Кодекс молчит, и это логично; ведь здесь, как и в случае с самообороной, мы имеем дело с совершенно субъективными оценками. Серьезность и неотвратимость - не постоянные, а преходящие характеристики; их влияние на нашу деятельность регулируется неопределенным рядом обстоятельств, которые невозможно рассмотреть по отдельности.

13.- Опасность должна быть *случайной* ("к которой он не по своей воле привел") и *неизбежной* ("которой нельзя было избежать иным способом"). Случайной является опасность, которую нельзя было предвидеть и которой человек никак не способствовал. Если бы опасность была следствием какого-то нашего добровольного действия, мы бы уже не имели права ссылаться на оправдание необходимости, вынужденные нести последствия своего непоследовательного поступка. Опасность также должна быть неизбежной, то есть мы не могли бы избежать ее иначе, чем причинив вред другим. Обязанность в этом отношении, налагаемая законом, гораздо строже, чем в случае законной обороны. Тот, кто подвергается несправедливому нападению, не только имеет право отклонить насилие, чтобы защитить себя от угрожающей обиды, но и обязан противостоять другим в нарушении правового порядка, который является краеугольным камнем гражданского общества и который ограничивает действия каждого отдельного человека, не позволяя нарушать безопасность других. Но тот, кто по необходимости жертвует благом другого ради своего блага, ставит перед собой только одну цель - собственное сохранение; всякий другой мотив, вместо того чтобы увеличить в нем право отвергнуть опасность, ослабляет ее характер справедливости и делает совершенный поступок чрезмерным и наказуемым. Отсюда следует, что *необходимость спасения*, которая является последним требованием, сопровождающим опасность, не может быть оправдана в тех случаях, когда агент поддался какому-то другому мотиву, кроме исключительного и неизбежного - избежать непосредственной угрозы серьезного вреда: я говорю "какой-то другой мотив", имея в виду любой коэффициент, который, не будучи единственным определяющим фактором действия, все же повлиял на него в заметной степени, сделав необходимым то, что могло бы и не быть таковым. Нетрудно найти случаи, в которых наша концепция представляется ясной. Предположим, например, что в театре вспыхивает пожар, и зрители бросаются к дверям, чтобы спастись. Несчастный человек падает на землю и, затоптанный, подвергается очевидной смертельной опасности. Если другие, не заботясь о нем, окажутся на нем и нанесут ему тяжкие увечья, будет ли он отвечать за этот поступок, или ему придется частично отвечать за ущерб, автором которого он был? Справедливый ответ мы получим, рассмотрев, было ли все случившееся необходимым для спасения того, кто причинил вред несчастному падшему человеку; Если тот, кто безумно бросился к выходной двери, не заботясь о том, чтобы пострадали другие, мог бы задержаться, но не сделал бы этого, скажем, для того, чтобы немедленно покинуть театр, или чтобы позвать людей тушить пожар, или по любой другой причине, не связанной со спасением самого себя, то он должен ответить за причиненный вред пропорционально важности второстепенного мотива по сравнению с главным и неотложным мотивом обеспечения безопасности любой ценой".

"И в особенности, - пишет Конти, - нет необходимости, когда мотив, побудивший агента нарушить чужое право, не является законным, то есть когда угрожаемое лицо не действует по принципу правового сохранения. Нет необходимости, если отказ от собственного блага был бы справедливым и естественным, в соответствии с идеями и настроениями содружества честных граждан в данном государстве и цивилизации. Нет необходимости, если нет борьбы между двумя ранее существовавшими правами, не основывая исключение состояния необходимости на теории столкновения и преобладания в каждом случае большего права над меньшим. Но, конечно, понятие необходимости должно быть основано прежде всего на критерии, не поддающемся оценке *a priori*, - пропорции между отнимаемыми и сохраняемыми благами. И если необходимость, таким образом, абсолютно исключена, преступное деяние по-прежнему подлежит обычному наказанию; если же она исключена лишь частично, оно остается деянием, лишь частично незаконным, а потому подлежит уменьшенному наказанию. Если необходимости нет, то нет ни оправдания, ни оправдания; если необходимость все же есть, но по неосторожности или небрежности была вызвана опасность, опасность была встречена с возможностью ее избежать, и против нее были предприняты несоразмерные действия, то налицо превышение состояния необходимости"[168] .

Законодатель распространяет оправдание состояния необходимости на спасение *других людей*; странная, правда, гипотеза дискриминации; кажется непомерным, по мнению Вилле, выходящим за рамки разумного, что жертвовать чьим-то правом ради выгоды третьих лиц позволительно. Независимо от того, что нам возражают, мы предупреждаем, что, доведенная до крайности, необходимость может очень легко породить произвол; в поступке отсутствует истинная крайность оправдания, а именно *страх*, вместо него - *сострадание*, которое, даже если оно является причиной смягчения ответственности, не может освободить от наказания тех, кто, следуя совету, нарушил закон, не совершив несправедливости.

Судья, помня о принципах, на которых, как мы полагаем, основывается данный дискриминатор, будет проникательным в том, чтобы очень скрупулезно оценить факты и в исключительных случаях рассмотреть гипотезу оправдания преступлений, совершенных теми, кто ссылается на состояние необходимости опасности, которой подвергались другие. Милосердие и любовь к ближнему не отличают человека от человека, кроме как в отношении величайшей нужды каждого; эта сентенция звучит несправедливо, когда нужда, не обоснованная разумным мнением о правильности или неправильности, мотивируется случайными событиями, к которым никто из людей, находящихся в опасности, не приводил.

ГЛАВА XV.

Психология доказательства преступления.

1. Обязанность судьи в уголовных делах; процессуальные законы и теоретические представления о преступлении.-2. Историческая достоверность факта; критерий правдоподобия.-3. Необходимость психологии свидетеля; логические гарантии свидетельских показаний.-4. Качества свидетеля; значение его индивидуальных психических, интеллектуальных и этических особенностей.-5. Интеллектуальная сторона свидетеля.-6. Относительность логических законов в свидетельских показаниях.-7.

Индивидуальный *темперамент* и *время*, прошедшее с момента совершения преступления, - две главные причины, изменяющие работу свидетеля. -8. Судейский кабинет, психологические требования, которым он подчиняется.

1.- После того как преступление совершено, общество обязано его наказать. Но прежде чем эта обязанность будет исполнена, судья, орган отправления правосудия, должен осознать как *историческую истину* вменяемого факта, так и его особый характер как нарушения закона. И в этом, как и в отношении ряда понятий и дальнейшего и окончательного познания психического события преступления, мы сталкиваемся с проблемами психологического характера, которые, будучи разрешены, облегчат логическую работу следствия, порученного судье.

В целом он должен отметить, что прогресс норм ритуала обусловлен более или менее научным и глубоким познанием феномена преступления. Когда, по сути, преступление рассматривалось как нарушение высших моральных и религиозных принципов, а не уголовного права, инквизиторский ритуал, которому было поручено практическое дело неопределенной казуистики, настолько преувеличил свои методы исследования и оценки доказательств, что это вызвало протест и восстание чувства человечества: не иначе и сегодня, когда из-за ошибок и увлечений ложной метафизической доктрины, которой, тем не менее, следует большинство, мы имеем ошибочную судебную процедуру, вызывающую, о! как часто! непоправимой несправедливости.

2.- Мы говорили, что первой обязанностью судьи является установление *исторической истины* факта. То есть он должен убедиться, что факт нарушения закона имел реальное существование, а не был искусственным изобретением лиц, заинтересованных в создании ложного обвинения. Логика, в согласии с психологией, учит нас, что естественные факты, как правило, устанавливаются *путем непосредственного восприятия*.

"Чтобы установить исторический факт, - пишет Маски, - необходимо в подавляющем большинстве случаев опираться на восприятие его другими людьми и оценить степень уверенности, которую можно ему приписать, то есть необходимо иметь не только свидетельство, рассказ, но и возможность оценить его соответствие рассказанному факту. А поскольку это невозможно сделать путем сравнения сказки с фактом, которого уже нет, и (если бы это можно было сделать, то это сделало бы оценку свидетельства бесполезной), то всякая оценка свидетельства есть, в конечном счете, оценка *подсказки, знака* факта, и основывается на общем логическом предположении, что если кто-то свидетельствует о чем-то, то наиболее естественной причиной этого свидетельства является то, что утверждаемый факт действительно имел место, и что свидетельство - это след, знак, который исторический факт оставил о себе в памяти тех, кто его воспринял"[\[169\]](#).

Первым критерием оценки свидетельства является *правдивость* пересказанного факта, т.е. "чтобы рассказ имел не только внутреннюю связность и не предполагал противоречий, но и обладал правдоподобием, принимая во внимание эпохи (времени), обычаи и обстоятельства, в которых он происходил"[\[170\]](#).

В отношении правдоподобия, основополагающего логического критерия исторической достоверности факта, психолог отмечает, что для свидетелей и судей истина, которую можно вменить в вину, заключается не только в материальности события, но и в характерах или обстоятельствах, которые его квалифицируют. Так что в отношении репрессивного намерения правосудия недостаточно установить, что произошла смерть, что был украден предмет, но необходимо, чтобы *причиной* смерти и кражи было *действие*, подлежащее уголовному преследованию.

Не следует также возражать, что, когда судья убежден в возможности или невозможности преследования данного факта, он уже сформировал убеждение в его преступном характере и поэтому все другие исследования представляются излишними; ибо полезно различать в актах расследования два очень интересных момента: первый, когда мировой судья на основании простого краткого представления о факте побуждает себя содействовать действию; второй, когда на основании собранных доказательств он решает направить обвиняемого в суд.

Правдоподобие, как критерий доказательности, достаточно для первого момента; оно было бы ошибочным для второго, в котором требуется уверенность в осуждении.

3.- Свидетель, воспринимая факт непосредственно, считает себя обладателем истины всякий раз, когда, в соответствии с фактическим существованием вещей, он предполагает соответствие *действительности*. Но разве это не самая важная проблема психологии - знать, как и почему мы, благодаря работе органов чувств, относимся к внешнему миру и внутренне представляем его реальность? Судебная логика, как называл эту процедуру Николини, должна, следовательно, заботиться о том, чтобы оградить себя от трудностей и опасностей, присущих тому способу, с помощью которого свидетель может овладеть истиной события и таким образом стать надежным аргументом для судьи.

Все авторы, от практических юристов до великих современных логиков, занимались правилами доверия к свидетелю, в зависимости от различной степени логической вероятности его утверждений; но никто, насколько мне известно, еще не занимался психологией свидетеля. Ритуальное право, повинувшись определенным традиционным велениям, полагало обозначить определенный предел судебной значимости свидетеля, отстраняя одних от дачи показаний, а других окружая моральными гарантиями, присягой, или юридическими гарантиями, наказанием за лживость; Но для убеждения судьи такие ограничения не имеют никакого значения; напротив, и это нередко наблюдается, тот, кто, согласно закону, менее всего заслуживает свидетельствовать, как в случае с ребенком, является для судьи неопровержимой причиной, чтобы с уверенностью вынести обвинительный или оправдательный приговор.

Свидетель должен быть окружен и сопровожден всеми мерами предосторожности, о которых нам сообщила наука: а) нормальный или дефектный способ восприятия внешнего явления; б) способ, которым воспринятое явление производит впечатление на наш разум, фиксируется или записывается в памяти и воспроизводится, более или менее точно, в судебном заявлении. Неизменным правилом является то, что наши восприятия и представления внешнего мира внешне являются делом органов чувств, но на самом деле принадлежат нашему субъективному, преходящему или постоянному состоянию: ощущения являются лишь средством возбуждения внутренней восприимчивости, но видение действительности, соответствующее воспоминание, оценка, которую мы ей даем, принадлежат к особенному состоянию нашего сознания, или, скорее, к индивидуальным психоорганическим условиям.

Путать, как это принято делать, утверждения одного свидетеля с утверждениями других и определять большую достоверность каждого из них, принимая во внимание только логическую правдоподобность, то есть аргумент вероятности, - очень серьезная ошибка: условия суждения очень легко изменить на противоположные, так как то, что мы приписываем свидетелю, часто является только нашим личным способом видения и оценки вещей, которые должны быть тогда безупречными основаниями для заключения об ответственности или невиновности обвиняемого.

4.- Прежде чем принимать свидетеля в качестве доказательства убеждения, судье необходимо понять и оценить его *способность* воспринимать *истинность* факта, вспоминать его *формы*, воспроизводить его *реальность*.

Любое событие, насколько мы его воспринимаем, происходит в определенном пространстве и в определенное время; это два исторических термина, имеющих наибольшее значение для определения реальности вещей, и каждое предварительное исследование должно начинаться с этих двух понятий, если мы не хотим блуждать в неопределенном и неопределимом.

Свидетель, поставленный перед событием и обязанный, моральным долгом, воспроизвести его последствия, начинает, бессознательно работая умом, формировать обстоятельства, зрителем которых он является, в соответствии со своим индивидуальным сенсорным, интеллектуальным и этическим фоном, подчиняясь закону *избирательной* необходимости *совести*, который заключается в склонности каждого из нас выбирать и фиксировать среди воспоминаний, среди представлений, среди идей все, что соответствует нашему способу чувствовать и думать, пренебрегая остальным. Из нескольких свидетелей какого-либо события вы обнаружите, что один из них заикнулся на конкретном или общем обстоятельстве и четко сохранил его историческую сущность, в то время как он пренебрег другими, развернувшимися перед его глазами с тем же ощутимым впечатлением.

Некоторые считают, что это происходит случайно, но на самом деле это результат работы *внимания*, которое имеет органическую основу, которую никогда нельзя игнорировать во всех актах нашей реляционной жизни. *Сдержанность* во многих случаях является следствием не недобросовестности, а невозможности увидеть, представить и запомнить истинное иначе.

Индивидуальный психический фон является причиной аккомодационного отношения к внешнему миру. Влияние метеоров на козместетическое чувство; чувство симпатии, отвращения к определенным действиям и лицам; склонность заикливаться на одних объектах, предпочитая их другим; прерогатива восприятия, различения определенных цветов, звуков; разнообразие представлений о предмете с заданными контурами, окраской, сентиментальным тоном, приятными или болезненными случайностями, зависят от нашей органической конституции, подверженной многим причинам, о которых человек мало осведомлен. В практике жизни мы обычно, говоря и действуя, исходим из ложного предположения, что все чувствуют так же, как мы, и что все познают внешний мир с одинаковой степенью живости и распушенности; но в этом кроется большой обман.

Разница в возрасте, поле, культуре, состоянии здоровья или немощи - вот главные и наиболее распространенные причины различной степени ощущения и восприятия внешних явлений. Но и этого недостаточно; ведь одно и то же психическое состояние является следствием накопления наслоившихся в нас прежних энергий (основа эго), которые, предрасполагая нас по-разному формировать сознание, в потоке его актов, позволяют или не позволяют добавлять новое впечатление, идущее от чувства.

Как и в случае с мотивами действия, в целом на способ восприятия свидетелем внешних событий также оказывают большое влияние: а) синергия активного действия объекта и органа чувств; б) индивидуальная аккомодационная предрасположенность к данному виду ощущений; в) наиболее полный резонанс сознания, чтобы полученные извне ощущения вновь появились и заняли свое место в последовательном или одновременном ряду внутренних состояний.

5.-Переходя от изучения сенсорного фона свидетельства к его интеллектуальной стороне, проблема становится гораздо более сложной; тем не менее, мы можем распоряжаться большими и более точными средствами исследования, что соответствует философскому закону, сформулированному Огюстом Комте следующим образом: "В той мере, в какой явления, подлежащие изучению, становятся более сложными, они в то же время по своей природе подвержены более обширным и более разнообразным средствам исследования, без точного баланса между увеличением трудностей и увеличением ресурсов; так что, несмотря на эту гармонию, науки, касающиеся наиболее сложных явлений, не обязательно остаются наименее несовершенными"[171] .

Прогресс, достигнутый индуктивной и дедуктивной логикой, особенно в последнее время с помощью экспериментальных наук, значительно облегчил нашу обязанность точно собирать и правильно исследовать свидетельские показания: однако, следуя закону относительности человеческого понимания, мы обязаны не преувеличивать значение таких логических законов, которые подвержены постоянным исключениям в силу индивидуальных условий тех, на чьей вере мы собираемся основывать свое суждение.

Свидетель также живет потребностями, нуждами, страстями: его интеллектуальный сюжет ограничен потребностями его личной жизни "Существует, - пишет Комте, - всех классов наших исследований и всех великих отношений, постоянная и необходимая гармония между объемом наших реальных интеллектуальных потребностей и реальным, настоящим или будущим объемом нашего реального знания. Эта гармония не является, как склонны полагать вульгарные философы, результатом или показателем конечной причины. Она вытекает просто из этой очевидной необходимости: нам нужно знать только то, что может действовать на нас более или менее непосредственно; и, с другой стороны, поскольку такое влияние существует, оно рано или поздно становится для нас определенным средством познания.[172]

6.- Говорят, что любое доказательство может быть сведено к силлогизмам, начинающимся с предпосылок теорем или принципов и заканчивающимся утверждением доказываемого тезиса. Это может быть справедливо в области чистых или теоретических наук вообще; но не так в исследовании фактов, для которых действует известное аристотелевское правило, что индукция должна применяться в особых случаях (*ἡ γὰρ ἡπαύωυή διὰ πάντων*).

Особенность свидетельских показаний, особенно в отношении применения к ним законов логики, зависит от того, каким образом каждый человек воспроизводит в себе и вновь соединяет со своими прежними знаниями все, что составляет предмет жизненного опыта. Необходимость между интеллектуальными потребностями и объемом реального знания, о которой говорил Комт, - это одна сторона композиции мозгового сплетения; она относится скорее к стимулирующему действию мотивов мысли: но другая сторона, и именно она формирует субъективность эго, состоит в мысленном предварительном формировании методов и способов мышления, в динамическом резонансе новых мозговых волн с уже существующими, в личном ритме сознания, с которым новые потоки идей должны прийти в согласие.

Суммируя причины, влияющие на изменение в сознании свидетеля формы воспроизведения факта при аналогичном воспоминании обстоятельств, можно сказать, что это индивидуальный *темперамент* и *время*, прошедшее с момента восприятия факта до момента его передачи другим. Между впечатлительным человеком и флегматиком, между невротиком и импульсивным и уравновешенным и рефлексивным существует неисчислимая разница в восприятии события: утонченная или болезненная чувствительность первого,

возвышенная ярким воображением, заставит незначительные и ничтожные обстоятельства затронуть душу и закрепиться в памяти неизгладимыми, сильно окрашенными символами; чего не скажешь о втором. И когда в день публичного слушания дела обе стороны вызываются для дачи показаний, мировому судье, несмотря на него самого, трудно не почувствовать себя захваченным словами тех, кто с оживленной мимикой, с красочными словами, с наводящими выражениями излагает факты не в точном соответствии с ними, а в соответствии с физиономией и отпечатком сильно или болезненно впечатлительного ума.

Как это было сделано с преступниками, так должно быть сделано и со свидетелями; разделите их на категории и изучите их характер и психические особенности. Не потому, что существует аналогия между одним и другим, а потому, что совершение и представление преступления дополняют друг друга. Свидетель - позвольте мне сделать сравнение - это драматический артист по сравнению с писателем: правда, мы обычно говорим, что чем меньше артистизма мы видим в свидетеле, тем больше проглядывает его искренность; но правда и то, что никому из нас, как бы мы ни старались, не удастся стереть личный отпечаток во всем, что относится к нашим собственным поступкам.

Помимо темперамента, время также влияет на воспроизведение факта в сознании свидетеля. В зависимости от того, насколько близко впечатление к событию, представление о нем становится более ярким: постепенно окраска тускнеет, оттенки становятся неопределенными, контуры сужаются, и на реестре памяти остается отмеченным только чистое, необходимое для запоминания истины.

Это очень полезно для впечатляющих событий, для страстного фона: свидетель менее склонен к душевным переживаниям судьи, менее опасен в передаче своих ошибочных или преувеличенных впечатлений. Но это также не так в косвенных делах, в которых долгое прошедшее время, затуманивая впечатления, ослабляет память о модальностях, которые, случайно, были бы ценны для судьи, обязанного интегрировать факт во всей полноте его исторического содержания.

8.- Если свидетель - это актер или тот, кто представляет или *репрезентирует* судебную драму, то судья - это зритель, призванный оценить ее.

Судья, однако, не остается бесстрастным перед свидетелем; он, оценивая его высказывания, старается помочь его работе, и в процессуальном кодексе есть специальные предписания для него, которые разумно направляют и ограничивают его деятельность.

Принято считать, что долг судьи - бесстрастно ждать представительного развития фактов и выносить окончательное решение, оградив себя от какого-либо сентиментального или страстного влияния. Это не так, да и не может быть так. Нет такого понятия - мы это доказали, - которое бы не входило в разум и не содержало бы в себе суггестивной и движущей энергии. Было бы странно представить себе человека, в котором ум функционирует независимо от сердца. Можно лишь порекомендовать, чтобы сердце не брало верх над разумом, то есть чтобы разум не был побежден талантом.

Психология судьи также заслуживает особого внимания и ждет тех, кто ее изучает. Мы ограничимся замечанием - и это на основании долгой юридической практики, - что любое преувеличение в пользу или против обвиняемого со стороны судьи является следствием либо предвзятого отношения к социальным угрозам и опасностям, либо моральной или политической целесообразности, в случае судебных инструкций; либо, в случае слушаний, это пагубный эффект театральности обсуждения, участия зрителей, гиперболизации со стороны обвинения и защиты. Если бы во время процесса мы могли задать вопрос каждому

из присутствующих и услышать эхо коллективной души всех вместе, мы должны были бы признать, что краеугольные камни социального порядка, да и вообще существования мира, зависят от исхода предстоящего судебного разбирательства: и все же, о, столько раз, какие тщетные и просто страстные интересы мы так тщательно соблюдаем! Я без колебаний признаюсь в своем глубоком убеждении: настанет день, и, возможно, он уже не за горами, когда приговор преступникам будет выноситься так же, как и приговор немощным; техническими людьми, заинтересованными только в изучении и установлении открытой истины вещей; с возможным спокойствием экспериментального и индуктивного исследования, с чувством хладнокровия, с суждением, просвещенным достаточной культурой, долгой практикой: правосудие выиграет от этого, чтобы избежать стольких ошибок, которыми полны судебные хроники!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Достигнув конца нашего предположения, мы добавим в заключение несколько размышлений, которые завершат разработанные нами теории.

Преступление - совершенно естественное явление; его психическое событие подчиняется динамическим законам, по которым протекают все другие явления.

Преступление, однако, имеет особенность быть отмеченным эволюционной степенью *сознания* человеческой силы, что означает, что оно нуждается, чтобы иметь место, во всех коэффициентах, которые влияют на пробуждение и изменение, в нашей моральной области, определенных наклонностей, которые не соответствуют общему состоянию социального порядка для всего человечества. Уголовный закон, предотвращая или пресекая преступления, стремится подтвердить этот порядок и защитить индивидуальное и коллективное благосостояние. Но, спрашивается, всегда ли этот закон в своих предписаниях согласуется с состоянием или степенью развития нашего общества; согласуется ли его императивное действие с правовыми и социальными гарантиями, на которые он ссылается всякий раз, когда назначает наказание за пресечение того или иного преступления? Ответ может быть только отрицательным.

Общество - в том виде, в каком оно юридически оформлено сегодня, - управляется целым ворохом ошибок и предрассудков, против которых наука призвана энергично протестовать. Слепая традиция заблуждений, тяготеющая к нашему прогрессу, фатально тормозит или задерживает наше продвижение по пути законодательных реформ; политические интересы, экономические интересы или классовая борьба выдумывают несуществующие опасности для каждой реформы, рекомендуемой наукой, и напрасно истина, плод долгих размышлений, сияет в глазах людей, которые любят закрываться во тьме, чтобы не быть просвещенными. Несколько одиноких людей, довольных тем, что их труд приносит им удовлетворение от выполнения долга, подают голос, призывая своих собратьев к признанию истинного открытия; но над ними либо насмеются, либо восхищаются, а другие не слушают их ценных предложений! Судьи, присяжные, все, кто участвует в отправлении правосудия, либо по невежеству, либо из непонятного высокомерия консервативного духа бесстрастно следуют теориям, которые теперь заключены в старые утюги науки: если слово ученого защитника возвращает их к игнорируемым истинам, о! как мало из них слушают его

с интересом спокойной совести! Тем не менее, они должны иметь доказательства ошибок, совершенных в их суждениях относительно оценки фактов, которые иначе разворачиваются в реальности: так неужели нам так трудно преодолеть ошибки, разрушить алтари идолов разума, столь пагубных для социального прогресса?

2.- Криминальная психология учит эволюционному и диссолютивному процессу психического события преступления; и она не останавливается даже перед проблемами выбора средств, с помощью которых законодатель может нанести или исправить энергию, присущую преступлению. Тем не менее, долг тех, кто отправляет правосудие, - изучить на практике, как теории должны располагать к законодательным реформам; именно потому, что в них постоянное и разнообразное знание фактов является надежным источником для подтверждения тех истин, которые провозгласила наука.

Мы обращаем внимание некоторых юристов на необходимость написания работы, содержащей предписания, которым следует следовать в судебной практике для того, чтобы привести дело в соответствие с принципами науки; это должна быть работа по реорганизации многочисленных теоретических концепций и фактических наблюдений, вытекающих из изучения судебных процессов, из ежедневного обследования преступников; то, чем обычно пренебрегают, как будто это не имеет значения. Я считаю, что криминальная психология, как и любая другая наука, имеет теоретическую сторону и практическую сторону: если она хочет приобрести то значение, которого заслуживает, она должна быть интегрирована с единственной целью не предавать точной информации и оценки факта: вне факта любое знание, которым мы обладаем, является либо гипотетическим, либо произвольным.

И я хотел бы, чтобы в сердцах магистратов пробудилось немного больше интереса к учениям тех, кто осмеливается пренебречь голыми диктатами закона и вникает в проблему вменяемости с помощью просвещения, которое приходит к нам из сегодняшнего позитивного направления; им также следовало бы немного больше верить в истины, которые теперь ясны для глаз менее удачливых. Тем не менее, я вынужден отметить, что люди, уже получившие высокие посты в органах правосудия, не стесняются в своих трудах провозглашать религию новой науки, борясь со старыми теориями[173]; им, как и всем тем, кто следует за ними, да будут аплодисменты тех, кто любит, чтобы человеческая мысль, обновляясь, прогрессировала и, прогрессируя, всегда побеждала ошибки!

ИНДЕКС-СУММАРИЙ

Посвящение

Предисловие

ВВЕДЕНИЕ

1. Научное содержание криминальной психологии.-2. Процесс различения любого явления; естественное формирование мысли.-3. Как возникает психическое событие

Страница v

"vii

карательной правовой данности.-4. Генезис социальной *санкции*; понятие *умысла* на эволюционных этапах правосознания народов.-5. Исторический очерк психофизиологического изучения преступника.-6. Современные авторы различных дисциплин о преступнике.-7. Интегративный этап криминальной психологии.-8. *Динамическая криминальная* теория как основа психологического изучения преступника; научные прецеденты Романьози и Карминьяни.

Страница 1 - 8

ГЛАВА I.

Психические функции преступника.

1. Научное понятие слова *функция*.-2. Психофизическое функционирование, свойственное преступнику.-3. Ненормальность оно: общий закон равновесия, нарушаемый преступлением.-4. Понятие психического равновесия - единственный критерий различия между нормальным человеком и делинквентом.-5. Этический эквивалент психического дисбаланса; его отражение на субъективной и объективной данности преступления.-6. В чем состоят психические функции преступника в их внутреннем и внешнем аспектах.

Стр. 9-15

ГЛАВА II.

Криминальные психические элементы.

1. Закон *преемственности* в психофизических явлениях; закон *соотношения* между бытием и средой.-2. Закон преемственности и среда в отношении к преступлению.-3. Причины, по которым аномальное психофизическое функционирование преступника ускользает от экспериментального анализа; правила, относящиеся к доказательству физического генезиса преступления.-4. Психофизические элементы преступления и внутреннее состояние равновесия.-5. Психическое состояние равновесия; сила и движение; мотив, причина и действие.-6. Что понимается под импульсом; два фундаментальных принципа монистической психологии.-7. Психофизика и ее значение для изучения феномена преступности.

Стр. 16-22

ГЛАВА III.

Динамика мотивов.

1. Центр психической активности; что понимается под мотивом, импульсом, побуждением.-2. Чувственные, образительные и идеальные мотивы.-3. Что понимается под *преступным мотивом*; различие между мотивами похвальных и предосудительных поступков.-4. Постулаты об энергии мотива и стадии развития преступных мотивов.-5. Учение о торможении, динамическая основа преступного сознания.-6. Пути, по которым происходит психический интегративный процесс энергии мотива.-7. Ассимиляция и слияние мотивов.-8. Дополнение или наложение психического интегративного процесса мотивов.-9. Криминальное эмоциональное состояние.

Страница 23 - 33

ГЛАВА IV.

Сенестология преступника - Психология мотивов.

1. Сенестоз или общая чувствительность преступника.-2. Онтогенез и филогенез души преступника.-3. Бесчувственность и неуязвимость преступников.-4.

Наследственность.-5. Детство преступника.-6. Психофизиологическая теория мотивов.-7. Актуальная и потенциальная эффективность мотивов; соматические сопутствующие факторы, характерные для удовольствия и боли.-8. Динамика *мотивов-идей*; спецификация преступного сознания.

Стр. 34 - 41

ГЛАВА V.

Сознательный процесс преступления - стадии формирования.

1. Естественное формирование психики.-2. Злые зародыши преступности в зачатках жизни.-3. Генезис антагонистических сил в жизни отношений.-4. Первобытный период преступных наклонностей у ребенка.-5. Второй период формирования личности преступника.-6. Закон подражания в детстве делинквента.-7. Органический подбор интегративных элементов преступления.-8. Феномен *симпатии* и его законы.-9. Влияние семейной обстановки и экономического фактора на преступность; воспитание и наследственные извращения.-10. Влияние социальных потребностей.-11. Дегенеративный эффект преступного внушения.-12. Влияние сентиментальных мотивов, действующих на воображение.

Стр. 42-53

ГЛАВА VI.

Основополагающие нормы криминальной психологии.

1. Краткое изложение основных истин, разработанных ранее.-2. Норма, руководящая познанием внутренних отношений к внешним явлениям; основной закон аномии преступления.-3. Нравственный порядок и процесс торможения.-4. *Движущее самовнушение*; закон импульсивного результата к преступлению.-5. Динамические и логические отношения между мотивами.-6. Органический и случайный процесс возникновения преступных мотивов.-7. Сохранение и развитие психофизических факторов преступности.-8. Закон *нетипичности*; антропологический тип преступника.-9. Дезинтеграция души преступника; распад органической психофизической функциональности.-10. В чем, с психологической точки зрения, состоит такой распад.-11. Дегенеративная теория преступности.-12. Клиническая феноменология распада личности.-13. Стандарт для установления гипотезы об эволюционном процессе преступной энергии и гипотезы о вмешательстве какого-либо патологического поражения; различие между аномалией и немощью; психологическое значение критерия наказания.-14. Научная неэффективность и практика психиатрической экспертизы.-15. Положения статей 46 и 47 Уголовного кодекса; каковы правила установления экспертами условий психической полноценности, необходимых для уголовной вменяемости. Необходимость серьезной психологической подготовки эксперта.-17. Что такое *методы эксперимента и наблюдения*; экспериментальный подход к психологическим явлениям; как ими должны пользоваться эксперты-психиатры. Причины антагонизма между экспертами и судьями: долг эксперта-психиатра; долг психолога и юриста.

Страница 54 - 77

ГЛАВА VII.

Сознательный процесс преступления - стадии развития.

1. Различные классы составных элементов сознательного "я" преступника.-2. Развитие индивидуального характера; его значение в криминальной психологии детства.-3. Условия и способы организации обыденного сознания и сознания

преступника.-4. Этапы последующей интеграции психики преступника.-5. Изучение эмоций преступника; различные теории.-6. Развертывание единой сущности психического события, от монистической формы к сложному проявлению мысли.-7. Ошибки Джемса и Ланге относительно генезиса эмоций.-8. Природа криминальных эмоций.-9. Реакция, периодичность, антагонизм эмоций: реакция.-10. Периодичность.-11. Антагонизм.-12. Психологический распад; механическая теория.

Стр. 78 - 93

ГЛАВА VIII.

Психологическая концепция делинквента.

1. Что такое делинквент.-2. Психический продукт преступления в стадии формирования, эмбриональной или онтогенетической.-3. Тип Калибана в "Буре" Шекспира.-4. Терситы Гомера.-5. Нравственные характеры преступников в стадии формирования.-6. Аномальная эволюционная интеграция делинквента.-7. Анализ "Ричарда III" Шекспира.

Стр. 94-110

ГЛАВА IX.

Динамика преступной психики.

1. Генетическая эффективность мотива.-2. Психология *представлений о силе*; интегративные стадии сознания, пройденные мотивом.-3. Стадия различения мотива.-4. Стадия приятного или болезненного представления; последствия двух описанных стадий в психической жизни преступника; инстинктивные проявления; механизм преступного внимания.-5. Учение о познании и проблема динамического содержания мысли; единство закона в природе, в мысли, в истории; как действует преступная энергия в различных установках психики.-6. Влияние воображения или фантазии на психический процесс преступника.-7. Анализ этого влияния, особенно у эпилептиков и аффективных преступников.-8. Закон *сходства* и закон *смежности во времени и пространстве*, и динамика преступной психики.-9. Динамика преступной психики в волевых актах.-10. Состояние тревоги как следствие поляризации преступной воли; психология эмоции страха; различие между спонтанным и волевым актом.-11. Колебания воли и связанные с ними механико-церебральные процессы.-12. *Чередование или прерывистость* действий, обусловленных сменяющимися друг друга мотивами; пример Альфиери в "Агамемноне".

Стр. 111 - 138

ГЛАВА X.

Психология преступного действия.

1. Что следует понимать под преступным действием.-2. Аномалии и отклонения в характере преступника.-3. Состояние психической ненормальности прирожденного преступника: отличительные черты, сопровождающие его преступные действия.-4. Аномальная психофизическая организация прирожденного преступника: психопатологические особенности его деятельности.-5. Действия невменяемого делинквента; меланхолическая форма безумия.-6. Импульсивная мания; преступные психические одержимости.-7. Рассмотрение *неистового Геракла* Еврипида, пример гомицидальной мании, сопровождающейся импульсивными галлюцинациями; *навязчивые эмоции* с импульсами фобий.-8. Преступные действия эпилептика.-9. Ларвальная эпилепсия или *эпилептический эквивалент*.-10. Преступник по страсти.-11. Психология *ненависти*.-12. Психология *ревности*: Федра и Медея.-13.

Преступные действия преступника из страсти: психология *гнева*.-14. Рассмотрение Ореста, согласно Эсхилу, Софоклу и Еврипиду, как примера преступника по страсти.-15. Преступник по случаю.

Стр. 139 - 167

ГЛАВА XI.

Психология преступных совокупностей.

1. Отношения между индивидуальными сознаниями.-2. Законы интеграции и дезинтеграции сознания при его излучении во внешний психический мир.-3. Свет и тепло излучаемых энергий; качество рефлекторных токов.-4. Динамический ритм конкурирующих психик.-5. Бессознательная душа толпы: виды вменяемости совершаемых ею преступлений.-6. Организация энергии толпы.-7. Эмоции толпы; их ритм депрессии и экзальтации.-8. Экзальтация в форме психоза с эпидемическим влиянием; болезненная страстная заразительность чувств и идей.-9. Действие *meneurs* в толпе.-10. Объединение для совершения преступления; прорастание и развитие микроба ассоциированного преступления.-11. Форма и выражение эмоций и комплекс этических принципов, лежащих в основе ассоциированных преступных действий.-12. Душа толпы и душа преступных сообществ.

Стр. 168-182

ГЛАВА XII.

Преступная жизнь.

1. Индивидуальная и коллективная жизнь преступности.-2. Историческая жизнь преступности.-3. *Необходимость* в возникновении преступности; теория Бовио: закон непрерывности в явлении преступности.-4. *Качественный* и *количественный* коэффициент в жизненном процессе преступности.-5. Причинность и однородность явлений; методическое и научное содержание статистики; уголовная психология и статистика.-6. Задача уголовной статистики: *доказательное* значение статистических законов.-7. Основополагающий принцип исчисления вероятностей, применяемый к жизни преступлений: нормы, относящиеся к числовым данным статических и динамических законов преступности; мнение Ферри о влиянии различных криминальных факторов на детерминацию преступления; опровержение.-8. Критерии, которыми следует руководствоваться при вероятностном подсчете статистики преступлений.-9. Этнографическая криминальная психология, ее задачи и основные цели.

Стр. 183-198

ГЛАВА XIII.

Динамическая теория вменяемости.

1. Внутреннее и внешнее равновесие сил; идея и чувство справедливости.-2. Что понимается *под принципом причинности*.-3. Три концепции, из которых вытекает вменяемость; намерения криминальной психологии.-4. Две фундаментальные проблемы вменяемости - этическая и юридическая детерминистская: значение и содержание позитивной морали.-5. *Аффективная необходимость*; органический детерминизм или витальный детерминизм; последствия в отношении вменяемости.-6. Развитие динамической теории *намерения*.-7. Обязанность на практике придерживаться элементов *конкретного умысла* каждого преступления.-8. Доктрина *темперамента*.-9. Два метода исследования умысла; объективный метод.-10. Субъективный метод: основополагающий принцип *индукции*; попытка логики

психологии.-11. Правила, налагаемые на судью при расследовании умысла.-12. Доказательство злого умысла в косвенных процессах; *гипотеза* вменяемого факта.-13. Теория *вины*.-14. Психология *предвидения* в вине.-15. *Неосторожность* и вина.-16. Теория случая.

Стр. 199 - 223

ГЛАВА XIV.

О некоторых юридических формах криминальной психологии.

I.

Провокация.

1. Динамическое происхождение аффективного состояния.-2. *Задерживающее* действие в аффективных явлениях.-3. Субъективность провокационного акта.-4. Аномальные формы чувствительности при провокации: *иллюзии*.-5. *Галлюцинации*.-6. *Внутренний язык*; расщепление эго, пример солилоквита Ланселота в "Венецианском купце" Шекспира.-7. Юридические последствия расстройства сознания в состоянии галлюцинаторного возбуждения.-8. *Бессознательная* ненормальность внутреннего провокационного процесса.-9. Провокация и *истерия*.-10. Провокация у неврастеников.-11. Психология *интенсивной боли*.

Страницы с 224 по 241

II.

Самооборона и состояние необходимости.

1. Характер *законности* или *справедливости*, *необходимости* и *актуальности* в дискриминанте самообороны.-2. Физиолого-психологическое исследование защитного механизма человека: физические, интеллектуальные и моральные коэффициенты.-3. Оценка *страха* как *естественного* основания правомерности правонарушения.-4. Психология страха; психическое равновесие; вторичные коэффициенты потребности в обороне.-5. Система, которой придерживается наш Кодекс.-6. Разграничение правомерной обороны.-7. Правомерная оборона в лице других лиц.-8. *Состояние необходимости*; его юридическое и логическое содержание.-9. Теория римских юристов.-10. Различие между состоянием необходимости и самообороной.-11. Крайности состояния необходимости.-12. *Тяжесть* и *неотвратимость* опасности.-13. *Случайность* и *неизбежность* опасности.-14. Состояние необходимости для спасения *других*.

Страница 241 - 257

ГЛАВА XV.

Психология доказательств преступления.

1. Обязанность судьи по уголовным делам; процессуальные законы и теоретические представления о преступлении.-2. Историческая достоверность факта; критерий правдоподобия.-3. Необходимость психологии свидетеля; логические гарантии свидетельских показаний.-4. Качества свидетеля; значение его индивидуальных психических, интеллектуальных и этических особенностей.-5. Интеллектуальная сторона свидетеля.-6. Относительность логических законов в свидетельских показаниях.-7. Индивидуальный *темперамент* и *время*, прошедшее с момента совершения преступления, - две главные изменяющие причины работы свидетеля.-8. Должность судьи, психологические требования, которым он подчиняется.

Страница 258 - 267

				Ошибки	Исправления
Стр.	5	строка	22	Гаспер, Ферри	Каспер, Феррус
"	14	"	10	к неисчислимым	и неисчислимые
"	36	"	8	наказания	ощущений
"	71	"	8	когда он писал	что он написал
"	7	"	12	протоэстемы	протоэстемы
"	86	"	30	и волютивные	и волевой
"	105	"	26	не имеет значения	не имеет значения
"	115	(в сноске)	(68)	<i>La psychologie, etc.</i>	(68) <i>Op. cit.</i> , p. 267
"	122	строка	10	подавлено	supravenuta
"	126	"	1	Из комбинации	В комбинацию
"	132	"	6	сопровождается	сопровождается
"	140	"	24	противоречие	противоречивый
"	142	"	5	и от	и до
"	146	"	36	меланхолия	меланхолия
"	164	"	37	Хор	Хор

ПРИМЕЧАНИЯ:

- [1] *Works*, vol. II, p. 45.
- [2] *Об идее и признаках злого умысла*, § 1.
- [3] *Of Proc. pen.*, part II, § 871.
- [4] *Inst. of dir. and proc. pen.*, p. 158.
- [5] *Генезис уголовного права*, § 510.
- [6] *Там же*, § 493.
- [7] *Теория законов социального права*, т. II, с. 33-41.
- [8] *Éléments de Psychologie physiologique*, tom. II, p. 230.
- [9] *Ibid.*
- [10] *Первые принципы*, гл. XXII.
- [11] *Основания морали*, гл. V.
- [12] *См. монизм.*
- [13] *См. Фуко, "Психофизика", с. 1-4; Геккель, "Проблемы Вселенной", с. 128.*
- [14] *См. "Интеллект", с. 21.*
- [15] *Там же*, стр. 25.
- [16] Prof. R. Oddi, *L'Inhibition, etc.* Восса, 1898.
- [17] *Там же*, p. 112-115.

- [18] *Трактат по психиатрии*, с. 326.
- [19] *Проблемы Вселенной*, с. 216.
- [20] *The Delinquent Man*, vol. I, p. 386.
- [21] *Там же*, p. 423.
- [22] См. L. M. Drago, *Born Criminals*, p. 32.
- [23] *Трактат по психиатрии*, с. 334.
- [24] *The Delinquent Man*, vol. I, p. 134.
- [25] *Dégénérescence et Criminalité*, p. 87.
- [26] *Там же*, p. 89.
- [27] *Единство сознания*, т. VII *Сочинений*, с. 11.
- [28] *Трактат по судебной психопатологии*, с. 347.
- [29] *Дегенерации человека*, с. 96.
- [30] *Характеры делинквентов*, с. 329.
- [31] *Ответственность при психических заболеваниях*, с. 35.
- [32] *Компендиум психологии*, с. 17.
- [33] См. James, *Principles of Psychology*, p. 221-225.
- [34] *Comp. of Psychology*, p. 166.
- [35] *Характеры делинквентов*, с. 379-380.
- [36] *Принципы психологии*, с. 751.
- [37] *Принципы психологии*, с. 752-753.
- [38] Morselli, *Annot. to Haeckel's Problems of the Universe*, p. 171.
- [39] *Philosophical Works*, vol. I, p. 181.
- [40] См. мою книгу *"Совесть преступника"*, с. 49.
- [41] *Психология для школ*, с. 165.
- [42] *La Psychologie des Sentiments*, p. 424.
- [43] Не имея возможности лично присутствовать на конгрессе, я ссылаюсь на отчет, опубликованный в *Giornale d'Italia*, № от 30 апреля 1905 года.
- [44] Ardigò, *La formaz. natur. e la dinam. della psiche*, p. 285.
- [45] См. P. Riccardi: *Teoria antropologica dell'imputabilità e dati fondamentali di antropologia criminale*, p. 258.
- [46] См. мою книгу *La Premeditazione*, p. 56.
- [47] *Илиада* (перевод Монти), lib. II, vv. 283-286.
- [48] *Там же*, ст. 276-282.
- [49] *Там же*, ст. 322-331.
- [50] *Илиада* (перевод Монти), lib. II, ст. 348-350.
- [51] *Ivi*, vv. 354-360.
- [52] *Пелопоннесские войны*, либ. III.
- [53] *Преступления в искусстве*, с. 17.
- [54] *Ibid*, p. 41.
- [55] *Акт I*, sc. 2.

- [56] Там же, sc. 3.
- [57] Там же.
- [58] АКТ IV, sc. 2.
- [59] АКТ IV, sc. 4.
- [60] АКТ V, sc. 3.
- [61] АКТ V, sc. 3.
- [62] Там же.
- [63] Там же.
- [64] АКТ V, sc. 3.
- [65] *The Natural Formation and Dynamics of the Psyche*, p. 248.
- [66] *Psychologie des Idées-Forces*, tom. I, p. ix.
- [67] *La Psychologie des Idées-Forces*, tom. I, p. IX.
- [68] *La Psychologie des Idées-Forces*, tom. I, p. 267.
- [69] *Psychologie naturelle*, tom. I, p. 177.
- [70] *Ibid*, tom. II, p. 213.
- [71] *Psychologie naturelle*, tom. I, p. 215.
- [72] Risc. *Éléments de Psychologie Physiologique*, vol. II, p. 232.
- [73] См. "Курс науки права", с. 114.
- [74] Спенсер, *Первые принципы*, гл. VIII, § 66.
- [75] См. *Компендиум психологии*, с. 151.
- [76] *Psychologie des Idées-Forces*, tom. II, p. 249.
- [77] Wundt, p. 153.
- [78] *Принципы психологии*, с. 791.
- [79] *Les Émotions*, p. 51.
- [80] *La Psychologie des Sentiments*, p. 219.
- [81] *Жизнь и сознание*, с. 168-169.
- [82] *Жизнь и сознание*, с. 174.
- [83] АКТ III, с. 5.
- [84] АКТ IV, sc. 1.
- [85] Там же.
- [86] *Криминология*, с. 99.
- [87] *The Characters of Delinquents*, p. 352.
- [88] *Psychologie naturelle*, special, vol. II, p. 336 ff.
- [89] *L'uomo delinquente*, vol. I, p. 336 ff.
- [90] См. Ferri, *L'Omicidio*, p. 340.
- [91] *Трактат по судебной психопатологии*, p. 82.
- [92] Краффт-Эбинг, с. 84.
- [93] *Трактат о судебной психопатологии*, с. 119.
- [94] *Трактат о судебной психопатологии*, с. 388.

- [95] *Трактат по психиатрии*, с. 585.
- [96] *Трактат по психиатрии*, с. 485.
- [97] *О любви и ненависти*, VIII.
- [98] *Физиол. любви*.
- [99] *Медицина страстей*, С. VII.
- [100] См. трагедию Еврипида "*Ипполит*".
- [101] См. Еврипид, *Медея*.
- [102] Lib. I, chap. 1 (*Trad. Serdonati*).
- [103] *Op. cit.*, Lib. II, ch. V.
- [104] *Коэфоры*.
- [105] *Электра*.
- [106] *Electra*.
- [107] *The Delinquent Man*, vol. II, p. 491.
- [108] *Криминальная социология*, с. 184.
- [109] *Криминальное сознание*, гл. X.
- [110] *Преступления толпы*, с. 62-63.
- [111] Pasquali Rossi, *Morbid Collective Psychology*, p. 25.
- [112] *Всеобщая история*, т. IX, p. 355.
- [113] *Там же*, p. 358.
- [114] *Уродливая криминальная психология*, с. 108.
- [115] *Критический очерк уголовного права*, с. 61.
- [116] *Там же*, с. 73.
- [117] *Статистика*, с. 167.
- [118] См. Colajanni, *Handbook of Theoretical Statistics*, p. 65.
- [119] *О теории вероятности и ее приложениях к физическим и социальным наукам*.
- [120] *Социальная физика*, книга I.
- [121] *Там же*.
- [122] *Криминальная социология*, с. 241.
- [123] *Аналитическая теория вероятностей*.
- [124] *Логика вероятностей*, гл. II.
- [125] *Социальная физика*, книга I, 9.
- [126] *Там же*, 10.
- [127] *Первые принципы*, гл. XXII, § 174.
- [128] *Социология*, т. IV *Сочинений*, p. 104.
- [129] *Справедливость*, глава IV.
- [130] *Annot. to Haeckel's Problems of the Universe*, p. 405.
- [131] См. мой "*Трактат об уголовном кодексе*", с. 180-181.
- [132] *Ibid.* p. 184-194.
- [133] *Принципы уголовной юриспруденции*, с. 147.

- [134] *Éléments de Psychologie physiologique*, tom. II, p. 391.
- [135] *Logique déductive et inductive*, tom. II, p. 13-14.
- [136] *Op. cit.*, p. 408-431.
- [137] *Первые принципы*, гл. IV, § 24.
- [138] *Указ. соч.*
- [139] *Трактат об итальянском уголовном кодексе*, с. 192.
- [140] Бернер, *Трактат по уголовному праву*, § 94, с. 138.
- [141] Renazzi, *Elementa*, Lib. I, Chap. VI, § 2.
- [142] *Cenni sopra l'essenza e la punizione dei delitti colposi*. См. мой "*Трактат об уголовном кодексе*", p. 193 и далее.
- [143] *Психология внимания*, с. 3.
- [144] *Трактат по психиатрии*, с. 226.
- [145] *La psychologie des idées-forces*, tom. I, p. 46.
- [146] См. Spencer, *The Basis of Life*, главы II и III.
- [147] *Les Phénomènes affectifs*, p. 21.
- [148] *Programme*, Spec. part, vol. I, § 1289.
- [149] *Трактат по психиатрии*, с. 200.
- [150] *Le Langage intérieur*, p. 39.
- [151] *Op. cit.*
- [152] Акт II, сцена 2.
- [153] *Генезис уголовного права*, § 496.
- [154] *Трактат по психиатрии*, p. 608.
- [155] См. мой "*Трактат об уголовном кодексе*", ч. I^a, p. 255 ff.
- [156] *Программа*, ч. gen., vol. I, § 296.
- [157] *Указ. соч.*, §§ 302-303.
- [158] *Трактат по уголовному праву*, § 85.
- [159] *Трактат по уголовному праву*, § 86, с. 123.
- [160] *Релиз. мин. по проекту 1887 г.*, № CLI.
- [161] Nicolini, *Questioni di diritto*, p. III, XXV, n. 8.
- [162] Metastasio, *Regulus*, Act II, sc. 1.
- [163] *Questioni di diritto*, part. I, p. 268.
- [164] См. мой *Trattato di Cod. pen. ital.*, part. I, p. 271 ff.
- [165] *Item Labeo scribit, si cum vi ventorum navis impulsæ esset in funes anchorarum alterius, (et) nautæ funes præcidissent, si nullo alio modo, nisi præcisis funibus, explicare se potuit, nullam actionem dandam. Idemque Labeo et Proculus, et circa retia piscatorum, in quæ navis (piscatorum) inciderat aestimarunt. Plane, si culpa nautarum id factum esset, lege Aquilia agendum (Dig., lib. IX, tit. II, leg. 29, § 3).*
- [166] *Dig.*, lib. XIX, tit. V, leg. 14.
- [167] *Dig.*, lib. IX, tit. II, leg. 49, § 1.
- [168] *О вменяемости и причинах, которые ее исключают или уменьшают* (в "*Полном трактате*" Коглиола), p. 149.

[169] *Logica*, p. 487

[170] *Ibid.*

[171] *Cours de Philosophie Positive*, tom. II, p. 10.

[172] *Op. cit.*, p. 8.

[173] Здесь стоит упомянуть, в порядке чести, двух выдающихся магистратов, которых я знал лично и для которых точное исполнение своих обязанностей так украшает широкая позитивная культура и откровенность в провозглашении ее постулатов; я говорю о Фортунато Де Франческо, прокуроре ре в Лучере, и профессоре Сальваторе Д'Ауриа, заместителе генерального прокурора в Трани.